

Густав ЭМАР

ВЕЛИКИЙ ВОЖДЬ ОКАСОВ
ИСКАТЕЛЬ СЛЕДОВ
ПИРАТЫ ПРЕРИЙ
ЗАКОН ЛИНЧА

ТЕТРАЛОГИЯ

ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2013

УДК 821.161.1
ББК 84(4Фра)6-я5
Э54

Серия основана в 2007 году

GUSTAVE AIMARD
Le Grand Chef des Aucas
Le Chercheur de Pistes
Les Pirates des Prairies
Le Loi de Lynch

Перевод с французского

Эмар Густав

Э54 Великий вождь окасов. Искатель Следов. Пираты прерий. Закон Линча. Тетралогия/ Пер. с фр. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 1179 с.: ил. — (Полное иллюстрированное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-1241-9

Густав Эмар (1818—1883) — французский писатель, классик приключенческой литературы.

Наибольший успех Эмару принесли романы о приключениях на Диком Западе, героями которых стали отважные французы и индейцы — то честные и великодушные, то жестокие и коварные, но всегда храбрые и гордые воины.

В тетралогии, которую составили романы «Великий вождь окасов», «Искатель Следов», «Пираты прерий» и «Закон Линча», читателя ждут невероятные приключения, отчаянные схватки, похищения и погони; он встретится как с благородными, так и с кровожадными индейцами, отважным и предприимчивым вождем окасов Курумилей, со всякого рода авантюристами, наводнившими просторы Дикого Запада, с охотниками за скальпами, с безжалостным и алчным скваттером — Красным Кедром. И все же читателя больше всего покорит главный герой тетралогии — Валентин Гиллуа, смелый и обаятельный молодой француз, который в силу своего неумного характера постоянно оказывается в сложных и опасных ситуациях.

Издание проиллюстрировано 187 гравюрами известных французских художников.

УДК 821.161.1
ББК 84(4Фра)6-я5

ISBN 978-5-9922-1241-9

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

**ВЕЛИКИЙ ВОЖДЬ
ОКАСОВ**

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ 1858 ГОДА

Какие-то тридцать—сорок лет назад, когда на поездку из Парижа в Марсель уходило около двух недель, да и не всегда еще она удавалась (никто не мог гарантировать, что путешественник благополучно доберется до места назначения), требовалось большое мужество, чтобы пересечь Атлантику даже на пароходе. Зарубежные страны были окружены неким мистическим ореолом, и те, кто пускался в отчаянные приключения, все без разбора считались авантюристами.

Сегодня, благодаря силе пара и железным дорогам, расстояния больше не являются препятствием, когда возникает охота к перемене мест: стар и млад, бедный и богатый — все мечтают оказаться в отдаленных от привычных мест областях, полных загадок и тайн. Кто из вас не совершал хоть раз в жизни такой маленький подвиг?

Только сегодня, по словам известного поэта, уже не путешествуют, а ездят, и не белый парус полощется по ветру, а все чаще ключья дыма и пара из труб паровоза или парохода...

В то время, когда Г. Эмар начинал свои путешествия, эпоха пара еще только зарождалась и железных дорог не существовало и в помине. Мучимый лихорадочной жадой новых приключений, не терзаемый угрызениями по поводу оставляемых благ цивилизации, Эмар пустился в неизвестность без всякой надежды вернуться живым. Без каких-либо связей и условностей, не оставляя за собой ни дружбы, ни вражды, молодой авантюрист оказался в лучших условиях по сравнению с другими, теми, кто вынужден был спасаться бегством, бросая порой и семью, и все нажитое. Так он ступил на землю Америки и оказался в мире пампасов и прерий.

Двадцать лет его жизни прошло на просторах Нового Света, среди кочевых племен Южной и Северной Америки, среди необузданной и дикой природы. Он пересек вслед за ними необозримые дали, охотился и рыбачил вместе с аборигенами, исследовал степи и пустыни в наименее изученных их местах, поднимался на крутые пики Кордильер, с топором в огрубелых руках прорубался сквозь девственную сельву Амазонии.

Такая жизнь заставляла мыслить и действовать по-иному, расставляла на свои места все жизненные ценности, учила действовать решительно, жертвовать и быть великодушным, словом, быть самим собой, каким Бог создал тебя на земле.

Кочевой образ жизни! Перефразируя Коран, что нет хозяина, кроме Аллаха, и нет закона, кроме его воли, он бросился в мир странствий — на лошади ли, пешком ли, с пистолетами за поясом, ножом в сапоге, лассо на седле и ружьем за спиной... и выжил там! Вернувшись, вопреки ожиданиям, в цивилизованный мир, Эмар взялся за перо, но не для того чтобы стать литератором, а чтобы вновь пережить свое прошлое, потому что одной такой жизни ему оказалось мало. Он все еще живет в прериях, когда рассказывает о них на своих страницах...

В первой книге «Охотники из Арканзаса» он лишь прикоснулся к памяти о приключениях в прериях. В «Вожде окасов» он заставил себя плыть по течению воспоминаний. Он прослеживал, как он, потерянный ребенок европейской цивилизации, великой и одновременно жалкой, спасается от нее в девственных лесах вместе с дикими обитателями тех мест и становится вместе с ними человеком.

Валентин Гиллуа — это не герой как таковой, а сам автор с его положительными качествами и недостатками, эта книга лишь рассказ о его ощущениях. Его персонажи — а их Эмар знал лично — делятся своими радостями и печалью. И сегодня он чувствует неопишное удовольствие снова оказаться с ними, чтобы воскреснуть и побывать во времени, когда он был счастлив, потому что был свободен.

«Именно по этой причине я приветствую книги Эмара, — говорит Поль Ивуа в литературной колонке одной из популярных парижских газет. — Когда африканцы убивают льва, они отдают его сердце своим детям, чтобы те, съев его, стали сильными. Эти книги, говорящие, нет, кричащие о свободе, свежем воздухе прерий, мужестве, самоотверженности, тоже являются хорошей пищей: это как сердце льва».

ГЛАВА I

Кровавая просека

Во время последнего пребывания в Америке моя счастливая звезда помогла мне познакомиться с одним из тех охотников лесных дебрей, которых обессмертил Купер своим знаменитым персонажем — Кожаным Чулком.

Вот при каких странных обстоятельствах Господь свел нас друг с другом.

В конце июля 1855 года я уехал из Галвестона из-за боязни лихорадки, смертельной для европейцев, с намерением осмотреть северо-западную часть Техаса, которая была еще мне незнакома. Имеется одна испанская пословица, которая гласит: «Mas vale andar solo que mal acompañado» («Лучше ехать одному, нежели с плохим товарищем».) Как во всех пословицах, и в этой есть доля истины, особенно если применить ее к Америке, где каждую минуту подвергаешься опасности встретить плутов всех мастей, которые благодаря своей обманчивой наружности втираются в доверие и пользуются им без угрызений совести, чтобы при первом случае ограбить и даже убить вас.

Я воспользовался советом пословицы и, не видя около себя ни одного человека, который внушал бы мне настолько симпатии, чтобы я мог выбрать его в мои спутники, храбро пустился в путь один. Я был одет в живописный костюм туземцев, вооружен с ног до головы и ехал на превосходном полудиком коне, которого купил за двадцать пять пиастров; цена огромная для той страны, где лошади стоят безделицу.

Я вообще вел кочевую жизнь, исполненную привлекательности; по временам я останавливался на ранчо, иногда ночевал в степи, стреляя по дороге дичь и все более и более углублялся в неизвестные мне области; таким образом, я проехал беспрепятственно Фредериксбург, Льяно-Брауфельс и выехал из Кастровиля в Кихи.

Подобно всем испано-американским селениям, Кастровиль представляет собой жалкую кучу невзрачных хижин, перерезанную несколькими улицами, заросшими сорной травой и населенными бесчисленным множеством муравьев, разных пресмыкающихся и даже кроликов, очень мелких, которые нередко выскакивают из-под ног ма-

лочисленных прохожих. Пуэбло граничит к западу с Мединой, узкой речкой, почти совершенно пересыхающей в сильную жару, а к востоку — с лесистыми холмами, темная зелень которых резко отделяется на горизонте от бледной синевы небес.

Я взял в Галвестоне письмо к одному кастровильскому жителю. Достойный человек жил в этом селении, как мышь в голландском сыре в басне Лафонтена. Обрадованный приездом иностранца, который, без сомнения, мог сообщить ему несколько новостей, редко получаемых в таких уединенных местах, он принял меня самым дружеским образом, всячески стараясь удержать меня. К несчастью, то, что я видел в Кастровиле, было совершенно достаточно для того, чтобы внушить мне полное отвращение к этому селению, и я торопился уехать оттуда как можно скорее. Хозяин мой приходил в отчаяние, видя, что вся его предупредительность нисколько не помогает, и наконец согласился отпустить меня в дальнейший путь.

— Прощайте, если уж вы так хотите ехать, — сказал он, крепко пожимая мне руку со вздохом сожаления, — да поможет вам Бог! Напрасно вы едете так поздно; дорога опасна: индейцы восстали, и они безжалостно убивают белых, которые попадают им в руки, поэтому берегитесь!..

Я не принял всерьез это предостережение, которое посчитал за последнее усилие доброго человека удержать меня от опрометчивого шага.

— Ба! — отвечал я беззаботно. — С индейцами я так давно знаком, что мне нечего их опасаться.

Хозяин мой сокрушенно развел руками и возвратился в свою хижину, махнув мне на прощанье рукой. Я уехал.

Было очень поздно. Я пустил свою лошадь галопом, желая проехать до наступления ночи просеку, которая простиралась в длину более чем на два километра. Именно ее считал весьма опасной мой хозяин. Это место, пользовавшееся дурной славой, имело зловещий вид. Акации и кактусы составляли его скудную растительность. Повсюду побелевшие кости и кресты, воткнутые в землю, обозначали места, на которых совершены были убийства. За просекой расстился обширный луг, называемый Львиным и населенный разными животными. На этом лугу, поросшем травой по крайней мере два фута высотой, изредка росли кущи деревьев, на которых щебетали тысячи скворцов с золотистым горлом и кардиналы.

Я торопился добраться до этого луга, который уже виднелся вдаль, но прежде мне надо было проехать просеку. Осмотрев свое оружие, бросив кругом внимательный взгляд и не приметив ничего подозрительного в окрестностях, я пришпорил лошадь, решившись, если встретится опасность, продать свою жизнь как можно дороже.

Между тем солнце быстро опускалось за горизонт; красноватое пламя окрашивало своими изменчивыми переливами вершины лесистых холмов. Свежий ветерок с таинственным шелестом колебал ветви

*В десяти шагах от меня, под деревьями,
лежали несколько трупов.*

деревьев. В этой стране, где нет сумерек, ночь скоро должна была окружить меня своим черным покровом. Я проехал почти две трети просеки и уже надеялся достигнуть целым и невредимым Львиного луга, как вдруг лошадь моя отпрыгнула в сторону, подняв уши и сильно фыркая. Внезапный толчок чуть было не выбил меня из седла. Только с величайшим трудом удалось мне наконец управиться с моим конем. Как всегда случается в подобных обстоятельствах, я пытался отыскивать причину панического страха животного.

Скоро я понял причину ее испуга. Холодный пот выступил на моем лице при страшном виде, открывшемся моему взору. В десяти шагах от меня, под деревьями, лежали несколько трупов. Среди них были женщина и молодая девушка лет четырнадцати. По-видимому, погибшие долго и упорно сражались, прежде чем пали. Тела их были покрыты ранами: длинные стрелы с извилистыми выемками, выкрашенные красной краской, торчали в телах убитых. Жертвы были скальпированы. Из груди молодой девушки, разрезанной накрест, было вырвано сердце. Это явно было дело рук индейцев. Форма и цвет стрел показывали, что это были апачи, самые жестокие разбойники прерий. Около трупов я заметил обломки повозок и мебели. Убитые несчастные, без сомнения, являлись бедными эмигрантами, ехавшими в Кастровиль.

При виде страшного зрелища сердце мое наполнилось состраданием и горестью. Ястребы и коршуны, привлеченные запахом крови, медленно кружили в воздухе над трупами со зловещими криками, а в глубине просеки начинали глухо выть койоты и рычать ягуары.

По всей вероятности, апачи напали на эмигрантов во время их отдыха. Распоротые тюки валялись в беспорядке, а огонь, возле которого находилась груда сухих сучьев, еще догорал поодаль.

«Нет, — сказал я сам себе, — что бы ни случилось, я не оставлю христиан без погребения, не дам им сделаться в этой пустыне добычей диких зверей!»

Приняв такое решение, я немедленно принялся за дело. Спрыгнув на землю, спутал ноги моей лошади, дал ей корма и бросил охапку сучьев в костер, который скоро запыхал так, что пламя столбом поднялось к небу.

Между вещами, оставленными индейцами, как не имеющими для них никакой ценности, находились лопатки и заступы. Я схватил заступ и, внимательно осмотрев окрестности, чтобы удостовериться, не угрожает ли мне какая-нибудь опасность, начал рыть могилу. Настала ночь, спокойная, безмолвная, исполненная упоительных запахов и таинственных мелодий пустыни.

Странное дело! Все мои опасения исчезли разом, как по волшебству. Я не боялся ничего, хотя был совершенно один в этом зловещем месте, возле обезображенных трупов, и не думал о том, что, без сомнения, невидимые дикие звери и индейцы подстерегали меня во мраке. Не знаю сам, но какое-то непонятное чувство поддерживало меня и придавало мне силы исполнить священную обязанность, которую я возложил на себя.

Вместо того чтобы думать об опасностях, угрожавших мне со всех сторон, я думал об этих бедных людях, ехавших издалека, с полной надеждой найти в Новом Свете то благосостояние, в котором им отказывала родина, и павших в неизвестном уголке пустыни под ударами свирепых апачей. Без сомнения, они оставили в своем отечестве друзей, может статься, родственников, для которых их участь вряд ли будет из-

вестна, и они долго, с унылым беспокойством, будут ожидать возвращения своих близких!

Раза два или три ветер, шумевший в листьях деревьев, заставлял меня настораживаться, но, кроме этого, ничто мне не мешало. Менее чем за три часа я вырыл могилу, довольно глубокую для того, чтобы в ней могли уместиться пять трупов. Вынув стрелы, пронзившие убитых, я отнес их одного за другим и положил рядом на дне могилы. Потом я поспешно закопал могилу и наложил на нее самых больших камней, какие только мог найти. Таким образом я надеялся не допустить диких зверей осквернить мертвых.

Исполнив свой долг христианина, я свободно вздохнул и обратился мысленно с молитвой к тому, кто может наказать виновных, которых я похоронил! Когда я поднял голову, то вскрикнул от изумления и испуга и поспешно схватился за револьвер. В четырех шагах от меня стоял человек, опираясь на винтовку, хотя ни малейший шорох не предупредил меня о его неожиданном приходе. Два великолепных ньюфаундленда спокойно лежали у его ног. Увидев мое движение, незнакомец улыбнулся и, протянув мне руку, сказал:

— Не бойтесь ничего: я вам друг. Вы похоронили этих бедных людей, а я отомстил за них. Убийцы их уже мертвы!

Я молча пожал руку, так доверчиво мне протянутую. Знакомство состоялось; мы скоро сделались друзьями и остались друзьями до сих пор!

Через несколько минут, усевшись у огня, мы поужинали, между тем как собаки охраняли нашу безопасность. Человеку, которого я встретил таким неожиданным образом, было лет сорок пять, хотя на вид ему казалось не более тридцати. Его узкий стан, широкие плечи, развитые мускулы рук — все показывало силу и проворство. На нем был костюм охотника: широкий плащ или, скорее, нечто вроде одеяла, стянутого вокруг шеи и падавшего длинными складками сзади, полосатая бумажная фуфайка, широкие кожаные штаны, мокасины, украшенные бусами и иглами дикобраза, пестрый шерстяной пояс, на котором висели нож, табачный кисет, пороховница, пистолеты и мешочек с лекарствами. На голове у него была шапка из бобровой шкуры с длинным хвостом. Он напоминал мне тех смелых искателей приключений, которые проходят Америку вдоль и поперек.

Это натуры, ищущие свободы, отвергающие блага цивилизации, потому исчезающие перед появлением трудолюбивых поселенцев, которые обладают такими современными средствами завоевания, как пар и всякие механические изобретения.

Охотник этот был француз. Его благородное лицо, образная речь, открытое и располагающее обращение — все, несмотря на его продолжительное пребывание в Америке, сохраняло еще отблеск родины. Все страны Нового Света были ему знакомы: он провел более двадцати лет в глубине лесов, в опасных и продолжительных странствованиях среди индейских племен. Поэтому-то, хотя я сам был неплохо знаком с обы-

Охотник этот был француз.

чаями краснокожих и хотя большая часть моей жизни протекла в степи, я много раз невольно трепетал, слушая рассказы о его приключениях. Во время поездки, предпринятой нами, мы часто сидели на берегу Рио-Хила, и тогда он нередко предавался воспоминаниям, покуривая индейскую трубку, и пересказывал мне увлекательную историю первых лет своего пребывания в Новом Свете.

Один из этих рассказов я передаю ныне. Смею надеяться, что читатель заинтересуется этим рассказом так же, как я, и пусть помнит, что я слушал этот рассказ в прерии, среди грандиозной и могучей природы, неизвестной жителям Старой Европы, и притом от того самого человека, который был его героем.

ГЛАВА II

Молочные братья

31 декабря 1834 года, поздно вечером, человек лет двадцати пяти, с аристократическими манерами, сидел или, скорее, полулежал в мягком кресле, стоявшем у камина, в котором трещал огонь. Это был граф Максим-Эдуард-Луи де Пребуа-Крансэ.

Его бледное лицо резко контрастировало с черными кудрявыми волосами, падавшими в беспорядке на плечи, покрытые шелковым шлафроком. Брови были нахмурены, а глаза устремлялись с лихорадочным нетерпением на великолепные стенные часы в стиле Людовика XV, между тем как левая рука небрежно гладила шелковистые уши великолепного ньюфаундленда, лежавшего возле него.

Кабинет, в котором находился граф, был меблирован со всей возможной роскошью. Стоявший на столе канделябр с четырьмя подсвечниками, в которых горели розовые восковые свечи, проливал неясный свет. Дождь бил в стекла, ветер стонал с таинственным ропотом, располагая душу к воспоминаниям.

Послышался негромкий звук: часы пробили половину. Граф выпрямился, как будто внезапно пробудился ото сна, провел белой тонкой рукой по влажному лбу и сказал глухим голосом:

— Он не придет!..

Но вдруг собака, до сих пор остававшаяся неподвижной, вскочила и бросилась к двери, радостно махая хвостом. Дверь отворилась, и показалась закутанная в плащ фигура.

— Наконец-то! — воскликнул граф, подходя к пришедшему. — О! Я боялся, что и ты также забыл меня!

— Я не понимаю тебя, брат, но надеюсь, что ты объяснишься, — отвечал пришедший. — Полно! Полно! — прибавил он, обращаясь к собаке. — Ложись, Цезарь! Я знаю, что ты добрая собака... ложись же, ложись!

И, пододвинув кресло к огню, он сел по другую сторону камина, напротив графа, который между тем уже вернулся на свое место. Собака улеглась между ними.

Гость, а это был его молочный брат Валентин, так нетерпеливо ожидаемый графом, представлял резкий ему контраст. Подобно тому как граф де Пребуа-Крансэ сосредоточивал в себе все качества, отличающие физическое благородство породы, так гость его соединял в себе жизнерадостность простолюдина.

Это был человек лет двадцати шести, высокого роста, худощавый и стройный. Его лицо, загоревшее под солнцем, с резкими чертами, голубыми глазами, сверкавшими умом, имело выражение самой неподдельной храбрости, добродушия и благородства. На нем был щеголь-

ской костюм квартирмейстера спагов¹; крест Почетного легиона блистал у него на груди.

Опершись на правую руку, он задумчиво и внимательно смотрел на своего друга, поглаживая левой длинные и шелковистые светло-русые усы. Граф вдруг прервал молчание:

— Слишком долго ты не являлся на встречу со мной.

— Вот уже два раза ты делаешь мне этот упрек, Луи! — отвечал унтер-офицер, вынимая из кармана бумагу. — Ты, верно, забыл, что написано в записке, которую твой грум принес мне вчера.

И он приготовился читать.

— Не нужно, — сказал граф, улыбаясь, — сознаюсь, что я виноват.

— Что ж это за важное дело, для которого я тебе так нужен? — весело спросил спаги. — Объяснись: женщину, что ли, надо похитить или стать секундантом на дуэли? Говори...

— Ты ни за что не угадаешь, — перебил граф с горечью, — а потому лучше избавь себя от бесполезных догадок.

— Что же это такое?

— Я хочу застрелиться.

Молодой человек произнес эту фразу так твердо и решительно, что солдат невольно вздрогнул, устремив на него беспокойный взор.

— Ты думаешь, что я сошел с ума, не правда ли? — продолжал граф, угадавший мысль своего друга. — Нет, Валентин! Я еще не сошел с ума, а только упал на дно бездны, из которой могу выйти не иначе как посредством смерти или бесчестия. Я предпочитаю смерть!

Солдат не отвечал. Резким движением он отодвинул свое кресло и начал ходить большими шагами по кабинету. Граф опустил голову на грудь. Наступило продолжительное молчание. Наконец Валентин опять сел.

— Вероятно, очень важная причина заставила тебя принять такое решение, — сказал он холодно. — Я не буду отговаривать тебя, однако требую, чтобы ты рассказал мне со всеми подробностями о тех обстоятельствах, которые принуждают тебя посягать на жизнь. Я твой молочный брат, Луи; мы выросли вместе. Наша дружба слишком сильна и слишком искренна для того, чтобы ты отказался исполнить мое желание!

— К чему? — вскричал граф. — Мои горести из числа таких, которые могут быть понятны только тому, кто их испытывает.

— Плохая отговорка, брат, — возразил Валентин суровым голосом. — Горести, в которых не смеют признаться, обыкновенно принадлежат к числу таких, которые принуждают краснеть.

— Валентин! — воскликнул граф, и гнев отразился у него во зоре. — Нехорошо, что ты так говоришь со мной!

¹ С п а г и — французские колониальные кавалерийские части в Северной Африке в 1831—1962 гг.; название заимствовано у турок. Первоначально являлись иррегулярными, а с 1834 г. регулярными войсками, формировавшимися в Алжире.

— Напротив, очень хорошо! — с живостью возразил молодой человек. — Я люблю тебя и потому обязан говорить тебе правду. Зачем мне тебя обманывать? Ты знаешь мою искренность, а потому и не надейся, чтобы я оправдал тебя, не понимая, в чем дело. Если ты хочешь, чтобы тебе льстили при твоих последних минутах, зачем же ты тогда призвал меня? Не затем ли, чтобы я одобрял тебя в принятом намерении? Если так, то прощай, брат! Я уйду... мне нечего здесь делать. Вам, знатным вельможам, стоило только родиться; вы получаете в жизни только радости, и при первой же тени, которую случай набросит на ваше счастье, вы считаете себя погибшими и обращаетесь к самоубийству!

— Валентин! — с возмущением вскричал граф.

— Да! — с жаром продолжал молодой человек. — Человек точно так же не имеет права расстаться с жизнью, когда ему вздумается как солдат бежать со своего поста перед неприятелем! Я знаю твои горести!

— Знаешь?.. — спросил граф с удивлением.

— Да!.. Выслушай меня хорошенько, и потом, когда я выскажу тебе все, что думаю, убивай себя, если хочешь. Неужели ты думаешь, будто я не знал, зачем ты зовешь меня? Слишком слабый, чтобы продолжать борьбу, ты, не обороняясь, предался диким зверям того страшного цирка, который называется Парижем, и пал; это должно было случиться! Но подумай — смерть, в которой ты ищешь избавление, окончательно обесславит тебя в глазах всех, вместо того чтобы восстановить твою честь и окружить тебя ореолом той ложной славы, которой ты так добиваешься!

— Валентин! Валентин! — воскликнул граф, с гневом ударив кулаком. — Кто дал тебе право говорить таким образом?

— Моя дружба, — отвечал солдат, — и положение, в которое ты сам меня поставил, призвав к себе. Две причины приводят тебя в отчаяние. Во-первых, любовь твоя к кокетке, к креолке, которая играла твоим сердцем, как мячиком... Правда ли это?

Граф не отвечал. Опираясь локтями на стол, поддерживая голову руками, он оставался неподвижен и, по-видимости, нечувствителен к упрекам своего молочного брата. Валентин продолжал:

— Потом, когда, желая блистать в глазах своей возлюбленной, ты промотал все состояние, которое оставил тебе отец, эта женщина уехала, радуясь надланному злу и жертвам, павшим на ее пути. Она уехала, оставив тебе и другим обманутым отчаяние и стыд. Ты хочешь убить себя не из сожаления о потере твоего состояния, а потому что не имеешь возможности следовать за этой женщиной, единственной причиной всех твоих несчастий. Осмелишься ли ты утверждать противное?

— Ты прав! Это единственная причина. Какое мне дело до моего потерянного состояния... Я люблю эту женщину!.. Я люблю ее до того, что готов перевернуть весь мир, чтобы обладать ей, — вскричал молодой человек. — О! Если бы я мог надеяться! Но надежда — бессмысленное слово, выдуманное малодушными!.. Ты видишь, мне остается только умереть!

Валентин посмотрел на него, вдруг взгляд его сверкнул как молния; он положил руку на плечо графа и спросил:

— Стало быть, ты действительно очень любишь эту женщину?

— Да!

— Что ж! — продолжал Валентин, пристально на него глядя. — Я могу возвратить тебе эту женщину!

— Ты?

— Да.

— Ты сошел с ума! Она уехала. Никто не знает, в какую часть Америки она удалилась!

— Что за беда!

— Я разорен!

— Тем лучше!

— Валентин, остерегайся своих слов! — горестно вскричал молодой человек. — Невольно я начинаю тебе верить!

— Надейся, говорю я тебе.

— О! Нет! В это невозможно поверить!

— Нет ничего невозможного. Это слово выдуманно трусами. Повторяю тебе, что я не только возвращу тебе эту женщину, но еще она сама, слышишь ли ты, она сама будет опасаться, чтобы ты не отверг ее любовь!

— Валентин!

— Чтобы сделать это, я прошу у тебя только два года!

— Так долго?

— А, вот каковы люди! — сказал, усмехнувшись, солдат. — Минуту назад ты хотел умереть, а теперь ты не чувствуешь себя в силах подождать два года! Что такое два года для целой человеческой жизни!..

— Но...

— Будь спокоен, брат! Если через два года я не исполню обещания, я сам отдам тебе пистолет и тогда...

— Тогда?

— Ты не один умрешь, — сказал Валентин с холодностью.

Валентин преобразился, лицо его имело выражение неукротимой энергии, которой граф до сих пор еще никогда в нем не замечал. Граф признал себя побежденным, взял руку своего молочного брата и, крепко пожав ее, сказал:

— Согласен.

— Теперь ты принадлежишь мне?

— И телом и душой...

— Хорошо!

— Но что же ты намерен делать?

— Выслушай меня внимательно, — отвечал Валентин, опускаясь в кресло и знаком приглашая своего друга сесть.

В эту минуту часы пробили полночь. Оба молча выслушали двенадцать ударов, раздавшихся в ровных промежутках. Когда отголосок последнего удара замолк, Валентин закурил сигару и, обернувшись к

Луи, который устремил на него тревожный взор, сказал, выпуская из рта синеватый дым, спиралью поднявшийся к потолку:

— Я начинаю. Только между нами.

ГЛАВА III История жизни Валентина

— Я слушаю! — проговорил Луи, придвинувшись поближе. Валентин печально улыбнулся.
— Сегодня 1 января 1835 года, — начал он, — с последним ударом часов твоя безоблачная жизнь кончилась. С нынешнего дня ты начнешь жизнь, полную испытаний и борьбы, словом, ты сделаешься человеком!

Граф бросил на него вопросительный взгляд.

— Я объяснюсь, — продолжал Валентин, — но перед этим ты должен позволить мне рассказать в нескольких словах мою собственную историю.

— Но я ее знаю, — перебил граф с нетерпением.

— Может быть! Во всяком случае, позволь мне говорить. Если я ошибусь, ты меня поправишь.

— Делай как хочешь, — отвечал Луи, откидываясь на спинку кресла как человек, которого приличия принуждают выслушать скучный рассказ.

Валентин сделал вид, будто не заметил этого. Он снова закурил погасшую сигару, погладил собаку, огромная голова которой лежала на его коленях, и начал рассказ. Луи слушает его с самым серьезным вниманием.

— Твоя история похожа на историю всех людей твоего сословия. Твои предки, первое упоминание о которых восходит к временам крестовых походов, завещали тебе, когда ты родился, титул графа и сорок тысяч ливров годового дохода. Став богатым, не имея нужды употреблять свои способности на приобретение состояния, следовательно, не зная настоящей цены деньгам, ты должен был тратить его не считая, в уверенности, что они неисчерпаемы. Так и случилось. Но в один день, в ту минуту, когда ты всего менее ожидал этого, призрак разорения явился вдруг перед тобою; ты увидел бедность, то есть труд, и отступил с испугом, отыскивая прибежище в смерти.

— Все это правда, — перебил граф, — но ты забываешь сказать, что прежде чем я принял это намерение, я позаботился заплатить всем моим кредиторам. Стало быть, я имел право располагать своею жизнью.

— Нет! И вот этого-то твое дворянское воспитание никак не могло заставить тебя понять. Твоя жизнь не принадлежит тебе — это капитал, данный тебе Богом взаймы. Следовательно, она только ожидание, и по этой-то причине она коротка; но она все-таки должна принести пользу

обществу. Всякий человек, который в оргиях и разврате тратит способности, полученные им от Бога, обкрадывает великую человеческую семью. Вспомни, что мы все должники один другому и обязаны употребить наши способности на общую пользу.

— Пожалуйста, без нравочений, брат! Эти теории, более или менее оригинальные, могут иметь успех только в известном кругу, но...

— Брат! — перебил Валентин. — Не говори таким образом. Ложная гордость внушает тебе слова, о которых ты скоро пожалеешь. «В известном кругу!..» Вот произнесено великое слово! Луи! Как многому должен ты еще научиться!.. Но перестанем говорить об этом... Скажи мне лучше, когда собрал ты свои средства, сколько у тебя осталось?

— Пустяки!.. Сушая безделица...

— Но все-таки?

— Э, боже мой, тысяч сорок, не более, которые могут дойти до шестидесяти, если продать драгоценные безделицы, — небрежно сказал граф.

Валентин даже подпрыгнул на своем кресле.

— Шестьдесят тысяч франков! — вскричал он. — И ты еще отчаивался! Даже решился умереть! Но, несчастный безумец, эти шестьдесят тысяч франков, употребленные разумно, — настоящее богатство! Оно поможет отыскать тебе ту, которую ты любишь. Как много имеется бедняков, которые считали бы себя счастливыми, если бы имели такую сумму!..

— Что же ты намерен делать?

— Узнаешь. Как зовут женщину, в которую ты влюблен?

— Донья Розарио дель Валле.

— Очень хорошо! Ты говоришь, что она уехала в Америку?

— Десять дней тому назад... но я должен тебе признаться, что донья Розарио, которую ты не знаешь, девушка благородная и кроткая, никогда не обращавшая внимания на мою любезность, никогда не замечавшая дорогих подарков, которые я ей преподносил, чтобы понравиться.

— Зачем стараться отнять у тебя твою сладостную мечту? Только я не понимаю, как при таких обстоятельствах ты мог растратить твое состояние, которое было значительно?

— Вот прочти эту записку моего маклера.

— О! — вскричал Валентин, отталкивая записку. — Ты играл на бирже! Теперь все стало мне понятно... бедный голубок, тебя ощипали закулисные коршуны! Ну, брат, тебе надо отыграться.

— О! Я только этого и желаю, — сказал молодой человек, нахмутив брови.

— Мы одних лет; моя мать кормила нас обоих: перед Богом мы братья! Я сделаю из тебя человека! Я помогу тебе облечься в ту броню, которая сделает тебя непобедимым. В то время, как благодаря своим имени и богатству, ты жил беззаботно, срывая в жизни только одни цветы, а я, жалкий бедняк, заблудившийся в Париже, вел ежечасную борьбу, в

которой победа была для меня куском хлеба и дорого купленным опытом. Очень часто, когда я открывал дверцы экипажей, продавал контрамарки или служил паяцем в труппе акробатов... Наконец, когда исполнял сотни невозможных делишек, уныние и отчаяние душили меня. Очень часто я чувствовал, как сжимают меня тиски нищеты. Но я сопротивлялся и никогда не был побежден. Мужайся, Луи! Теперь мы будем сражаться вместе; ты будешь головой, которая придумывает, а я рукой, которая исполняет! Ты разум, я сила! Теперь борьба будет более эффективной, потому что мы будем поддерживать друг друга. Поверь мне, брат, наступит день, когда успех увенчает наши усилия!

— Я понимаю твою преданность и принимаю ее. Не бойся, я не буду тебе перечить. Но сказать ли тебе? Я боюсь, что все попытки наши будут напрасны и что рано или поздно мы принуждены будем вернуться к последнему средству, которое ты не позволил мне употребить.

— Маловерный! — возразил Валентин. — На том пути, по которому мы пойдем, фортуна будет нашей рабой!

Луи не мог удержаться от улыбки.

— Сначала надо еще иметь удачу в том, что предпринимаете, — сказал он.

— Удача — утешение глупцов; человек сильный действует наверняка.

— Но что же ты хочешь делать?

— Женщина, которую ты любишь, в Америке, не правда ли?

— Я уж говорил тебе об этом несколько раз.

— Ну! В таком случае нам надо отправляться туда...

— Но я не знаю даже, в какой части Америки она находится.

— Что за нужда! Новый Свет — страна золота, обитель искателей приключений! Мы составим себе состояние, отыскивая ее. Разве это так неприятно? Скажи мне... ведь эта женщина родилась же где-нибудь?

— Она родом из Чили.

— Хорошо! Стало быть, она возвратилась в Чили; там-то мы ее и отыщем.

Луи взглянул на своего молочного брата с глубоким уважением.

— Как! Ты серьезно сделаешь это, брат? — сказал он взволнованным голосом.

— Не колеблясь.

— Ты решил бросить военную карьеру? Я знаю, что через полгода ты будешь произведен в офицеры...

— Я уже не солдат с нынешнего утра; я нашел человека, который заменит меня.

— Но это просто невозможно!

— Однако это так.

— Но твоя старая мать, моя кормилица, которой ты являешься единственной опорой?

— Из того, что осталось у тебя, мы дадим ей несколько тысяч франков и присовокупим их к той пенсии, на которую дает мне право орден, этих денег ей будет достаточно на проживание во время нашего отсутствия.

— О! — вскричал граф. — Я не могу принять такой жертвы, честь запрещает мне это!

— К несчастью, брат, — возразил Валентин решительным тоном, — ты не вправе отказать: действуя таким образом, я исполняю священный долг.

— Я тебя не понимаю...

— К чему объяснять?

— Я требую!

— Хорошо! Впрочем, может, это и к лучшему. Когда, выкормив, моя мать возвратила тебя семье, мой отец вдруг занемог и умер после восьмимесячной болезни, оставив мать и меня в глубокой нищете. То немногое, что у нас было, пошло на покупку лекарств и оплату докторов. Мы, конечно, могли бы обратиться к твоему семейству, которое, наверно, не оставило бы нас в беде. Но матушка никак не могла на это решиться. «Граф де Пребуа-Крансэ сделал для нас более, нежели следовало, — повторяла она, — не надо его беспокоить».

— Напрасно она так поступила, — сказал Луи.

— Знаю, — сказал Валентин. — Однако голод и нищета дали себя знать. Тогда-то ухватился я за разные дела, о которых говорил тебе. Однажды на Каирской площади, проглатывая сабли и зажженную паклю под шумные рукоплескания толпы, я собирал деньги, как вдруг оказался перед офицером африканских егерей, который глядел на меня с видом добродушия и сожаления, растрогавшим мое сердце. Он увел меня, заставил рассказать мою историю жизни и потребовал, чтобы я сводил его на чердак, в котором жил вместе с матерью. При виде нашей нищеты старый солдат заплакал; слезы, которые он и не думал удерживать, катились по его загорелым щекам. Луи, этот офицер был твой отец.

— Мой благородный и добрый отец! — вскричал граф, крепко сжимая руку своего молочного брата.

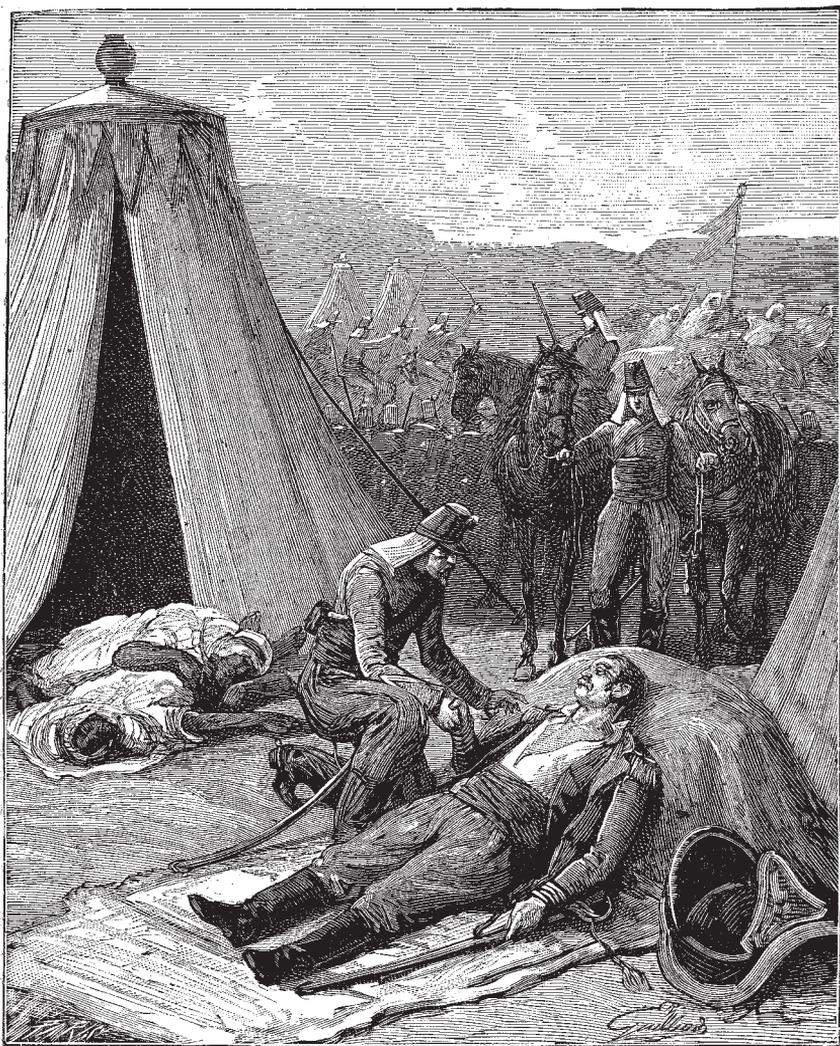
— О да! Именно благородный и добрый! Он назначил моей матери ежегодное содержание, достаточное для ее пропитания, а меня определил в свой полк. Два года тому назад твой отец был ранен пулею в грудь и умер через два часа, называя меня своим сыном.

— Да, — сказал молодой человек со слезами в голосе, — я это знаю!

— Но ты не знаешь, Луи, что отец твой, умирая, сказал мне. После раны, полученной им, я не оставлял его.

Луи молча пожал руку Валентина. Тот продолжал:

— «Валентин, — сказал мне твой отец слабым голосом, прерывавшимся от предсмертного хрипа, потому что агония уже начиналась, — сын мой остается один, он очень молод; у него нет никого, кроме тебя, его молочного брата. Заботься о нем, не оставляй его никогда! Кто зна-

*Он тихо скончался, стараясь пожать мне руку
в последний раз и прошептав твоё имя.*

ет, что уготовит для него будущее! Могу ли я положиться на твоё обещание?» Я стал на колени возле отца и, почтительно взяв руку, которую он протянул ко мне, сказал ему: «Умирайте с миром... в час несчастья я всегда буду возле Луи». Две слезы выкатились из глаз твоего отца; это были слезы радости в последний час жизни. Растроганным голосом он сказал мне: «Господь принял твою клятву». И тихо скончался, стараясь пожать мне руку в последний раз и прошептав твоё имя. Луи! Я

обязан твоему отцу благосостоянием, которым пользуется моя добрая матушка, также обязан твоему отцу чувствами, которые сделали из меня человека, и этим крестом, который блестит на моей груди. Пони-маешь ли ты теперь, зачем я говорил с тобою таким образом? Пока ты был еще в силе, я держался в стороне, но ныне, когда настал час испол-нить мою клятву, ничто не может мне помешать.

Наступила минута молчания между молодыми людьми. Наконец Луи спрятал свою голову на груди солдата и сказал, залившись слезами:

— Когда же мы едем, брат?

Тот взглянул на него и спросил:

— Точно ли ты решил начать новую жизнь?

— Да, — отвечал Луи твердым голосом.

— Тебя не будут терзать сомнения?

— Нет.

— И готов мужественно переносить все испытания, которые тебя ожидают?

— Да.

— Хорошо, брат! Таким-то я и хочу тебя видеть. Мы поедем тотчас, как только разочтемся с твоей прошлой жизнью. Свободным от горь-ких воспоминаний должен ты вступить в новую жизнь, которая рас-кроеется перед тобою.

2 февраля 1835 года пакетбот Трансатлантической компании вы-шел из Гавра в Вальпараисо. В числе пассажиров находились граф де Пребуа-Крансэ, Валентин Гиллуа, его молочный брат, и Цезарь, нью-фаундленд, с которым они не хотели расстаться.

На пристани стояла женщина лет шестидесяти, с глазами, полными слез. Она провожала корабль. Когда наконец он исчез на горизонте, старушка медленными шагами отправилась к дому, который находил-ся неподалеку от берега.

— Делай что должно, а будет что можно!.. — прошептала она, по-давая слезы.

Эта женщина была мать Валентина Гиллуа. Она была достойна со-жаления: она оставалась в одиночестве...

ГЛАВА IV

Расстрел на площади

В 1450 году территория Чили была захвачена принцем Синчиро-кой, впоследствии Инкой, овладевшим долиной Мапочо, назы-вавшейся в то время Промокассом, то есть «Местом плясок и веселья». Однако перуанское правительство никогда не имело прочных позиций в этой стране по причине вооруженной оппозиции промочианов, расположившихся станом между реками Ранелем и Мауле.

Хотя историк Гарсильясо де ла Вега определяет границы области, завоеванной инками, по реке Мауле, но все доказывает, что они были

на Ранеле, потому что при слиянии рек Качаполя и Тингиририки, из которых последняя в этом месте принимает название Ранеля, находятся развалины древней перуанской крепости, построенной совершенно одинаково с крепостями Кальяо и Ассуайей, в провинции Кито. Эти крепости обозначают границы.

Испанский завоеватель дон Педро Вальдивия основал 24 февраля 1541 года город Сантьяго в очаровательном месте на левом берегу реки Мапучо, при входе в долину, простирающуюся до реки Парауэль и подножия горы Эль-Пардо, которая возвышается на четыре тысячи футов.

Сантьяго, сделавшийся впоследствии столицей Чили, один из прекраснейших городов испанской Америки. Его улицы широки, прямы, дома, выстроенные только в один этаж по причине частых землетрясений, обширны и хорошо расположены. В Сантьяго есть очень много памятников, из которых самые замечательные — Каменный мост на пяти арках и Тахамар, или плотина, сделанная из двух кирпичных стен, пространство между которыми заполнено землей, служащая защитой жителей от наводнений.

Кордильерские горы, с вершинами, увенчанными вечными снегами, хотя и отдалены от города на восемьдесят километров, но как будто парят над ним и представляют величественнейшее зрелище.

5 мая 1835 года, в десять часов вечера удушливый зной висел над городом. В воздухе не чувствовалось ни малейшего ветерка, на небе ни одного облачка. Сантьяго, обыкновенно такой шумный и веселый, казалось, был погружен в глубокую печаль. На балконах и в окнах, правда, виднелись мужские и женские лица, но выражение их было серьезно, взоры всех были задумчивы и тревожны.

Повсюду, на улицах или у дверей, стояли многочисленные группы людей, разговаривавшие шепотом и с живостью. Из дворца беспрестанно появлялись ординарцы и скакали по различным направлениям. Отряды солдат выходили из казарм и с барабанным боем отправлялись на плас Майор, Большую площадь, где строились в ряды, безмолвно проходя посреди смущенных жителей.

Большая площадь в этот вечер представляла необыкновенное зрелище. Факелы в руках людей бросали красноватые отблески на собравшихся, ожидавших важного происшествия. Изредка поднимался какой-то странный ропот, как будто шум моря перед бурей, выражение грозы, собиравшейся во всех этих стесненных сердцах.

На соборной колокольне медленно пробило десять часов. Тотчас же в рядах солдат послышались голоса офицеров, отдававших приказания, и в одно мгновение толпа, раздвинутая во все стороны, с криками и ругательствами, сопровождаемыми ударами ружейных прикладов, разделилась на две почти равные части, оставив посреди площади обширное свободное пространство. В ту же минуту вдали послышалось погребальное пение, тихое и однообразное, и длинная процессия монахов потянулась по площади. Монахи эти принадлежали к ордену

братьев милосердия. Они шли медленно, по два в ряд, с опущенными на лицо капюшонами, потупив головы, скрестив руки на груди и напевая *De Profundis*. Посреди них десять кающихся человек несли каждый по открытому гробу.

Позади монахов ехал кавалерийский эскадрон, а за ним шел батальон милиции, посреди которого десять человек, с обнаженными головами, с руками, связанными за спиной, ехали на ослах, лицом к хвосту. Каждого осла вел под уздцы монах; отряд копыеносцев замыкал эту печальную процессию.

При крике: «Стой!», произнесенном командиром войск, расположенных на площади, монахи раздались направо и налево, не прерывая своего погребального пения, и осужденные остались одни посреди площади на месте, приготовленном специально для них. Эти люди принадлежали к знатнейшим фамилиям страны. Занявшись политикой, они впали в немилость и должны были поплатиться за это жизнью. Жители Сантьяго с жалостью смотрели на приговоренных к казни, которых считали мучениками. Вероятно, их попытались бы освободить, если бы генерал дон Панчо Бустаменте, военный министр, не послал на площадь войско, которое могло устроить самых отважных и принудить их молча присутствовать при расстреле тех, кому сочувствовали, но не могли спасти.

Осужденные сошли на землю, встали на колени и исповедовались монахам, которые остались возле них, между тем как отряд из пятидесяти солдат занял позицию в десяти шагах. Когда исповедь была закончена, осужденные поднялись с колен и, взявшись за руки, мужественно стали в один ряд перед солдатами, которые должны были их расстрелять.

Между тем, несмотря на многочисленность войск, собранных на площади, в народе поднялся глухой ропот. Толпа волновалась; зловещий говор и проклятия, произносимые вслух в адрес Бустаменте, заставляли агентов правительства поскорее кончить свое дело, из опасения, чтобы народ не вырвал у них из рук несчастных жертв.

Генерал Бустаменте, спокойно и бесстрастно присутствовавший при страшной церемонии, презрительно улыбнулся этому выражению народного неодобрения. Он поднял шпагу над головой и отдал новую команду, которая была исполнена с быстротою молнии. Войска встали лицом к толпе; первые ряды прицелились в граждан, столпившихся перед ними, между тем как другие направили ружья на окна и балконы, откуда смотрели внушительные группы любопытных. Тогда на площади вдруг воцарилась мертвая тишина, позволившая расслышать каждое слово приговора, громко зачитанного экзекутором и присуждавшего патриотов к расстрелу. Осужденные выслушали этот приговор совершенно бесстрастно. Генерал снова подал сигнал. Ружейный залп раздался как громовой удар, и десять человек упали на землю. Солдаты с распущенными знаменами и музыкой прошли мимо трупов и отправили в свои казармы.

Когда генерал исчез со своей свитой и все войска оставили площадь, толпа тоже мало-помалу разошлась, последние факелы угасли и это место, на котором еще так недавно разыгралась ужасная драма, совершенно опустело.

Прошло довольно долгое время, и ни малейший шум не нарушил торжественного безмолвия, царившего над Большой площадью. Вдруг глубокий вздох вырвался из груди трупов, и один из них, бледный, облитый кровью и запачканный грязью, медленно приподнялся, с усилием отодвигая тела, закрывавшие его. Несчастный, каким-то чудом оставшийся в живых, бросил вокруг себя беспокойный взгляд и, проведя рукою по лбу, орошенному холодным потом, прошептал с тоской:

— Боже мой! Дай мне силу дожить до того, чтобы я мог отомстить!

Затем этот человек, слишком ослабевший от потери крови, которая и теперь еще лилась из его ран, не будучи в состоянии встать на ноги и убежать, пополз, оставляя позади себя длинный и влажный след. Едва отполз он от середины площади метров на двадцать, и то с невероятным затруднением, как вдруг с улицы, находившейся напротив него, вышли два человека, поспешно направлявшиеся прямо к раненому.

— О! — вскричал несчастный с отчаянием. — Я погиб!

И он лишился чувств. Два незнакомца, подойдя к нему, наклонились над его телом и старательно его осмотрели.

— Ну?.. — спросил один через несколько секунд.

— Жив еще... — убежденно отвечал другой.

Не произнеся ни слова более, они завернули раненого в пончо, свалили его на плечи и исчезли в мрачной глубине улицы, по которой пришли и которая вела к предместью Канадилья.

ГЛАВА V

Морское путешествие из Гавра в Чили

Из Гавра в Чили путешествие довольно продолжительно! Для человека, привыкшего к суматохе парижской атмосферы, жизнь на корабле, обыкновенно такая спокойная и регулярная, кажется очень скучной и однообразной. Тяжело оставаться целые месяцы заключенным в маленькой каюте, без солнца, почти без света, имея возможность прохаживаться только по узкой палубе, видя только бурное или спокойное море, всегда и везде одно море! Такой переход слишком резок.

Парижанин, привыкший к шуму и движению большого города, не может ощутить чудной поэзии жизни на море, которая ему неизвестна. Для него недоступны ее высокие наслаждения, которыми упиваются моряки, беспрерывно ведущие борьбу со стихиями, насмехающиеся над бурей, пренебрегающие штормом, эти герои, которые видят смерть лицом к лицу и до того успевают освоиться с опасностью, что наконец презирают ее, даже перестают верить в ее существование.

Для пассажира, стремящегося к земле, каждый час кажется днем, а день годом. Устремив глаза в бесконечную даль моря, несчастный невольно впадает в мрачную меланхолию, которую может рассеять только вид столь желанной суши.

Граф де Пребуа-Крансэ и Валентин Гиллуа также испытали всю скуку жизни на корабле. В первые дни они кормились еще смутными воспоминаниями о той, другой жизни, с которой распрощались навсегда. Они предполагали то изумление, какое причинит в высшем обществе внезапное исчезновение графа, который уехал, не предупредив никого и не оставив после себя никаких намеков, которые могли бы навести на его след. Мысленно они перелетали расстояние, отделявшее их от Америки, и долго разговаривали о том, что ожидает их на этой золотоносной почве, на этой неизвестной земле искателей приключений, которая, увы, часто готовит для того, кто стремится к ней с надеждой легко разбогатеть, столько неприятностей и разочарований!

Поскольку всякий предмет разговора, как бы ни был он интересен, наконец надоедает, молодые люди, чтобы избавиться от утомительного однообразия корабельного распорядка, задумали устроить свою жизнь таким образом, чтобы скука овладевала ими менее, нежели другими пассажирами. Два раза в день, утром и вечером, граф, прекрасно говоривший по-испански, учил Валентина, и тот так хорошо воспользовался этими уроками, что через два месяца мог поддерживать разговор. В последние недели перехода молодые люди нарочно старались говорить не иначе как на испанском языке и между собою, и с некоторыми пассажирами. Результатом этого было именно то, чего они ожидали, то есть Валентин в короткое время научился говорить по-испански так же бегло, как по-французски. Иногда Валентин становился в свою очередь учителем. Он заставлял Луи делать гимнастические упражнения, чтобы развить его мышцы, выносливость и сделать его способным переносить тяжелые физические нагрузки.

Мы опишем здесь характер Валентина Гиллуа, так как, судя по разговору и по поступкам молодого человека, читатель может составить себе о нем совершенно превратное представление. Это был беззаботный весельчак и насмешник, натура которого, несколько испорченная чтением без разбора, в своей основе была чрезвычайно мягкая и добрая. Он сосредоточивал в себе привычки и мнения тех людей, которые, никогда не выезжая из родной страны, знают свет только по романам или театральным постановкам. Он вырос как гриб на парижской мостовой и для поддержания своего жалкого существования хватался за самую разнообразную работу.

Сделавшись солдатом, он жил беспечно, был счастлив настоящим и нисколько не думал о будущем, зная, что оно не существует для него. Однако в сердце этого беззаботного малого скоро зародилось новое чувство, в несколько дней пустившее глубокие корни. Это чувство — преданность человеку, который протянул ему руку, сжалился над его

матерью, внушил ему сознание собственного достоинства и вытащил его из нищеты, в которой бедный молодой человек находился.

Смерть благодетеля поразила его как удар грома. Он понял всю важность поручения, возложенного на него умершим полковником, и поклялся с твердой решимостью сдержать свое слово во что бы то ни стало, заботясь о сыне того, кто сделал из него человека.

Выдающимися чертами его характера были энергия, которую препятствия только увеличивали, а не уменьшали, и железная воля. С этими двумя качествами человек может совершать великие поступки и, если смерть не застанет его на пути, непременно достигнет своей цели, как бы трудна она ни была.

В нынешних обстоятельствах этот человек был настоящей находкой для графа де Пребуа-Крансэ, натуры мечтательной и романтической, совершенно незнакомой с трудностями самостоятельной жизни.

Как случается всегда, когда сходятся двое людей, одаренных такими различными характерами, Валентин скоро приобрел на своего молочного брата огромное влияние; и он использовал это влияние с необыкновенным тактом, никогда не давая его чувствовать своему товарищу, волю которого он, казалось, исполнял, тогда как на самом деле заставлял его следовать по своему пути. Таким образом, двое молодых людей, чрезвычайно любившие друг друга, дополняли один другого.

Резкость, с которою Валентин говорил с графом в первых главах этого повествования, вовсе не была ему присуща и поистине удивила его самого. Обсудив намерение молодого человека, которого он хотел спасти от отчаяния, Валентин понял, с той чуткостью сердца, которою он был наделен от природы, что не следует расстраиваться несчастьем, так неожиданно поразившим его молочного брата, а напротив, должно стараться возратить ему утраченное мужество. Поэтому-то он нашел в своем сердце такие убедительные доводы, что граф согласился жить и следовать его советам.

Валентин не колебался. Отъезд доньи Розарио доставил ему желаемый предлог вытащить своего брата из парижской бездны, которая, поглотив его состояние, угрожала затянуть в пучину и его самого. Осознав необходимость увезти Луи в другую страну, он убедил его поехать за любимой им женщиной в Америку. Отправившись в Новый Свет, оба без сожаления оставили отечество, которое оказалось в отношении их таким равнодушным.

Во время переезда мужество графа часто ослабевало, и вера в будущее почти оставляла его, когда он начинал думать о тягостной, сопряженной с лишениями жизни, ожидавшей его в Америке. Но Валентин, благодаря своей неисчерпаемой веселости, своему неистощимому красноречию и непрерывным шуткам, всегда успевал подбодрить своего товарища, который подчинялся его влиянию и делался совсем другим человеком.

Вот в каком положении находились оба наших героя, когда пакет-бот бросил якорь в Вальпараисо. Валентин ни в чем не сомневался. Он был убежден, что люди, с которыми он будет иметь дело, гораздо ниже его по уму и что ему нетрудно будет достигнуть двойной цели, к которой он стремился. Граф верил, что Валентин отыщет женщину, которую он любил и за которой приехал. О том же, чтобы обогатиться, он и не думал.

Вальпараисо — Райская долина — назван этим именем как бы в насмешку, потому что это самый грязный и самый безобразный из всех городов Южной Америки и служит он местом отдыха для иностранцев, которых торговые интересы призывают в Чили.

Молодые люди пробыли в этом городе очень недолго, а именно столько времени, сколько понадобилось для того, чтобы одеться по тамошней моде, то есть купить панамские шляпы и пончо. Потом, вооружившись каждый парой дуствольных пистолетов, карабином и длинным ножом, они выехали на превосходных лошадях в Сантьяго накануне того дня, в который происходила казнь, описанная нами в предыдущей главе. Погода была великолепная. От лучей солнца камешки на дороге сверкали как золотые слитки.

— Ах! — радостно вскричал Валентин со вздохом удовольствия, как только они выехали на прекрасную дорогу, которая ведет в Сантьяго. — Как отрадno чувствовать запах земли. Вот мы наконец и в этой хваленой Америке! Теперь нам остается только загребать золото двумя руками!

— А как же донья Розарио? — сказал граф меланхолическим голосом.

— Не пройдет и недели, как мы найдем ее, — отвечал Валентин с непоколебимой самоуверенностью.

После этих слов он прищпорил коня, и молодые люди скоро исчезли в клубах пыли, поднимавшейся из-под копыт их лошадей.

ГЛАВА VI

Таинственная красавица

Ночь была темная. Ни одна звезда не сияла на небе. Луна, полукрытая облаками, проливала тусклый свет. Улицы были пусты, только время от времени раздавались шаги караульных, которые одни не спали в этот час.

Двое незнакомцев, которые подняли на Большой площади раненого, долго шли со своей необычной ношей, останавливаясь при малейшем подозрительном шуме и скрываясь в углублениях дверей или за углами домов. После раскрытия заговора дан был приказ, чтобы с одиннадцати часов вечера все граждане оставались дома. Наконец незнакомцы остановились на улице Эль-Меркадо, одной из самых уединенных и узких в Сантьяго. Вдруг в одном из домов отворилась дверь, и

женщина в белом платье, со свечой, пламя которой она прикрывала рукой, показалась на пороге. Незнакомцы остановились. Один из них тотчас же вынул из кармана огниво и кремь и высек несколько искр. При этом сигнале женщина погасила свою свечу, произнеся громко пароль:

— Да защитит Бог Чили!

— Бог защитил ее! — отвечал человек, высекавший огонь.

Женщина вскрикнула от радости, но тотчас же осмотрелась из осторожности и позвала вполголоса:

— Идите! Идите!

В одну минуту знакомцы были возле нее.

— Он жив? — спросила женщина с беспокойством.

— Жив, — отвечал один из знакомцев.

— Войдите же скорее, именем неба! — отвечала она.

Мужчины пошли за ней. Она опять зажгла свою свечу, и дверь дома немедленно затворилась за ними.

Все дома Сантьяго похожи между собою по внутреннему устройству. Обыкновенно широкие ворота ведут на большой двор, в глубине которого прямо против входа в дом находится главная комната, почти всегда служащая столовой. По ее бокам расположены спальня, гостиная и кабинет. Позади этих комнат виднелся сад, украшенный фонтанами и засаженный померанцевыми, лимонными и гранатовыми деревьями, липами, кедрами и пальмами, которые разрастаются с невероятной быстротой. За садом выстроена обширная выгородка для лошадей и экипажей.

Этот дом отличался от других только роскошным убранством, которое доказывало, что его хозяин человек важный.

Незнакомцы, следуя за женщиной, вошли в гостиную, окна которой выходили в сад. Они положили раненого на диван и ушли, не говоря ни слова, только почтительно поклонившись. Женщина оставалась с минуту неподвижной и как будто прислушивалась к шуму удалявшихся шагов. Когда все смолкло, она бросилась к двери и быстро заперла ее. Потом встала перед раненым, который не обнаруживал никаких признаков жизни, и устремила на него долгий и печальный взор.

Женщине было около тридцати пяти лет, хотя на вид ей казалось не более двадцати. Она была одарена необычной красотой. Но несмотря на ее прекрасную фигуру, на изящество походки, на чистоту линий лица, отличавшегося матовой белизной, восхитительно обрамленного великолепными черными косами, несмотря на ее большие голубые глаза с бархатистыми длинными ресницами и под ровной дугой бровей, несмотря на ее прямой нос и крошечный ротик, коралловые губы которого гармонировали с чудным жемчугом зубов, в этом великолепном создании было нечто холодное. Глубина ее неподвижного взгляда, ее ироническая улыбка, едва заметная морщинка на лбу — все в ней, даже ее несколько резкий голос, внушало какое-то инстинктивное недоверие.

*Женщина оставалась с минуту неподвижной
и как будто прислушивалась к шуму удалявшихся шагов.*

В комнате, едва освещенной мерцающим светом свечи, в спокойную и безмолвную ночь, перед этим бледным и окровавленным человеком, на которого красавица смотрела, нахмутив брови, она походила на одну из фессалийских прорицательниц, приготовляющуюся совершать какое-нибудь таинственное и ужасное колдовство.

Раненый был мужчиной лет сорока пяти, высокого роста. Черты его были прекрасны, лоб высокий и благородный, а выражение лица гордое и решительное.

Женщина долго оставалась погруженной в безмолвное созерцание. Грудь ее высоко вздымалась, брови хмурились все более и более; она, казалось, ожидала медленного возвращения к жизни человека, лежащего перед ней.

Наконец она прошептала голосом тихим и прерывистым:

— На этот раз он в моей власти!.. Согласится ли он отвечать мне? О! Может быть, я сделала бы лучше, если б дала ему умереть!

Она остановилась и вздохнула, но почти сразу же продолжала:

— Этот человек овладел моей дочерью!.. Дочь моя!.. Он должен возвратитъ ее мне! Я этого хочу! И он должен сделать по-моему, хотя бы мне пришлось снова предать его палачам, у которых я похитила их добычу! Его раны ничего не значат: потеря крови — причина обморока!.. Но время идет! Могут заметить мое отсутствие. Узнаем, чего я могу ждать от него. Может быть, мои слезы и мольбы тронут его, хотя скорее можно разжалобить самого неумолимого индейца!.. А он!.. Он будет смеяться над моим горем; он будет отвечать с сарказмом на мои отчаянные крики! О! Горе, горе ему тогда!

Она смотрела еще с минуту на раненого, все так же лежащего неподвижно, потом прибавила решительно:

— Попробуем!

Она взяла со столика хрустальный флакон, приподняла голову раненого и дала ему понюхать. Наступила минута ожидания. Женщина жадно следила за судорожными движениями раненого, которые были предвестниками возвращения к жизни. Наконец тот глубоко вздохнул и медленно раскрыл глаза.

— Где я? — прошептал он слабым голосом и снова закрыл глаза.

— В безопасном месте, — отвечала женщина.

При звуке знакомого голоса раненый встрепенулся. Он с усилием приподнялся и, осмотревшись вокруг с отвращением, к которому примешивался гнев, сказал глухим голосом:

— Кто это говорил?

— Я! — гордо отвечала женщина, становясь перед ним.

— А! — вздохнул он, опять опускаясь на диван. — Опять ты!

— Да, опять я! Опять я, дон Тадео! Я, воля которой, несмотря на ваше презрение и вашу ненависть, никогда не ослабевала! Мою помощь вы всегда упорно отвергали, и я наконец насильно спасла вас!

— О! Для вас это было легко! — отвечал раненый презрительно. — Ведь вы находитесь в самых тесных отношениях с моими палачами!

При этом оскорбительном ответе женщина не могла удержаться от гневного движения. Внезапный румянец покрыл ее лицо.

— Пожалуйста, без оскорблений, дон Тадео де Леон! — сказала она, топнув ногою. — Я спасла вас, я женщина, и вы у меня в доме!

— Это правда! — отвечал дон Тадео, приподнимаясь и кланяясь с насмешкой. — Я и не подумал о том, что я у вас в доме. Будьте же так

добры, укажите мне дорогу, чтобы я мог выйти отсюда как можно скорее.

— Не торопитесь, дон Тадео. Вы еще недостаточно окрепли. Вы не в состоянии идти и, пожалуй, упадете в нескольких шагах отсюда. Вас тогда могут поймать агенты правительства, которые, поверьте мне, теперь уж не выпустят вас из своих рук.

— Быть может, для меня легче подвергнуться еще раз казни, нежели оставаться с вами.

Наступила минута молчания, во время которой собеседники внимательно изучали друг друга. Наконец женщина сказала:

— Выслушайте меня, дон Тадео! Судьба снова свела нас. Если вы еще живы, так как получили только легкие раны, так это потому, что я подкупила солдат, которым поручено было вас расстрелять. Я хотела принудить вас к объяснению, которого давно прошу у вас и в котором вы всегда мне отказывали... но теперь... теперь вы уже не можете избежать этого объяснения. Не изъявляя прав на вашу признательность, я все-таки скажу, что вы обязаны мне жизнью... Хотя бы за эту услугу вы должны выслушать меня.

— Неужели вы думаете, что я считаю услугой то, что вы сделали? По какому праву вы спасли мне жизнь? Вы плохо меня знаете, если думаете, что меня тронут ваши слезы. О нет!.. Слишком долго был я вашим рабом, вашей игрушкой! Слава богу, теперь я вас знаю, и Линда¹, Красавица, любовница генерала Бустаменте, тирана моей родины, палача моего и моих братьев, ничего не должна ждать от меня. Все, что вы скажете, все, что вы сделаете, будет бесполезно. Я не стану вам отвечать. Не трудитесь принимать вид притворной кротости, которая вовсе вам не свойственна. Я безумно любил вас, целомудренную и добродетельную молодую девушку, когда в доме вашего достойного отца, которого вы впоследствии довели до смерти своим развратным поведением, вас еще звали Марией. В то время я с радостью пожертвовал бы для вас жизнью и моим счастьем, вы это знаете не хуже меня, но бесстыдную куртизанку, женщину, отмеченную клеймом бесчестия, я не знаю. Прочь! Между вами и мной нет ничего общего!

И повелительным жестом дон Тадео принудил ее отойти.

Женщина слушала его со сверкающим взором, задыхаясь и трепеща от бешенства и стыда. Когда он замолчал, она крепко жала его руку и, наклонившись к нему, сказала прерывающимся голосом:

— Все ли вы сказали? Достаточно ли осыпали меня оскорблениями? Довольно ли грязи бросили мне в лицо? Не имеете ли еще чего прибавить?

— Ничего, — отвечал дон Тадео с холодным презрением. — Вы можете, если хотите, позвать ваших убийц...

И, опустившись на диван, он стал ждать с самым дерзким и равнодушным видом.

¹ Linda (исп.) — красивая.

ГЛАВА VII

Муж и жена

Донья Мария, несмотря на неудачу, не отказалась еще от надежды растрогать дона Тадео. Когда, размышляя о первых годах своей любви к нему, она вспоминала о том, как беспрекословно этот человек исполнял ее малейшие капризы, с какой готовностью он по одному ее взгляду или улыбке подчинялся ей, с какой самоотверженностью отказывался от своих желаний, чтобы жить лишь для нее, — она, несмотря на все то, что с тех пор произошло между ними, не могла поверить, чтобы эта сильная и глубокая страсть совершенно угасла. Вся ее гордая натура возмущалась при мысли о том, что она лишилась всей своей безграничной власти над своим избранником. Она воображала, что, подобно большей части мужчин, дон Тадео, уязвленный в своем мужском самолюбии, еще питал к ней страсть и что упреки, которые он делал ей, были искрами того не совсем потухшего огня, который тлел в глубине его сердца.

К несчастью, донья Мария не дала себе труда изучить человека, красота которого так долго держала ее в плену. Она не сумела увидеть и оценить могучую энергию и железную волю, составлявшие основу его характера.

Между тем сама история их любви могла бы послужить ей подтверждением таких выводов.

Донье Марии исполнилось тогда всего четырнадцать лет. Она жила со своим отцом в окрестностях Сантьяго. Лишившись матери при рождении, она была воспитана старой теткой, которая была неподкупным Аргусом и не позволяла ни одному обожателю приближаться к племяннице. Молодая девушка, несведущая, как все дети, воспитанные в деревне, но по своему характеру уже стремившаяся узнать свет и броситься в вихрь удовольствий, с нетерпением ждала человека, который должен был ей доставить все эти радости.

Дон Тадео являлся только проводником, на которого возложена была обязанность привести Марию к удовольствиям, волновавшим ее сердце. Она никогда не любила его; но, увидев в первый раз и узнав, что он принадлежит к знатной фамилии, сказала себе: «Вот тот, кого я жду!»

Подобный эгоистический расчет свойствен многим молодым девушкам.

Дон Тадео был красив, и самолюбию Марии льстила победа над ним; но, если бы даже он был и безобразен, это не остановило бы ее. В этой противоречивой натуре, странном смешении самых низменных страстей, среди которых изредка сверкали, как бриллианты в грязи, некоторые высокие чувства, сочетались качества двух куртизанок Древнего Рима: Локусты и Мессалины. Пылкая, честолюбивая, скупая и расточительная, Мария была демоном под личиной ангела. Она не знала других законов, кроме своих прихотей, и потому все средства

были для нее хороши, лишь бы только они могли помочь достигнуть цели.

Долго дон Тадео, ослепленный любовью, был под властью этого адского гения; но однажды повязка спала у него с глаз, он с ужасом измерил глубину бездны, в которую увлекла его эта женщина. Невероятно беспорядочная жизнь, в которую она погрузилась под прикрытием его имени, запечатлела на его челе клеймо бесчестия: свет считал его сообщником своей жены.

Дон Тадео имел от Марии одну дочь, родившуюся в первые годы их супружества. Теперь этой девушке было пятнадцать лет, и отец любил ее со всей силой страданий, которые причиняла ему ее мать. Он содрогался при одной мысли об ужасной будущности, открывавшейся перед этим невинным созданием. Через четыре года после того, как он расстался со своей женой, которая уже не скрывала своего разврата, дон Тадео однажды неожиданно явился к ней и увез дочь, не предупредив ни одним словом о своем намерении.

С того времени минуло уже десять лет — больше Мария не видела своей дочери. Тогда странный переворот совершился в этой женщине. Словно новое чувство зародилось в ее душе. Какое же было это чувство? Она сама этого не знала. Она непременно хотела увидеть свою дочь. Пять лет боролась она с доном Тадео, упрашивая его об этом. Отец был неумолим, и она ничего не могла узнать. С тех пор как дон Тадео перестал любить свою жену и сделался ее непримиримым врагом, он принял всевозможные предосторожности, так что все поиски Марии были безуспешны. Она вообразила себе, что муж наконец сдастся, увидевшись с ней, и решила во что бы то ни стало принудить его к свиданию.

Вот в каких отношениях состояли в настоящую минуту дон Тадео и его жена. Очевидно, что это была борьба, борьба неравная между мужчиной, раненым и гонимым, и женщиной, пылкой и оскорбленной. Мария, подобно львице, у которой похитили детенышей, яростно стремилась к своей цели.

Дон Тадео обернулся к ней и сказал:

— Я жду...

— Вы ждете? — спросила она с очаровательной улыбкой. — Чего же вы ждете?

— Убийц, которых вы, без сомнения, оставили недалеко отсюда, на тот случай, если я не захочу отвечать вам на вопросы о вашей дочери.

— О! — сказала донья Мария с отвращением. — Возможно ли, дон Тадео, чтобы вы имели обо мне такое дурное мнение? Зачем я, которая спасла вам жизнь, теперь выдам вас палачам, которые вас осудили?

— Почем знать? — сказал дон Тадео насмешливым тоном. — Сердце женщин вашего сорта — темная бездна, которую никакой мужчина не может измерить. Возможно, вы найдете неведомое очарование в моей повторной казни, которая, впрочем, не может вас компрометировать, потому что по закону я уже умер для всех.

— Дон Тадео, я знаю, как мое поведение по отношению к вам было недостойно и как я мало заслуживаю вашего сострадания! Но вы дворянин! Неужели вы думаете, что благородно осыпать оскорблениями, как бы ни были они заслуженны, вашу жену, которая спасла вам жизнь и хочет если не оправдаться в ваших глазах, то по крайней мере приобрести права если не на ваше уважение, то по крайней мере на сострадание?

— Очень хорошо! Ваше замечание как нельзя более справедливо, и я соглашаюсь с ним от всего сердца. Прошу вас, простите, что я позволил себе увлечься и произнести некоторые обидные слова. Но в первую минуту я не мог совладать с собой и мне невозможно было скрыть в глубине души теснившее меня чувство. Теперь примите мою искреннейшую признательность за огромную услугу, оказанную мне вами, и позвольте удалиться. Более продолжительное пребывание в этом доме будет с моей стороны кражей, в которой я окажусь виноватым перед вашими многочисленными обожателями.

И, поклонившись с подчеркнутой вежливостью своей жене, трепетавшей от гнева, дон Тадео хотел идти.

— Еще одно слово, — сказала Мария.

— Я слушаю!

— Вы окончательно решились оставить меня в неведении относительно участи моей дочери?

— Она умерла...

— Умерла? — вскричала донья Мария с испугом.

— Да... для вас... — отвечал Тадео с холодной улыбкой.

— О! Вы неумолимы! — вскричала Мария, с бешенством топнув ногой.

Тадео поклонился и ничего не отвечал.

— Что ж! — продолжала донья Мария. — Теперь я уже не стану просить милости, а предложу условия.

— Условия?

— Да.

— Идея кажется мне оригинальной...

— Может быть, судите сами.

— Слушаю, но время проходит, а я...

— Я объяснюсь вкратце... — перебила Мария.

— К вашим услугам.

Дон Тадео сел, улыбаясь, совсем как близкий друг, пришедший в гости. Мария следила за всеми его движениями, не показывая вида, что приписывает им какую-либо важность.

— Дон Тадео, — сказала она, — за эти десять лет, как мы расстались, случилось много перемен...

— Да, — отвечал дворянин с жестом вежливого согласия.

— Я не буду говорить вам о себе... моя жизнь вам известна.

— Очень мало.

Донья Мария бросила на мужа косой взгляд и сказала:

— Я буду говорить только о вас.

— Обо мне?

— Да, о вас. Политические идеи и борьба за справедливость не до того поглощают ваши минуты, чтобы вам не оставалось времени для радости, более задушевных, для сердечных волнений...

— Что вы хотите этим сказать?

— Зачем выказывать притворное неведение? — возразила Мария с коварной усмешкой. — Вы очень хорошо понимаете меня.

— Объясните, милостивая государыня!

— Утомившись мимолетной любовью женщин моего сорта, как вы назвали меня сейчас, вы ищете в наивном сердце молодой девушки волнений, которых не пробудили в вас другие ваши любовницы; словом, вы влюблены в прелестного ребенка, достойного во всех отношениях быть вашей избранной супругой, если бы, к несчастью, не существовала я.

Дон Тадео устремил на жену внимательный взгляд, когда она произносила эти слова. Когда же она замолчала, вздох вырвался из его груди.

— Как? Вы знаете? — воскликнул он с искусно разыгранным изумлением. — Вы знаете?..

— Что ее зовут доньей Розарио дель Валле, — возразила Мария, довольная эффектом, который произвела на мужа, — эта важная новость известна в Сантьяго — все об этом говорят! Как же этого не знать мне, так интересующейся вами.

Красавица замолчала и положила руку на плечо мужа.

— Мне это все равно, — продолжала она, — возвратите только мне мою дочь, дон Тадео, и ваша любовь будет для меня священна... иначе...

— Вы ошибаетесь, говорю я вам.

— Берегитесь, дон Тадео! — возразила куртизанка, взглянув на часы. — Теперь женщина, о которой мы говорим, уже должна быть в руках моих агентов.

— Что это значит?.. — вскричал дон Тадео с волнением.

— Да, — продолжала Мария резким и отрывистым голосом, — я велела ее похитить. Через несколько минут она будет здесь. Повторяю, берегитесь, дон Тадео! Если вы мне не признаетесь, где моя дочь и откажетесь возвратить мне ее...

— Ну! — перебил Тадео, скрестив руки и гордо смотря жене в лицо. — Что же вы тогда сделаете?

— Я убью эту женщину, — отвечала Мария с ненавистью в голосе.

Дон Тадео смотрел на нее с минуту, а потом захохотал сухим и нервным смехом, который привел в ужас куртизанку.

— Вы ее убьете! — вскричал он. — Ну!.. Убейте это невинное создание!.. Зовите ваших палачей!.. Я буду нем.

Мария прыгнула как раненая пума. Бросившись к двери и растворив ее настежь, она закричала с бешенством:

— Это уже слишком! Войдите...

Два человека, которые принесли дона Тадео, вошли с кинжалами в руках.

— А! — воскликнул дворянин с улыбкой превосходства. — Я узнаю вас наконец, донья Мария!

По знаку его жены убийцы набросились на него.

ГЛАВА VIII Мрачные Сердца

Народ разошелся с площади почти тотчас после казни патриотов. Каждый уносил в глубине души надежду отомстить. Между тем площадь, казавшаяся пустой, не совсем была пуста. Несколько человек в плотных плащах, в шляпах с широкими полями, надвинутых на глаза, стояли в углублении ворот; они с живостью разговаривали шепотом между собой, бросая вокруг тревожные взгляды.

Это были друзья казненных. Несмотря на страх, царивший в городе, они выпросили у архиепископа Сантьягского, истинного священнослужителя, чтобы их несчастным братьям был отдан последний долг.

Они видели всю печальную драму и заметили, как дон Тадео поднялся из груды трупов, слышали слова, произнесенные им, и уже хотели подойти к нему, когда двое незнакомцев, неожиданно появившись, схватили его и унесли. Это похищение полумертвого человека чрезвычайно их удивило. Обменявшись несколькими словами, двое из них бросились в погоню за незнакомцами, чтобы узнать, по какой причине похитили они раненого, между тем как остальные вышли на середину площади, где лежали трупы расстрелянных. Они наклонились над телами, распростертыми у их ног, надеясь, что, может быть, еще одна какая-нибудь жертва избегла гнусного убийства.

К несчастью, дон Тадео был лишь один спасен каким-то чудом. Девять других жертв были мертвы. После продолжительного и подробного осмотра друзья убитых поднялись со вздохом сожаления и горести. Один из них отделился от группы и постучался в нижнюю дверь собора.

— Кто там? — спросил голос изнутри.

— Тот, для кого ночь не имеет мрака, — отвечал постучавший человек.

— Чего ты хочешь? — продолжал голос.

— Написано: стучись и тебе отворят! — сказал опять незнакомец.

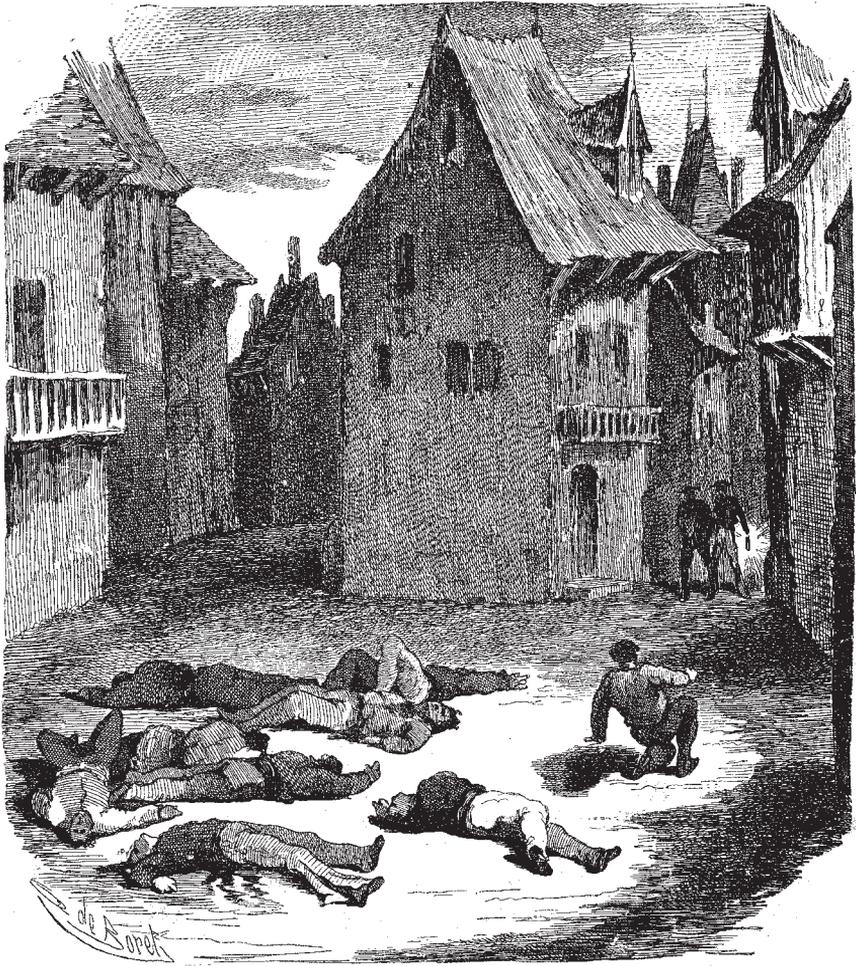
— Отечество! — произнес голос.

— Мщение! — отвечал незнакомец.

Дверь отворилась, и появился монах. Капюшон, опущенный на лицо, не позволял различить его черты.

— Хорошо, — сказал он, — чего требуют Мрачные Сердца?

— Молитвы за умерших братьев!

Они заметили, как дон Тадео поднялся из груды трупов.

— Возвращайся к тем, которые послали тебя, — они будут удовлетворены.

— Благодарю за всех нас! — отвечал незнакомец и, поклонившись монаху, вернулся к своим товарищам.

Во время его отсутствия те не теряли времени; трупы были положены на носилки и спрятаны под аркадами площади. Через несколько минут яркий свет осветил площадь. Двери собора растворились. Внутренность его была великолепно освещена, и в главную дверь входила длинная вереница монахов. Каждый держал в руке зажженную свечу; они отпевали покойных.

В ту же минуту, как бы по волшебству, распахнулись и ворота дворца, и эскадрон солдат, во главе которого находился генерал Бустаменте, подъехал рысью к процессии. Монахи и солдаты вдруг остановились как бы по взаимному уговору. Двенадцать незнакомцев, завернувшись в плащи и столпившись вокруг фонтана, занимающего середину площади, с беспокойством ожидали, чем кончится эта встреча.

— Что значит эта процессия в такое время? — спросил генерал.

— Мы идем поднять тела жертв, которых вы поразили, и помолиться за их души, — отвечал монах, шедший впереди.

— Кто вы? — сухо возразил генерал.

— Я архиепископ Сантьягский, примас Чили, облеченный папой властью разрешать мирские и духовные дела на земле! — отвечал монах твердым голосом, сбрасывая капюшон с головы.

В испанской Америке духовенство пользуется огромной властью. Никто, какое бы высокое место он ни занимал, не пытается бороться против первого духовника страны. Он знает заранее, что будет побежден. Бустаменте нахмурился, но был вынужден отступить.

— Ваше высокопреосвященство, — сказал он, поклонившись, — извините меня. В эти времена смуты и междоусобных раздоров часто невольно путаешь друзей с врагами. Я не знал, что ваше высокопреосвященство желаете помолиться за казненных и сами удостоиваете чести исполнить это. Я удаляюсь.

Во время этой сцены незнакомцы укрывались за столбами фонтана. Благодаря темноте Бустаменте их не видел. Как только солдаты исчезли, по знаку архиепископа монахи отнесли убитых в собор.

— Берегитесь этого человека, — прошептал один из незнакомцев на ухо архиепископу, — удаляясь, он бросил на вас взгляд разъяренного тигра.

— Брат, — просто отвечал священнослужитель, — я готов принять мученический венец.

Служба началась. По окончании ее патриоты удалились, с жаром поблагодарив архиепископа за его благородное поведение по отношению к их погибшим братьям. Едва сделали они несколько шагов по узкой лестнице, обставленной жалкими лачугами, два человека вдруг поднялись из-за опрокинутой телеги, которая скрывала их, и подошли к ним, говоря тихим голосом:

— Отечество!

— Мщение! — отвечал один из незнакомцев. — Подойдите!

Те подошли.

— Ну? — спросил один из незнакомцев, который, казалось, был главным. — Что вы узнали?

— Все, что только можно было узнать...

— В какое место отнесли дона Тадео?

— К Красавице.

— К его жене! К любовнице Бустаменте! — с живостью сказал начальник. — О боже, он погиб: она смертельно его ненавидит. Неужели мы позволим убить его, не постаравшись спасти?

— Это было бы низостью! — вскричали все.

— Но как попасть в дом?

— Ничего нет легче; стены сада очень низки.

— В таком случае пойдемте скорее... нельзя терять ни минуты!..

Не говоря больше ни слова, незнакомцы бросились к дому доньи Марии.

Как мы сказали, этот дом находился в предместье Канадилля, самом красивом в Сантьяго. Окна, выходявшие на улицу, были плотно закрыты и не пропускали ни малейшего луча света; не слышно было никакого шума — дом казался совершенно пустым. Незнакомцы молча обошли вокруг и, воткнув свои кинжалы в щели ограды, с их помощью перелезли в сад.

Там, осмотревшись с минуту, они пошли по направлению бледных лучей света, слабо мерцающего в одном из окон. Они были уже в нескольких шагах от этого окна, когда шум борьбы долетел до них: раздался ужасный крик, смешанный с грохотом разбиваемой мебели и с гневными проклятиями. Незнакомцы, закрыв лица черными бархатными масками, выбили окно, которое разлетелось вдребезги, и вскочили в гостиную как нельзя более кстати.

Дон Тадео табуретом раздробил череп одному из разбойников, который тяжело хрипел, растянувшись на полу; но зато другой опрокинул на пол изнеможденного от потери крови дворянина, уперся коленом ему в грудь и поднял кинжал, чтобы пронзить его. В эту самую минуту один из незнакомцев выстрелил в голову злодею, и тот упал замертво возле своего сообщника, который уже испускал последний вздох.

Дон Тадео приподнялся.

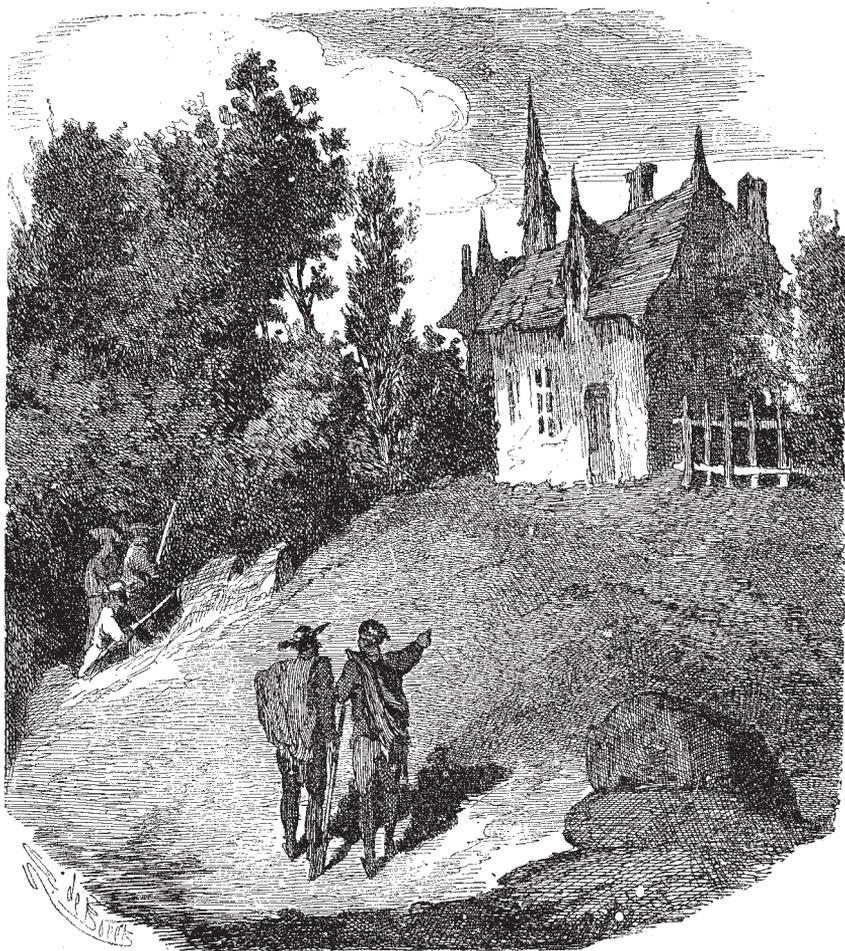
— О! — прошептал он. — Я думал, что уже погиб! Благодарю, — прибавил он, обращаясь к людям в масках, — благодарю за вашу помощь! Еще минута, и меня не было бы на свете! Красавица действует быстро!

Между тем донья Мария, с чертами, обезображенными бешенством, со сжатыми губами, оставалась неподвижна, пораженная внезапным появлением незнакомцев, которые в несколько секунд лишили ее возможности отомстить; тогда как на этот раз она считала, что расправа над ее мужем состоится.

— Не печальтесь! — сказал ей дон Тадео насмешливым тоном. — Партия отложена только на время, и ваше богатое воображение, без сомнения, скоро доставит вам средство отыграться!

— Надеюсь! — ответила она с сардонической ухмылкой.

— Схватите эту женщину, — вскричал вождь незнакомцев, — завяжите ей рот и привяжите ее покрепче к этому дивану.

Дом казался совершенно пустым.

— Меня! Меня! — вскричала донья Мария в пароксизме гнева. — Знаете ли вы, кто я?

— Как нельзя лучше! — отвечал насмешливо незнакомец. — Для честных людей вы женщина без имени. Развратники назвали вас Красавицей, и генерал Бустаменте ваш любовник. Вы видите, что мы знаем вас хорошо!

— Берегитесь, господа! Меня нельзя оскорблять безнаказанно.

— Мы вас не оскорбляем, — возразил бесстрастный незнакомец, — мы только хотим на время поставить вас в невозможность вредить, а через несколько дней, — прибавил он, — мы будем вас судить.

Незнакомцы молча обошли вокруг и, воткнув свои кинжалы в щели ограды, с их помощью перелезли в сад.

— Судить меня!.. Но кто же вы, скрывающие свои лица? Кто вы, осмеливающиеся говорить со мною таким образом?

— Кто мы? Знайте!.. Мы — Мрачные Сердца!

При этих словах судорожный трепет пробежал по телу доньи Марии; она отскочила к стене в глубоком ужасе и вскричала задыхающимся голосом:

— О! Боже мой!.. Я погибла!

И упала в обморок.

По знаку вождя один из незнакомцев крепко связал руки доньи Марии, заткнул ей рот и привязал ее к дивану. Потом вместе с доном Та-

део незваные гости вышли, как и пришли, не заботясь о двух злодеях, лежащих на полу.

Уходя, вождь пригвоздил к столу своим кинжалом пергаментный лист, на котором были написаны слова:

«Изменник Панчо Бустаменте призывается к суду через девяносто три дня!

Мрачные Сердца!»

ГЛАВА IX Король Мрака

Выйдя из дома, члены группы Мрачные Сердца разошлись в разных направлениях. Как только они исчезли за углами самых близких улиц, вождь подошел к дону Тадео. Тот, едва оправившийся от волнений, испытанных им в последнее время одно за другим, ослабев от потери крови и от чрезмерных усилий, к каким принудила его борьба с бандитами, стоял, прислонившись к стене дома, из которого только что вышел и в котором был так близок к смерти.

Незнакомец несколько минут смотрел на него с глубоким вниманием, потом положил руку на его плечо. При этом внезапном прикосновении дон Тадео вздрогнул как от удара током.

— Как? — сказал незнакомец с упреком. — Вы едва вступили в борьбу и уже отчаиваетесь, дон Тадео?

Раненый печально покачал головой.

— Вы ли это? — продолжал незнакомец. — Я помню, в самых критических обстоятельствах вы оставались тверды, а теперь бледны и унылы, не верите настоящему, не надеетесь на будущее, не имеете ни силы, ни мужества перед пустыми угрозами женщины!

— Эта женщина, — отвечал дон Тадео глухо, — всегда была моим злым гением... Это демон!

— Так что ж! — воскликнул незнакомец. — Если бы даже эта женщина и успела снова опутать вас теми гнусными сетями, которые она привыкла расставлять, человек крепнет в борьбе! Забудьте эту бессильную ненависть, которая не может вас настичнуть. Помните, кто вы, и возвысьтесь до высоты возложенного на вас поручения!

— Что вы хотите этим сказать?

— Неужели вы думаете, что Господь, чудом избавивший вас от смерти в эту ночь, не готовит для вас великую миссию?.. Брат! — прибавил он решительно. — Жизнь, возвращенная вам, вам уже не принадлежит... Она принадлежит отечеству!

Наступила минута молчания. Дон Тадео, казалось, пребывал в глубоком раздумье. Наконец он взглянул на незнакомца и сказал ему с горькой безнадежностью:

— Что делать? Бог мне свидетель, что более всего на свете я желаю видеть счастливой мою родину. Но за двадцать лет нашей борьбы мы ничего не достигли. Вы знаете по опыту, что из невольников нельзя вдруг сделать свободолюбивых граждан. Много еще поколений сменят друг друга в этой несчастной стране, прежде чем ее жители будут способны составить из себя народ!

— По какому праву испытываете вы промысел Господний? — возразил незнакомец повелительным голосом. — Разве вы знаете, что он определен для нас? Кто может сказать, что мимолетное торжество наших врагов не за тем даровано им Богом, чтобы сделать более ужасным их падение?

Дон Тадео, пришедший в себя при мужественных звуках этого голоса, гордо выпрямился и внимательно взглянул на говорившего.

— Кто вы? — сказал он. — Ваши слова задели самые чувствительные струны моего сердца! Но кто дал вам право говорить со мной таким образом? Отвечайте, кто вы?

— Какое вам дело до того, кто я, — бесстрастно отвечал незнакомец, — если мне удастся убедить вас, что не все еще погибло?

— Но все-таки я желаю знать, кто вы? — настаивал раненый.

— Я тот, кто спас вам жизнь несколько минут тому назад. Этого должно быть для вас достаточно.

— Нет, — с твердостью сказал дон Тадео, — потому что вы скрываете ваше лицо под маской, а я имею право его видеть!

— Может быть! — отвечал незнакомец, медленно снимая бархатную маску. При бледных лучах луны возникло мужественное лицо с резкими чертами.

— О! Сердце мое не обмануло меня! — вскричал раненый. — Вы — дон Грегорио Перальта!

— Да, это я, дон Тадео! — отвечал молодой человек (ему было не более тридцати лет). — Я не могу понять уныния того, кого мстители избрали своим вождем!

— Как? Вы знаете это? Однако ж, несмотря на нашу дружбу, я всегда скрывал от вас...

— Вы были осуждены на смерть, — перебил его дон Грегорио, — товарищи меня выбрали на ваше место Королем Мрака; в мои руки они вложили власть, которою, так же как прежде вы, я могу располагать по своей воле. Смерть освобождает от клятвы молчания, наложенной на братьев. Ваше имя стало известно всем; я не знал, что вы были тем вождем, который создал наше общество, так же как вы, драгоценный друг мой, не знали, что я один из ваших воинов. Но слава богу, теперь вы спасены, дон Тадео! Займите опять ваше место. В настоящих обстоятельствах вы один можете достойно занимать это место. Сделайтесь опять Королем Мрака! Но, — прибавил он, — помните, что мы мстители, что мы должны быть требовательны к себе и безжалостны к другим, что одно чувство должно остаться жить в нашей душе: любовь к отечеству!

ИСКАТЕЛЬ СЛЕДОВ

Часть первая КРАСНЫЙ КЕДР

ГЛАВА I Девственный лес

В Мексике население делится всего только на два класса: на высший и на низший, и вовсе не существует среднего сословия, которое связывало бы эти крайности. Зная это, не трудно уже объяснить себе причины двухсот тридцати девяти революций, которые со времени объявления независимости вспыхивали в этой стране. Власть сосредотачивается в Мексике в руках небольшого количества людей, и это-то мятежное и честолюбивое меньшинство и производит все революции, благодаря чему вся страна стонет под гнетом военного деспотизма, вместо того чтобы быть свободной республикой.

Несмотря на это, население штатов Соноры, Чиуауа и Техаса сохранило еще и до сих пор ту строгую, дикую и энергичную физиономию, которую напрасно стали бы искать в других штатах Союза¹. Под более холодным небом, чем небо Мексики, зима, часто покрывающая реки толстым слоем льда, укрепляет нервы жителей, охлаждает их кровь и делает из них людей, отличающихся храбростью, умом и глубокой любовью к свободе.

Апачи, первоначально населявшие большую часть Новой Мексики, мало-помалу отступили перед топором пионеров, первых представителей цивилизации, и удалились в огромные пустыни, покрывающие треугольник, образуемый реками Хила-дель-Норте и Колорадо, и оттуда безнаказанно делают набеги на мексиканские границы, грабя, сжигая и уничтожая все, что попадает им на пути.

Обитатели только что названных нами стран ведут постоянную борьбу с дикарями; они преобразуют свои асиенды в крепости, а путешествуют не иначе как хорошо вооруженными.

Эль-Пасо-дель-Норте считается крайним пунктом населенной белыми части Мексики. Дальше, к северу и северо-западу, простираются обширные необработанные равнины Чиуауа и бесплодные пустыни по реке Хила.

---

¹ Имеются в виду Мексиканские Соединенные Штаты.

Эти громадные пустыни, или так называемая Апачерия, и теперь еще остаются все такими же малоисследованными, как и в конце XVIII столетия.

Эль-Пасо-дель-Норте обязано своим именем своему положению около брода, или пасо, реки дель-Норте¹. Это одно из самых древних поселений Новой Мексики; основание его восходит к 1585 году, то есть к концу XVI столетия.

В настоящее время оно занимает пространство около десяти миль вдоль берегов Рио-дель-Норте и насчитывает около 4000 жителей.

Plaza, или, собственно, городок Эль-Пасо расположен у входа в долину; на противоположном конце ее находится форт Сан-Элесарио. Весь промежуток заполнен непрерывной линией белых домов с плоскими крышами, окруженных садами и виноградниками.

На расстоянии одной мили от этого брода, вверх по течению, река запружена, и вода проведена через отводной канал, прозванный *Asequia madre*², в долину, которую она орошает.

Всего в каких-нибудь нескольких милях от этого поселения начинается уже собственно Апачерия, или территория апачей.

Здесь путешественник с первых же шагов замечает, что цивилизованный человек очень редко осмеливался проникать в эту первобытную страну, где природа, которой дана полная свобода развиваться под всемогущим оком Создателя, предстает во всем блеске своей девственной красоты.

В одно прекрасное утро в мае месяце, который индейцы называют *waligon-guisis*³, высокого роста человек с грубыми и резкими чертами лица на сильной полудикой лошади крупной рысью выехал из форта и после нескольких минут колебания, без сомнения употребленных на то, чтобы сориентироваться, пришпорил лошадь и, оставив позади себя бесчисленные хлопчатники, покрывавшие в этом месте берега, переехал реку вброд и направился к густым лесам, зеленевшим на горизонте.

На всаднике был надет обычный костюм пограничных жителей; в общем, костюм этот довольно живописный и заслуживает того, чтобы его описать.

На незнакомце был надет кафтан из зеленого сукна, обшитый серебряным галуном, позволявший видеть батистовую расшитую рубашку с отложным воротником, из-под которого выбивался шелковый галстук, перехваченный бриллиантовым кольцом в виде узла. Затем на нем были надеты обшитые серебряным галуном и украшенные двумя рядами пуговиц из того же металла зеленые суконные панталоны, стянутые шелковым поясом с золотой бахромой. С боков панталоны эти были разрезаны, и из-под них свободно развевались кальсоны из тон-

¹ Речь идет о реке, которая в Мексике носит название Рио-Браво-дель-Норте, а в США — Рио-Гранде.

² Главный оросительный канал (*исп.*).

³ Цветочная луна (*индейск.*).

кого полотна; на ногах у него были надеты так называемые сапоги *vaquegas* из дубленой тисненой кожи, вышитой разноцветным шелком. К этим сапогам были прикреплены громадные мексиканские шпоры. Расшитая золотом накидка, спущенная слегка с одного плеча, прикрывала туловище, а на голове его была надета, защищая от палящих солнечных лучей, коричневая войлочная шляпа, обшитая галуном и стянута широкой серебряной лентой.

Его лошадь тоже обращала на себя внимание роскошью и изяществом сбруи, только еще более выделявшей ее красоту: дорогое седло из тисненой кожи, украшенное серебром, к задней луке которого было привязано сарапе¹; широкие мавританские серебряные стремяна; элегантная попона из дубленой кожи, украшенная маленькими стальными цепочками, звеневшими при каждом движении скакуна, закрывала весь круп лошади.

Судя по этой показной роскоши, незнакомец должен был принадлежать к высшему классу общества. Вооружение его вполне соответствовало наряду: на правом боку висел у него мачете, за поясом были заткнуты два пистолета, из-за голенища правого сапога высовывалась рукоятка длинного ножа, и, кроме того, в руке он держал превосходный карабин с золотой насечкой.

Пригнувшись к шее лошади, которая шла галопом, всадник быстро двигался вперед, не глядя по сторонам, хотя развертывавшийся перед ним пейзаж и заслуживал того, чтобы обратить на него внимание.

Река делала в этом месте самые причудливые повороты.

Там и сям на песчаном побережье виднелись поваленные деревья, многие и многие годы тому назад покинувшие свои места в лесу и занесенные наводнением на побережье, где они и лежат с той поры, спутавшись ветвями, под горячими лучами солнца.

Там, где начинались болота, бродили кайманы и крокодилы.

Дальше оба берега сплошь были покрыты густым лесом, в котором деревья были переплетены сплошной стеной лиан.

Местами лес как бы расступался, и тогда видны были небольшие лужайки и болота, заваленные деревьями, умершими от старости.

Незнакомец продолжал скакать все так же быстро, устремив глаза вперед.

Так прошло несколько часов; всадник все более и более углублялся в лес; он уже покинул берега реки и теперь с большим трудом пробирался сквозь густую чащу, где природа на каждом шагу ставила ему препятствия и заставляла его делать большие объезды.

Но незнакомец только в крайнем случае замедлял бег своей лошади и тогда поднимал глаза кверху и поглядывал на небо, а затем снова мчался галопом, шепча про себя только одно слово:

— Adelante!²

¹ Шерстяной плащ.

² Вперед! (*исп.*)

Наконец он остановился среди обширной прогалины; здесь он бросил подозрительный взгляд кругом и, по всей вероятности успокоенный могильной тишиной, царившей в этом месте, спрыгнул на землю, спутал ноги своей лошади и снял уздечку, чтобы она могла жевать молодые побеги.

Исполнив эту обязанность, он беспечно повалился на землю, скрутил маисовую сигаретку, вытащил золотое кресало из-за пояса и стал высекать огонь.

Прогалина, на которой остановился незнакомец, была довольно большая; с одной стороны глаз видел необозримую даль лугов в просвете между деревьями и различал ланей и косуль, бродивших там в полной безопасности; с противоположной стороны лес, становившийся все более и более диким, казался непроходимой стеной зелени.

Всегда предусмотрительная, природа, по-видимому, сочла необходимым защитить от губительной силы времени некоторые росшие в лугах старые деревья, лесных патриархов, погнувшихся под тяжестью веков, и закрыла их плащом из сыроватого мха, который свисал с верхушек самых высоких ветвей до земли.

Незнакомец, лежа на спине и поддерживая голову заложенными за нее руками, курил с тем блаженством, полным беспечности и лени, которое так свойственно испано-американцам. Он отрывался от этого приятного занятия только для того, чтобы скрутить новую сигаретку и окинуть взором окрестности, и в это время бормотал про себя:

— Гм! Однако он слишком долго заставляет себя ждать.

Затем он выпускал струю голубоватого дыма и снова ложился в той же позе.

Так прошло несколько часов. Вдруг послышался довольно сильный треск в кустах недалеко от незнакомца.

— А-а! — проговорил он. — Должно быть, это он.

Между тем шум становился все сильнее и сильнее и быстро приближался.

— Идите же скорей, какого черта! — вскричал незнакомец, поднимаясь. — Вы довольно-таки долго заставили меня ждать вас, клянусь Богоматерью дель-Пилар!

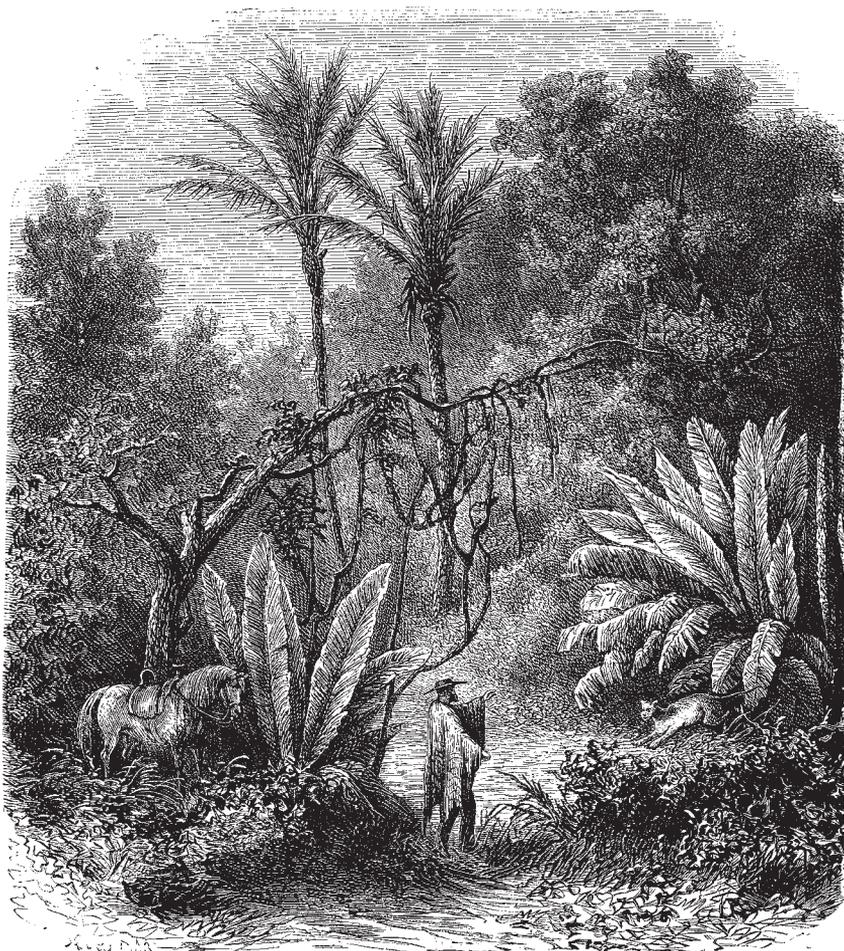
Но никто не показывался; прогалина все так же оставалась пустынной, хотя шум, пожалуй, даже еще усилился.

Незнакомец, удивленный упрямым молчанием того, к кому он обращался, и в особенности тем, что он продолжал все еще скрываться, встал, чтобы узнать в чем дело.

В эту минуту лошадь его, насторожив уши, захрапела и стала рвать-ся, как бы желая избавиться от сдерживающего ее лассо.

Незнакомец подошел к лошади и стал успокаивать ее, поглаживая рукой.

Лошадь дрожала всем телом и прыгала на одном месте, стараясь вырваться. Незнакомец, не понимая, чем могло это быть вызвано, с удивлением обернулся.

В двадцати шагах от него сидел, пригнувшись к толстой ветке огромного кипариса, великолепный пятнистый ягуар.

И тогда все стало для него ясно.

Не более чем в двадцати шагах от него сидел, пригнувшись к толстой ветке огромного кипариса, великолепный пятнистый ягуар и смотрел на него горящими глазами, проводя по челюстям с чисто кошачьим сластолюбием жестким кроваво-красным языком.

— А-а! — вполголоса проговорил незнакомец, не проявляя, впрочем, особенного волнения. — Я ждал вовсе не тебя; но это ничего не значит. Милости просим, дружок. *Carai!* Мы поборемся с тобой.

Не спуская глаз с ягуара, он сначала убедился, что его мачете свободно вытаскивается из ножен, а затем поднял с земли карабин и, толь-

ко уже приняв все эти предосторожности, смело двинулся к свирепому зверю, который смотрел на человека, не меняя позы. Шагах в десяти от ягуара незнакомец бросил свою сигаретку, которую до тех пор все еще держал в руке, приложил к плечу приклад ружья и взвел курок.

Ягуар весь как-то подобрался и приготовился сделать прыжок вперед.

В ту же минуту пронзительный вой донесся с противоположной стороны прогалины.

— Те-те-те! — прошептал незнакомец, улыбаясь. — По-видимому, их двое, а я-то думал, что имею дело только с одним ягуаром! Это становится интересным. — И он бросил взгляд в ту сторону.

Он не ошибся, второй ягуар, немного крупнее первого, смотрел на него сверкающими глазами.

ГЛАВА II

Борьба

В Мексике пограничные жители привыкли постоянно бороться как с хищными животными, так и с людьми: и те и другие беспрепятственно на них нападают; вот причина, почему незнакомец так спокойно отнесся к неожиданному появлению двух ягуаров.

Хотя положение его между этими двумя свирепыми врагами было довольно ненадежным и он прекрасно понимал опасность, которой подвергался, он тем не менее храбро решился вступить с ними в борьбу.

Не теряя из виду того ягуара, которого он увидел первым, он слегка уклонился в сторону таким образом, чтобы иметь своих врагов перед глазами, вместо того чтобы быть между ними.

Этот маневр, требовавший довольно много времени, удался лучше, чем он ожидал.

Ягуары смотрели на него, облизываясь и почесывая лапой за ухом теми полными грации движениями, которые свойственны кошачьей породе.

Оба хищника, уверенные в своей победе, казалось, играли со своей добычей и не спешили броситься на нее.

Внимательно следя глазами за каждым движением кровожадных хищников, мексиканец отлично понимал, какая ему грозит опасность; он знал, что борьба эта будет роковой и последней для одной из сторон, и принимал все необходимые предосторожности.

Ягуары нападают на человека только в исключительных случаях, когда их к этому принудит голод, — эти два хищника имели в виду одну только лошадь.

Благородное животное, крепко привязанное хозяином, тщетно употребляло все свои усилия, чтобы разорвать удерживавшие его узы и убежать.

Лошадь дрожала от страха, вдыхая испарения, выделяемые хищниками.

Незнакомец, покончив со всеми необходимыми предосторожностями, во второй раз приложил к плечу свой карабин.

В эту минуту ягуары подняли головы, прижав уши и с беспокойством втягивая воздух.

Почти неуловимый шум послышался в кустах.

— Кто идет? — спросил громко мексиканец.

— Друг, дон Мигель Сарате, — послышалось в ответ.

— А! Это вы, дон Валентин, — сказал мексиканец, — вы явились как раз вовремя для того, чтобы присутствовать при великолепной охоте.

— А! — продолжал человек, говоривший раньше. — А я не могу вам помочь?

— Это бесполезно, но только идите скорей, если вы хотите видеть охоту.

Ветви раздвинулись, и два человека показались на прогалине. При виде ягуаров вновь прибывшие остановились, но не из страха, потому что они спокойно опустили прикладами на землю свои карабины, а затем, чтобы предоставить охотнику полную свободу одному выйти победителем из этого неравного боя.

Ягуары точно поняли, что теперь для них настало время действовать; они подобрались и прыгнули на своего врага.

Первый, пронзенный на лету пулей, пробившей ему глаз, покатился на землю, где и остался неподвижным.

Второго ягуара встретило острие мачете охотника, который, разрядив карабин, стал на одно колено, выставив вперед левую руку, обернутую сарапе, и держа мачете в правой руке.

Человек и зверь боролись не на жизнь, а на смерть.

После схватки, продолжавшейся всего несколько секунд, поднялся только один из двух борцов.

Это был человек.

Ягуар был убит.

Мачете охотника в нескольких местах пронзило ему сердце.

Во все время этой кровавой битвы вновь прибывшие не сделали ни одного движения и с невозмутимым спокойствием смотрели на разыгравшуюся перед ними драму.

Мексиканец приподнялся, два или три раза погрузил свой мачете в землю, чтобы стереть кровь с лезвия, и, спокойно повернувшись к незнакомцам, сказал:

— Ну, как вы это находите?

— Отлично сыграно, — отвечал один из прибывших, — это один из самых красивых дуплетов, какие я когда-либо видел в своей жизни.

Мужчины вскинули свои ружья на плечи и направились к мексиканцу, который все так же хладнокровно и спокойно заряжал свой карабин, как будто не он только что пережил страшные минуты схватки с

Ягуары точно поняли, что теперь для них настало время действовать; они подобрались и прыгнули на своего врага.

кровожадными хищниками и только чудом избежал грозившей ему опасности.

Солнце быстро склонялось к горизонту, тень от деревьев становилась все длиннее и длиннее, солнечный диск казался большим огненным шаром среди прозрачной синевы небес.

Ночь приближалась быстрыми шагами, а вместе с тем просыпалось и все вокруг; со всех сторон мрачных и таинственных глубин девствен-

ного леса доносилось глухое завывание койотов и хищных зверей, к которому примешивалось пение птиц, сидевших на ветвях.

Молчаливая и угрюмая в течение дня, прерия выходила из своего болезненного оцепенения с наступлением вечера и готовилась к ночному веселью.

Трое мужчин, собравшихся на прогалине, набрали сухих ветвей, свалили их в одну кучу и зажгли.

По всей вероятности, они намеревались провести на этом месте часть ночи.

Как только пламя костра стало весело подниматься к небу длинными спиралями, оба незнакомца достали из своих ягдташей маисовые лепешки, несколько картофелин, сваренных в воде, и тыквенную бутылку с пульке¹; все это они разложили на траве, а затем трое мужчин принялись за охотничий ужин.

Когда бутылка обошла кругом несколько раз и лепешки исчезли, вновь прибывшие закурили свои индейские трубки, а мексиканец скрутил самокрутку.

Хотя ужин этот, в общем, продолжался и недолго, но тем не менее ночь наступила все-таки раньше, чем они покончили с трапезой.

Полнейший мрак царил над прогалиной, красноватые отблески пламени освещали энергичные лица мужчин и придавали им фантастический вид.

— Теперь, — начал мексиканец, закуривая свою сигаретку, — я объясню вам, если позволите, почему именно мне так хотелось поскорей с вами увидеться.

— Одну минутку, — перебил его один из охотников. — Вы ведь знаете, что очень часто листья имеют глаза, а деревья — уши; если только я правильно понял ваши слова, вы назначили нам здесь свидание для того, чтобы разговор наш остался втайне.

— Да, для меня в высшей степени важно, чтобы о том, что я вам скажу сейчас, никто ничего не знал.

— Отлично!.. Курумилья, идите.

Тот, кого называли Курумильей, поднялся, взял свой карабин и ушел.

Вскоре он уже исчез во мраке.

Отсутствие его продолжалось довольно долго.

За все это время двое сидевших у костра мужчин не обменялись ни одним словом.

Наконец через полчаса охотник вернулся и сел рядом со своими товарищами.

— Ну? — спросил тот из них, который посылал его на разведку.

— Мои братья могут говорить, — коротко ответил Курумилья, — все спокойно.

¹ Пу л ь к е — национальный мексиканский слабоалкогольный напиток из перебродившего сока агавы.

Получив такой определенный ответ, охотники совершенно успокоились, но это, конечно, не освободило их от соблюдения обычной осторожности: с трубками в зубах уселись они спиной к огню, чтобы иметь возможность, разговаривая, в то же время наблюдать за окрестностями.

— Мы готовы вас слушать, — сказал охотник.

— Но только я прошу вас слушать меня внимательно, кабальеро, — отвечал мексиканец. — То, что вы сейчас от меня услышите, имеет очень важное значение.

Собеседники его молча наклонили головы в знак согласия.

Мексиканец заговорил снова.

Но прежде чем продолжать рассказ, нам необходимо познакомить читателя с двумя субъектами, которых мы вывели только что на сцену, и вернуться назад для того, чтобы объяснить, почему дон Мигель Сарате, вместо того чтобы принять их у себя, назначил им свидание среди девственного леса.

Оба охотника казались с первого взгляда индейцами; но, рассматривая их повнимательней, по некоторым признакам можно было узнать, что один из них принадлежит к тем бледнолицым трапперам, смелость которых вошла в Мексику в поговорку.

Как их внешность, так и костюм представляли странную смесь дикости с цивилизацией. Прежде всего они носили необыкновенно длинные волосы, потому что в тех странах, где люди очень часто сражаются ради одной только славы, отнять волосы у своего противника — доказательством мужества, между прочим, служат и длинные волосы, которых так добиваются враги.

У обоих вновь прибывших охотников волосы были красиво связаны в пучок и переплетены полосками выдровой кожи и яркими шнурами.

Костюм их тоже вполне соответствовал своеобразному понятию о красоте и изяществе.

Охотничья блуза из ярко-красного миткаля¹ доходила до колен; гетры, украшенные разноцветными шерстяными лентами и погремушками, защищали их ноги, а обувь их состояла из мокасин, расшитых поддельным жемчугом, которые так мастерски умеют изготавливать индейские скво.

Пестрое одеяло, стянутое поясом из дубленой ланьей кожи, исполняло обязанности плаща, закрывавшего их торс, но не настолько, однако, чтобы при каждом их движении нельзя было видеть блеск топоров, дула пистолетов и рукоятку мачете, которыми они были вооружены.

Что касается их карабинов, в настоящую минуту лежавших возле них на земле, то, если бы с них сняли покрывавшие их чехлы из лосиной кожи, украшенные перьями, можно было бы видеть, с какой тща-

¹ М и т к а л ь — легкая хлопчатобумажная ткань.

тельностью обладатели украсили их ложа медными гвоздями и раскрасили их в разные цвета; словом, все у этих двоих людей носило на себе отпечаток индейских обычаев.

Первый из двоих охотников, то есть бледнолицый, был человеком лет тридцати восьми, высокого роста и стройным; хорошо развитые мускулы доказывали, что он обладает большой силой и, хотя он и усвоил себе все манеры краснокожих, тем не менее, внимательно приглядываясь к нему, можно было с уверенностью сказать, что он не только принадлежит к европейской расе.

Он был белокур; его большие голубые и вдумчивые глаза смотрели бесконечно грустно; нос был с легкой горбинкой, рот большой, с зубами ослепительной белизны; густая пепельно-белокурая борода покрывала весь низ его лица; вся физиономия его дышала кротостью, добротой и храбростью и вместе с тем говорила, что этот человек обладает железной волей.

Зато его спутник, вне всякого сомнения, принадлежал к индейской расе, все характерные признаки которой были у него ясно видны; но, странная вещь, его лицо не имело такого оттенка красной меди, какой бывает у уроженцев Техаса и Северной Америки, — цвет его лица был скорее коричневый или даже оливковый.

У него был высокий лоб, горбатый нос, маленькие пронизательные глаза, большой рот и квадратный подбородок; словом, он являлся типичным представителем племени арауканов¹, занимающих на юге Чили небольшую территорию.

У этого охотника на голове была надета пурпурная повязка, в которую, повыше правого уха, было воткнуто перо горного орла — знак, по которому можно различать ульменов² и окасов³.

Эти два человека были Валентин Гиллуа, бывший драгунский унтер-офицер, и Курумилья, его друг, ульмен племени Большого Зайца.

ГЛАВА III Дон Мигель Сарате

Будь в Мексике другое правительство, это была бы одна из богатейших стран на земном шаре.

С тех пор как Североамериканские Соединенные Штаты показали всему свету, овладев половиной Мексики⁴, чего именно они добиваются, жители этой прекрасной страны несколько вышли из того оцепенения, в котором они находились до тех пор, и стали заботиться о том, чтобы колонизировать свои провинции и засе-

¹ Арауканы — группа индейских племен, живущих на юге Чили.

² Ульмен — так в Чили называют вождей индейцев-араукан.

³ Окасы — племена, входящие в арауканскую группу.

⁴ Во время Американско-мексиканской войны 1846—1848 г. Мексика потеряла почти половину своей территории: Новую Мексику, Аризону и Верхнюю Калифорнию.

Индеец Новой Мексики

лить принадлежащую им богатую и плодородную землю людьми умными, трудолюбивыми, которые помогли бы им создать царство изобилия и богатства там, где до них были только развалины, разорение, нерадение и нищета.

К несчастью, все эти стремления по непонятной роковой случайности не дали никакого результата, может быть, вследствие природной апатии обитателей, а может, и по вине самого мексиканского правительства.

Впрочем, некоторые крупные собственники, понимавшие, как благородна предложенная правительством мера и насколько в их же собственных интересах важно побороть вредное для них влияние американских нашествий, великодушно посвятили себя осуществлению этого великого вопроса социальной экономики, который, к несчастью, становится все невыполнимее.

Все это происходит потому, что в Северной Америке сталкиваются лицом к лицу две враждебные нации: англосаксонская и испанская.

Англосаксы обуреваемы жадной завоеваний и нашествий, и на этом пути никакая сила не в состоянии не только остановить их, но даже задержать.

Нельзя не удивляться завоевательным стремлениям этого подвижного и странного народа, разнородной смеси всех национальностей, изгнанных нищетой или дурными инстинктами из Европы; им кажется тесно на обширных территориях Северной Америки, которыми, однако же, численная слабость их мешает им завладеть сполна.

Чувствуя себя как в клетке в необъятных границах своей страны и считая силу за право, североамериканец то и дело переходит границы владений своих соседей и беспрестанно захватывает чужие земли, с которыми ему нечего делать.

Ежедневно толпы эмигрантов покидают свои жилища и с карабином на плече и топором в руках направляются к югу, точно движимые какой-то волей, более сильной, чем они сами, причем ни горы, ни пустыни, ни девственные леса или широкие реки не в состоянии заставить их остановиться хотя бы на несколько минут.

Североамериканцы, кроме того, воображают, что они в этом случае служат орудием Провидения, которым возложена на них миссия населить и цивилизовать Новый Свет.

Они с лихорадочным нетерпением считают часы, долженствующие протечь до того дня, недалекого, по их мнению, когда они займут все пространство, заключающееся между мысом Норд и Панамским перешейком, за исключением испанских республик, с одной стороны, и английских колоний — с другой.

Эти проекты, из которых североамериканцы не делают никакой тайны, а наоборот, громко хвастают, известны мексиканцам, которые ненавидят своих соседей и пускают в ход все зависящие от них средства, чтобы создавать им затруднения и ставить препоны их постоянным набегам.

К числу таких собственников Новой Мексики, решившихся на великие жертвы, чтобы остановить или, по крайней мере, оттянуть грозное нашествие североамериканцев, принадлежал также один самый богатый и, пожалуй, самый умный и самый влиятельный землевладелец в стране.

Этим землевладельцем был дон Мигель Акамариктцин Сарате.

Что бы там ни говорили, но индейское население в Мексике в два раза превышает по численности белое население и имеет огромное влияние.

Дон Мигель Сарате происходил по прямой линии от Акамариктци-на, первого мексиканского тлатоани¹, имя которого, как драгоценное наследство, сохранялось в его семье. Владея колоссальным состоянием, дон Мигель жил в своих огромных владениях, точно король в своем государстве, любимый и уважаемый индейцами, которых он действи-

¹ Т л а т о а н и — верховный правитель ацтекской империи.

тельно защищал каждый раз, как тому представлялся случай, и которые питали к нему уважение, доходившее почти до обожания, потому что они видели в нем потомка одного из своих знаменитейших тлатоани и своего защитника.

В Новой Мексике индейское население сильно увеличилось в последние полстолетия. Некоторые писатели находят, что в настоящее время оно даже многочисленнее, чем было до завоевания, что, впрочем, вполне допустимо, если принять во внимание апатию испанцев и то нерадение, которое они проявили в борьбе с индейцами.

Но индейцев как будто и не коснулось постоянное движение прогресса и цивилизации; они и до сих пор еще сохраняют в неприкосновенности главные черты своих старинных нравов. Они живут отдельными племенами, управляемыми своими касиками, в рассеянных по всей стране деревушках или ранчо; они и до сих пор, как и во времена ацтеков, говорят на своих наречиях, в которые вошло всего несколько испанских слов.

Единственная видимая перемена, происшедшая в них, это их переход в католичество; но переход этот более чем сомнительный, потому что они сохраняют с величайшей тщательностью все предания своей прежней религии и втайне исполняют все ее обряды и все ее обычаи.

Эти индейцы, в особенности же живущие в Новой Мексике, хотя их и зовут *Indios fideles*¹, постоянно готовы при первом же удобном случае вступить в союз со своими родичами из прерии; а во время набегов команчей или апачей весьма редко бывает, чтобы верные индейцы не служили им разведчиками или шпионами.

Предки дона Мигеля Сарате несколько лет спустя после завоевания Мексики гениальным авантюристом Кортесом удалились в Новую Мексику, которую они с тех пор уже и не покидали.

Дон Мигель следовал политике своей семьи и старался крепить узы дружбы и добрососедства, которые с незапамятных времен связывали его с индейцами, как верными, так и неверными.

Эта политика принесла свои плоды. Ежегодно в сентябре месяце, который команчи называют Мексиканской луной — до такой степени они привыкли к своим периодическим набегам на бледнолицых, — когда отряды краснокожих переходили границы и начинали жечь фермы и избивать жителей, не разбирая ни пола, ни возраста, одни только владения дона Мигеля Сарате оставались неприкосновенными, и краснокожие не только не причиняли ему никакого вреда, но если иногда, без намерения, какое-нибудь из его полей вытаптывалось лошадьми или грабители сжигали и вырывали некоторые из его деревьев, то убыток сейчас же возмещался, и хозяин не имел никакого повода жаловаться на них.

Такое отношение индейцев не могло, конечно, не вызвать зависти к дону Мигелю со стороны населения, периодически разоряемого *Indios*

¹ Верные индейцы.

bravos¹. На него не раз поступали жалобы и доносы мексиканскому правительству; но, несмотря на все могущество его врагов и на страшное желание их погубить его, богатого асиендадо никогда не беспокоили, во-первых, потому, что Новая Мексика слишком далеко от столицы и жителям ее нечего было биться властей, а во-вторых, еще и потому, что дон Мигель был слишком богат и, благодаря этому, ему нетрудно было заставить молчать даже самых опасных из своих врагов.

Дон Мигель Сарате, наружность которого мы описали в предыдущей главе, был женат; но через три года после свадьбы его жена умерла, и он остался с двумя детьми, сыном и дочерью, которым было в то время, когда начинается наш рассказ, одному двадцать четыре года, а другой — семнадцать.

Донья Клара — так звали дочь дона Мигеля — была самым очаровательным созданием, какое только можно себе вообразить; у нее была одна из тех головок мурильевских мадонн, большие черные глаза которых, окаймленные длинными шелковистыми ресницами, открытый лоб и мечтательный рот, по-видимому, обещают божественные радости; цвет ее лица, слегка потемневший под горячими лучами солнца, имел тот золотистый оттенок, который так идет женщинам этих тропических стран; роста она была маленького, но очень грациозна и прекрасно сложена.

Кроткая, наивная и невежественная, как настоящая креолка, эта прелестная девушка была идолом своего отца, который видел в ней портрет своей любимой жены.

Индейцы следили за ней глазами, когда она проходила иногда, задумавшись, ощипывая цветок, мимо их жалких хакалей² и едва сгибаая растения, на которые ставила свою маленькую ножку; в своем сердце они сравнивали эту хрупкую молодую девушку с девой первой любви.

Дон Пабло Сарате, сын асиендадо, был молодым человеком высокого роста, могучего сложения, с резкими и характерными чертами лица; держал он себя несколько свысока, хотя на самом деле сердце его было переполнено кротостью и добротой.

Одаренный недюжинной силой и ловкостью, дон Пабло славился по всей стране своим умением укрощать самых строптивых лошадей и меткостью стрельбы на охоте. Отважный охотник и смелый лесной бродяга, молодой человек, когда чувствовал под собой хорошую лошадь и держал карабин в руке, не знал врага, будь то животное или человек, который мог бы загородить ему дорогу.

Уважение, которое индейцы питали к отцу, они переносили и на сына, в нем они видели воплощение Уицилопочтли³, ужасного бога войны ацтеков; этому богу в день освящения его теокали⁴ было принесено в жертву шестьдесят две тысячи людей.

¹ Воинственные индейцы.

² Х а к а л ь — хижина, крытая пальмовыми листьями.

³ У и ц и л о п о ч т л и — одно из верховных божеств древних ацтеков, бог молодого солнца, ясного голубого неба, бог войны и охоты.

⁴ Т е о к а л и — храмы и другие культовые постройки древних ацтеков.

Итак, в ту эпоху, когда начинается этот рассказ, отец и сын Сарате были настоящими королями Новой Мексики.

Но благоденствие, которым они наслаждались, было внезапно нарушено одним из тех совершенно неожиданных событий, которые, хотя сами по себе не имеют серьезного значения, тем не менее имеют иногда очень серьезные последствия, потому что их нельзя ни предвидеть, ни предупредить.

Дон Мигель Сарате владел в окрестностях дель-Пасо обширными поместьями, в состав которых входили асиенды, громадные луга и леса.

Однажды дон Мигель возвращался с обычного объезда своих асиенд; было уже поздно, и он погонял лошадь, стараясь достигнуть до наступления ночи брода через реку, как вдруг не более чем в трех или четырех милях от того места, к которому он направлялся, в ту минуту, как он собирался вступить в густые заросли хлопчатника, которые ему надо было проехать, прежде чем достигнуть брода, внимание его было привлечено криками и свинным хрюканьем, доносившимися из леса.

Асиендадо остановился, не понимая, что значат все эти крики, и, нагнув голову, стал всматриваться в лесную чащу. Но сколько он ни напрягал зрение, ему ничего не удалось рассмотреть сквозь густую сеть лиан и кустарников, загораживающих ему обзор.

Между тем шум все рос и крики усиливались, слышались проклятия и гневные восклицания.

Лошадь мексиканца поводи́ла ушами, храпела и топталась на одном месте, не желая идти вперед.

Однако надо было на что-нибудь решаться. Дону Мигелю пришло в голову, что там, может быть, напали хищные звери на какого-нибудь человека, и он недолго думая прищпорил лошадь и заставил ее идти вперед.

Но не успел он проехать и нескольких шагов, как остановился и с удивлением стал наблюдать странное зрелище, представившееся его глазам.

ГЛАВА IV

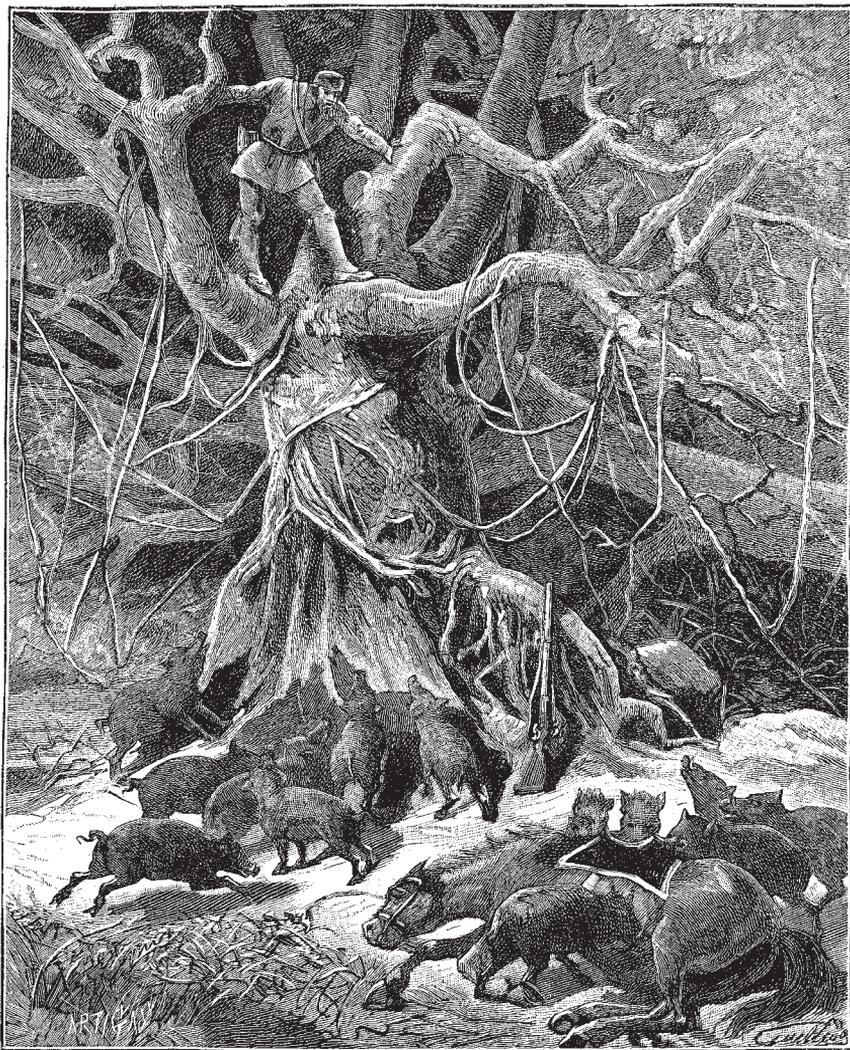
Пекари¹

Среди прогалины лежала мертвая лошадь, над которой яростно работали шесть или восемь штук пекари, тогда как с десяток остальных клыками рвали кору с громадного дерева, на самых верхних ветвях которого сидел человек.

Прежде чем продолжать рассказ, мы объясним читателю, что это за животные — пекари, о которых он, по всей вероятности, знает очень мало.

Пекари занимают промежуточное положение между домашними и дикими свиньями.

¹ Пекари — дикая свинья, распространенная в Южной и Центральной Америке.

Он остановился и с удивлением стал наблюдать странное зрелище, представившееся его глазам.

Несмотря на то что это животное имеет обыкновенно не больше семидесяти сантиметров в высоту и около метра в длину от конца рыла до начала хвоста, тем не менее это, бесспорно, одно из самых опасных и страшных животных Северной Америки.

Челюсть пекари усажена клыками, очень похожими на клыки кабана, но прямыми и острыми, длина которых колеблется между восемью и пятнадцатью сантиметрами.

Формой своего туловища это животное похоже на свинью, но редкая щетина на его шероховатой коже окрашена таким образом, что часть, ближайшая к коже, белая, а концы имеют шоколадный оттенок. Когда животное приходит в ярость, щетина его становится дыбом, подобно иглам ежа.

Движения пекари так же живы и быстры, как движения белки; они живут стадами в пятнадцать, тридцать, иногда даже в шестьдесят штук.

Голова, шея и плечи этих животных обладают такой силой, что когда они нападают, то никакое другое животное не в состоянии противостоять им.

Как на особенность пекари нужно еще указать на следующее: когда животное приходит в гнев, оно выделяет из особых желез жидкость, обладающую запахом мускуса.

Пекари питаются желудями, корнями, ягодами, семенами, сахарным тростником и всевозможными пресмыкающимися, — так, между прочим, доказано уже, что они пожирают самых ядовитых змей безо всякого вреда для себя.

Заслуживает также внимания и способ, каким пекари устраивают свои берлоги, которые всегда помещаются среди густого и непроходимого тростника, растущего в болотистых местах, вблизи вековых деревьев, обожженных молнией, но все еще увитых лианами и диким виноградом.

Стволы этих деревьев, имеющие иногда до двенадцати метров в окружности, по большей части пусты в середине и представляют собой удобное убежище для пекари, которые набиваются в них каждый вечер штук по двадцати — двадцати пяти; они влезают, пятась задом, один за другим в дупло таким образом, что у последнего конец морды приходится как раз на отверстие и он, так сказать, остается на страже и охраняет спокойствие своих товарищей.

Пекари безгранично свирепы; они не знают опасности или, по крайней мере, совершенно ее презирают; они нападают постоянно стаями и сражаются с необыкновенной яростью, пока не погибнет последний враг, кем бы он ни был.

Вот почему как человек, так и животные одинаково избегают встречи с этими ужасными существами; даже ягуар, несмотря на свою силу и свирепость, и тот становится их добычей, если только, на свое несчастье, вздумает напасть на них.

Вот каким образом поступают пекари, вступая в борьбу с этим страшным хищником.

Если ягуар ранит пекари, то последние собираются вместе и преследуют его до тех пор, пока им не удастся его окружить.

Окруженный со всех сторон врагами, ягуар ищет спасения на дереве; но это нисколько не обескураживает пекари, которые вовсе и не думают отказываться от обуревающей их жажды мщения. Они располагаются под деревом, хрюканьем созывают новых союзников и терпе-

ливо ждут, пока доведенный до крайности голодом и жаждой ягуар наконец спустится из своей воздушной крепости.

Происходит это обыкновенно дня через два или же, самое большее, через три. Хищник наконец решается покинуть дерево, прыгает в самую середину своих врагов, которые ждут его с твердой решимостью и храбро на него нападают; завязывается ужасная битва, и ягуар, усеяв землю трупами врагов, наконец и сам погибает, а пекари клыками разрывают его на части.

Теперь нам, кажется, вполне понятно, насколько было опасно положение человека, забравшегося на вершину дерева.

Враги его, по-видимому, твердо решили не покидать занятой ими позиции; они неумоимо вертелись вокруг дерева, с которого сдирали кору ударами клыков, а потом, видя бесполезность этой атаки, спокойно улеглись возле трупа лошади, которую они уже принесли в жертву своему гневу.

Дон Мигель с состраданием смотрел на беднягу, положение которого с минуты на минуту становилось все более и более критическим.

Тщетно ломал он себе голову, как помочь несчастному осажденному, гибель которого была неизбежна.

Напасть на пекари было бы чрезвычайно опасно, так как те напали бы и на него, и тогда ему уже нельзя было оказать никакой помощи несчастному пленнику.

А между тем время шло. Что тут делать? Каким образом, не принося себя в жертву, спасти человека, подвергающегося такой большой опасности?

Мексиканец думал очень долго. Уехать и не оказать помощи человеку, которому грозила верная смерть, казалось невозможным дону Мигелю.

Мысль эта, уже много раз приходившая ему в голову, казалась ему такой чудовищной, что он сейчас же отказывался от нее.

Наконец он решил, во что бы то ни стало спасти неизвестного ему человека, так как по законам прерии каждый, наверное, в глубине своего сердца считал бы его убийцей, если бы он не помог этому человеку избавиться от грозившей ему опасности.

Положение незнакомца было тем более критическим, что, спеша укрыться от нападения своих врагов, он выронил ружье, которое лежало теперь под деревом, а следовательно, и не имел возможности сам уничтожить пекари или заставить их удалиться.

Несмотря на отлично развитое обоняние, пекари не почуяли приближения дона Мигеля, который, по счастливой случайности, проник в лес не с подветренной стороны.

Мексиканец, вздохнув, слез с лошади, погладил ее и затем с обычной быстротой снял с нее сбрую.

Благородное животное, принимая эти ласки, терлось головой и смотрело на своего хозяина большими умными глазами.

Дон Мигель снова вздохнул, и по его загорелым щекам заструились слезы. Конь был его верным товарищем, почти другом, и он решил с ним расстаться, но дон Мигель делал это для того, чтобы спасти жизнь человеку, и потому постарался заглушить в своем сердце волновавшие его чувства.

Он накинул аркан на шею лошади и, несмотря на ее упорное сопротивление, заставил ее продвинуться вперед до входа на прогалину, где были пекари.

Хрупкая завеса из лиан и листьев одна только скрывала теперь лошадь от их глаз.

Дойдя до этого места, дон Мигель остановился и снова пережил тяжелую минуту раздумья, а затем, схватив кусок предварительно зажженного трута и продолжая в то же время ласкать бедное животное, всунул трут в ухо лошади.

Лошадь заржала от боли и как безумная ринулась на прогалину, тщетно стараясь освободиться от трута, догоравшего в ее ухе и причинявшего ей ужасные страдания.

Дон Мигель отпрыгнул в сторону и с тревогой стал следить за результатами этой попытки, сделанной им для спасения незнакомца.

При виде лошади пекари все сразу поднялись и, образуя одну компактную группу, ринулись в погоню за лошадей, по-видимому совсем позабыв о сидевшем на дереве человеке.

Лошадь под влиянием боли и страха при виде свирепых врагов летела с быстротой стрелы, преследуемая по пятам пекари.

Человек был спасен!

Но какой ценой!

Дон Мигель подавил в себе последний вздох сожаления и бросился на прогалину.

Незнакомец уже спустился с дерева, но испытанное им волнение было так сильно, что он не мог стоять и сидел на земле почти без чувств, прислонясь спиной к стволу.

— Скорей, скорей! — крикнул ему дон Мигель. — Уходим скорей! Нам нельзя терять ни одной минуты, пекари могут спохватиться и вернуться назад каждую минуту.

— Это правда, — глухим голосом прошептал незнакомец, с испуганным видом оглядываясь кругом. — Идем, идем!.. Скорей... скорей!..

Он сделал над собой усилие, взял карабин и приподнялся.

Дон Мигель только теперь разглядел человека, которому он спас жизнь, и при этом не мог подавить в себе невольное чувства отвращения и недоверия, пробудившегося в нем при ближайшем изучении внешности незнакомца.

Асиендадо, благодаря жизни на границе, очень часто приходилось иметь дело с охотниками и трапперами, далеко не всегда отличавшимися симпатичной наружностью, но до сих пор ему ни разу не приходилось сталкиваться с такой отталкивающей личностью.

Но асиендадо, конечно, не высказал своих ощущений вслух и пригласил незнакомца следовать за собой.

Последний не заставил повторять себе приглашение: он тоже желал как можно скорее покинуть место, где был так недалек от смерти.

Мексиканец как местный житель отлично знал все окрестности, и благодаря этому двое мужчин через какой-нибудь час подошли уже к берегу Рио-дель-Норте, как раз напротив самого поселения.

Они шли так быстро и были так сильно заняты каждый своими мыслями, что за всю дорогу не обменялись ни одним словом.

Спешили они так потому, что боялись нового нападения пекари, но, к счастью, ничего подобного не случилось, и они благополучно достигли берега.

Дон Мигель нес в руках снятую им конскую сбрую, которую, подойдя к берегу, бросил на землю, а затем стал осматриваться кругом в надежде отыскать кого-нибудь, кто помог бы ему переправиться через реку.

Надежда его не замедлила оправдаться: как раз в ту минуту, когда они подходили к броду, какой-то погонщик собирался перегонять на ту сторону реки свою вереницу мулов и со свойственным всем мексиканцам великодушием предложил доставить их обоих в Пасо.

Пешеходы поблагодарили погонщика за любезность, сели на мулов и через полчаса были уже в деревне, а следовательно, и в полной безопасности.

Дон Мигель дал погонщику несколько реалов¹ в награду за оказанную услугу, а затем снова взял в руки сбрую своей лошади и хотел было уже удалиться, но его удержал незнакомец и грубым голосом с сильным английским акцентом сказал ему:

— Мы должны здесь расстаться, кабальеро, но, прежде чем проститься с вами, позвольте мне выразить вам мою глубокую благодарность за ваш благородный и великодушный поступок — вы спасли мне жизнь, рискуя своей собственной.

— Сеньор, — отвечал мексиканец, — я исполнил только свой долг и больше ничего: в прерии все люди — братья и обязаны защищать один другого; поэтому не благодарите меня, прошу вас, за то, что не стоит никакой благодарности... всякий другой на моем месте сделал бы то же самое.

— Очень возможно, — продолжал незнакомец, — но все-таки будьте так добры сказать мне ваше имя, чтобы я знал, кому обязан жизнью.

— Это совершенно неважно, — возразил дон Мигель, улыбаясь, — но, если я не ошибаюсь, вы иностранец и поэтому позвольте мне дать вам совет.

— Какой, сеньор?

— Я вам советую никогда больше не нападать на пекари; это ужасные враги, с которыми положительно нельзя бороться в одиночку...

¹ Р е а л — мелкая монета.

одинокий человек, нападая на них, совершает непростительную ошибку и почти всегда жестоко платится за это.

— Можете быть спокойны, сеньор: урок, который я получил сегодня, не пропадет даром и я больше уже не полезу в осиное гнездо... теперь я знаю, как дорого приходится платить за это... Но скажите же мне, еще раз прошу вас, имя человека, которому я обязан жизнью.

— Раз вы этого так настойчиво требуете, сеньор, я готов исполнить ваше желание: я дон Мигель Сарате.

Незнакомец бросил на своего собеседника странный взгляд, выражавший сильное удивление.

— А! — произнес он слегка изменившимся голосом. — Благодарю вас, дон Мигель Сарате, я хотя и не видел вас до сих пор, но уже слышал о вас!

— Весьма возможно, — отвечал асиендадо, — меня почти все знают в этой стране, где семейство мое живет уже многие годы.

— А я, сеньор, тот самый, кого индейцы называют *Quitachasta joute*¹, а бледнолицые охотники, мои собратья, — Красным Кедром.

С этими словами незнакомец поднес руку к шляпе, что должно было означать поклон, вскинул ружье на плечо, повернулся кругом и удалился большими шагами.

Дон Мигель с минуту следил за ним глазами, а потом, задумчиво опустив голову, направился к дому, в котором он жил в Пасо.

Асиендадо даже и не подозревал, что пожертвовал своей любимой лошадкой для того, чтобы спасти жизнь самому непримиримейшему из своих врагов.

ГЛАВА V

Рана

На рассвете дон Мигель Сарате, сидя на превосходной лошади, покинул Пасо и направился к асиенде, в которой он жил со своей семьей. Асиенда эта находилась всего в нескольких милях от форта Сан-Элесарио, в очаровательной местности и носила название асиенда де-ла-Нория.

Усадьба, в которой жил дон Мигель Сарате, находилась в центре обширной дельты, образуемой реками Рио-дель-Норте и Рио-Сан-Педро, или Чертовой рекой.

Усадьба состояла из тех крепких и массивных построек, которые умели строить одни только испанцы, когда были полными и бесконтрольными хозяевами Мексики.

Асиенда образовывала большой параллелограмм, поддерживаемый на известных расстояниях огромными контрфорсами² из тесаных кам-

¹ Л ю д о е д (индейск.).

² К о н т р ф о р с — вертикальная выступающая часть здания.

ней; подобно всем пограничным жилищам, похожим скорее на крепости, чем на дома, в ней наружу выходило всего несколько узких окон с железными решетками, похожих на бойницы.

Жилище это было обнесено толстой стеной, украшенной наверху особенного рода зубцами, называемыми альменами, что доказывало благородное происхождение владельца.

Внутри этой стены, но отдельно от главного дома, находились службы, состоявшие из конюшен, сараев, риг и помещений для пеонов¹.

В конце двора, в углу, над крышей асиенды, возвышалась в виде террасы высокая квадратная колокольня часовни.

В этой часовне служил монах по имени брат Амбро시오.

В глубине долины, имевшей в длину более пятидесяти миль, виднелись целые леса цветущих кактусов, стволы которых достигали пяти и даже шести футов в диаметре.

У дона Мигеля состояло на службе довольно большое число пеонов, так как он занимался в больших размерах культурой сахарного тростника.

Все, кому приходилось заниматься культурой сахарного тростника, прекрасно знают, что его разводят черенками, которые горизонтально кладут в борозды на полуфутовой глубине. Из каждого узла затем выходит стебель, достигающий до трех метров высоты, который и обрезают в конце года, чтобы добыть из него сахар.

Стояло одно из тех чудесных американских утр, когда природа точно справляет праздник.

Centzontle² своим пением поддерживал установившуюся за ним репутацию; кардиналы с розовым горлом, голубые птицы и попугаи весело щебетали, порхая в зеленой листве; вдали на равнине стадами паслись легкие пугливые антилопы, а иногда на горизонте галопом проносились испуганные манады³ диких лошадей, поднимавшие тучи пыли ударами своих копыт.

Несколько аллигаторов, валявшихся в речном иле, грели на солнце свою чешую, а в вышине над долиной величественно реяли большие орлы Сьерра-Мадре.

Дон Мигель быстро неся иноходью, любимым аллюром мексиканских мустангов, состоящим в том, чтобы заставлять лошадь поднимать передние ноги, в то время как задние почти не отделяются от земли.

Асиендадо употребил всего четыре часа на то, чтобы проехать расстояние от городка до своего дома, куда он приехал часов около девяти утра.

В дверях его встретила дочь, которой пеоны уже успели доложить о его возвращении и которая поспешила выйти ему навстречу.

¹ Пеон — слуга.

² Американский соловей (*индейск.*).

³ Манада — стадо, табун.

Дон Мигель пробыл в отсутствии около двух недель, и поэтому он с величайшим удовольствием отдавался ласкам своей дочери.

Поцеловав ее несколько раз и все еще продолжая прижимать ее к своей груди, асиендадо в то же время внимательно рассматривал ее лицо.

— Что случилось с тобой, моя дорогая Клара? — с участием спросил ее отец. — Ты смотришь что-то печально... или ты, может быть, не рада меня видеть? — добавил он, улыбаясь.

— О! Вы не можете этого думать, отец мой, — отвечала девушка, — вы сами прекрасно знаете, как я рада вашему приезду.

— Спасибо, дитя мое; но в таком случае что же значит эта печаль, которую я читаю на твоём лице?

Девушка опустила глаза, но ничего не ответила.

Дон Мигель бросил пылливый взор вокруг себя.

— Где дон Пабло? — спросил он. — Почему он не пришел встретить меня, или, может быть, его нет в асиенде?

— Нет, отец, он здесь.

— Ну так почему же он не вышел ко мне навстречу?

— Он не вышел потому... — начала, запинаясь, молодая девушка.

— Почему?

— Потому что он болен.

— Мой сын болен! — вскричал дон Мигель.

— Я не так сказала, — продолжала донья Клара.

— Да говори же ради самого неба!

— Пабло не вышел, отец, потому что он ранен.

— Ранен! — вскричал асиендадо и, оттолкнув дочь, быстро взбежал по ступенькам крыльца, прошел, не останавливаясь, через несколько зал и вошел в комнату своего сына.

Молодой человек, бледный и осунувшийся, лежал на постели.

Увидя отца, он улыбнулся и протянул ему руку.

Дон Мигель очень любил своего сына, единственного наследника его имени.

— Что это за рана, о которой мне сейчас говорила дочь? — с волнением спросил он сына.

— Это меньше чем ничего, отец мой, — отвечал молодой человек, обменявшись взглядом с сестрой, входившей в эту минуту. — Клара тут совсем с ума сошла и только попусту напугала вас.

— Но ведь ты же ранен? — продолжал отец.

— Да, но, повторяю вам, это пустяки.

— Скажи же мне наконец, где и как ты получил эту рану?

Молодой человек покраснел, но молчал.

— Я хочу это знать, — настойчиво повторил дон Мигель.

— Боже мой, отец, — отвечал дон Пабло недовольным тоном, — я не понимаю, чего вы так беспокоитесь; я не ребенок, за которого нужно дрожать из-за малейшей царапины... до сих пор вы никогда особен-

но не тревожились в таких случаях, хотя раны бывали и посерьезнее этой.

— Очень может быть, но ты мне сегодня так странно отвечаешь и так стараешься скрыть от меня, каким образом тебя ранили, что мне кажется, что тут дело гораздо серьезнее и ты умышленно стараешься скрыть правду.

— Вы ошибаетесь, отец, я вам это сейчас докажу.

— Я буду очень рад, если это так... Говори!.. Клара, дитя мое, пойди и прикажи подавать завтрак. Я буквально умираю с голоду.

Девушка вышла.

— Теперь мы с тобой одни, — продолжал дон Мигель, обращаясь к сыну. — Прежде всего скажи мне, куда ты ранен?

— О боже! У меня только слегка оцарапано плечо; если я и лежу, то только потому, что мне просто не хочется вставать, а вовсе не из-за раны.

— Гм! Кто же это таким образом оцарапал тебе плечо?

— Пуля.

— Пуля! Значит, ты дрался, несчастный! — вскричал дон Мигель, вздрогнув.

Молодой человек улыбнулся, пожал руку своему отцу и, наклонившись к нему, сказал:

— Вот каким образом это случилось.

— Я тебя слушаю, — отвечал дон Мигель, делая над собой усилие, чтобы успокоиться.

— Через два дня после вашего отъезда, отец, — продолжал дон Пабло, — я, по обыкновению, отправился посмотреть за работами по выделке сахара и резке тростника, как это вы мне поручили, как вдруг один охотник, которого вы часто видели в окрестностях асиенды, некий Андрес Гарот, остановил меня в ту самую минуту, когда, отдав какие-то приказания мажордому, я собирался уже уезжать. Поклонившись мне, негодяй лукаво улыбнулся и, понизив голос, чтобы его не слышали окружающие меня люди, сказал мне: «Не правда ли, дон Пабло, что вы от чистого сердца дали бы пол-унции тому, кто сообщил бы вам важное известие?» — «Это зависит от того, что мне сообщат», — отвечал я, так как давно знал этого человека и знал, что ему нельзя особенно доверять. «Ба! ваша милость так богаты, — продолжал он вкрадчиво, — что такая небольшая сумма для вас даже меньше чем ничего, тогда как мне она принесла бы много пользы».

Несмотря на все свои недостатки, этот негодяй иногда оказывал нам небольшие услуги и притом, как он и говорил, пол-унции для меня действительно пустяки... Я дал ему монету, которую он сейчас же опустил в свой карман, а затем, нагнувшись к моему уху, сказал: «Спасибо вам, дон Пабло, я не украду ваших денег; ваша лошадь отдохнула, она может пробежать большое расстояние, отправляйтесь в долину Бизонов, там вы узнаете кое-что такое, что вас заинтересует». Как я ни просил его говорить яснее, мне не удалось вытянуть из него больше ниче-

го. Но прежде чем уйти от меня, он добавил: «Дон Пабло, у вас хорошее оружие, захватите его с собой, кто знает, что может случиться». Не знаю почему, но сообщенное мне этим негодяем известие, наконец, сами его недомолвки возбудили мое любопытство, и я решил отправиться в долину Бизонов, чтобы найти ключ к этой загадке.

— Андрес Гарот негодяй, он поставил тебе ловушку, а ты в нее и попался, сын мой, — перебил его дон Мигель.

— Нет, отец, вы ошибаетесь: Андрес поступил со мной честно, и мне остается только благодарить его, хотя ему, может быть, и не следовало бы говорить со мной загадками.

Асиендадо с видом сомнения покачал головой.

— Продолжай, — сказал он.

— Я вернулся домой, захватил оружие, а затем, вскочив на Негро, моего верного скакуна, направился к долине Бизонов. Как вы знаете, отец, то место, которое мы так называем и которое нам принадлежит, состоит из громадного кедрового и кленового леса, занимающего около сорока миль в окружности, его во всю длину пререзает Рио-Сан-Педро.

— Да, я это знаю и хочу в будущем году вырубить часть самых старых деревьев.

— Вам теперь нечего беспокоиться об этом, — ответил молодой человек, улыбаясь, — другой взял на себя этот труд вместо вас.

— Что это значит! — вскричал асиендадо. — Кто же осмелился это сделать?

— Бог мой! Один из скваттеров-еретиков, как они сами себя называют; негодяй нашел место подходящим для себя и преспокойно поселился там со своим выводком волчат — тремя великовозрастными негодьями, похожими на висельников, которые расхохотались мне в глаза, когда я заявил им, что лес этот принадлежит нам; затем они заявили мне, что они североамериканцы и боятся меня столько же, сколько и койотов, и что земля принадлежит тому, кто первый занял ее; в заключение же они посоветовали мне убираться как можно скорей... Ну что еще сказать тебе, отец?.. Я ведь недаром так на тебя похож... я вспылчив и так же, как и ты, ненавижу этих пиратов-янки, которые за последние несколько лет налетели на нашу страну, как туча moskitov. Я видел перед собой срубленными самые лучшие деревья в нашем лесу и, конечно, не мог спокойно слушать дерзости этих негодяев, так что наша ссора кончилась тем, что они в меня выстрелили.

— Пресвятая Дева! — гневно вскричал дон Мигель. — Они мне дорого заплатят, клянусь тебе, за это оскорбление; я им жестоко отомщу.

— Зачем вы так выходите из себя, отец? — отвечал молодой человек, видимо раздосадованный действием, произведенным его рассказом. — Убыток, который эти люди нам причинили, в сущности, весьма незначительный, и я всецело виню в этом самого себя.

ПИРАТЫ ПРЕРИЙ

ГЛАВА I

Охотничья кладовая

Прошло около двух месяцев. Мы — в прерии. Перед нами лежит бесконечность. Какое перо, как бы оно ни было красноречиво, осмелится описать эти безбрежные океаны зелени, которым североамериканцы дали на их образном языке поэтичное и вместе с тем таинственное название Дикий Запад. Название это принадлежит малоисследованной стране, отличающейся разнообразными пейзажами, поражающими своей грандиозностью, но вместе с тем ласкающими и очаровывающими взгляд, — стране безграничных равнин с роскошной смешанной флорой, напоминающей флору Индии.

Глазам путешественника, отважившегося проникнуть в эту страну, прежде всего представится обширное пространство, похожее на огромный зеленый ковер, усыпанного цветами и перерезанного широкими реками. Вид этот покажется ему однообразным и как будто сливающимся на горизонте с синим небом. Но по мере того как глаз его привыкает к этой картине и начинает разбираться в ее деталях, он видит там и здесь довольно высокие холмы, скалистые берега рек и тысячи других возвышенностей, которые нарушают монотонность пейзажа и при поверхностном взгляде не заметны благодаря высокой траве и деревьям.

Кто сумеет перечислить все произведения этой первобытной природы, представляющие собой великолепное и грандиозное зрелище вечных контрастов и потрясающей гармонии!

Здесь, над гигантскими папоротниками, кактусами, лиственницами и индейскими смоковницами, возвышается эбеновое дерево с его продолговатыми листьями. Виднеются хлебные деревья, агавы с широкими листьями в виде веера, авокадо с огромными гроздьями золотистых плодов, королевская пальма с обнаженным стволом, покачивающаяся при малейшем дуновении ветра своей величавой вершиной, сахарный тростник, лимонное дерево, бананы, черимойя с опьяняющими плодами, пробковый дуб, перувианское дерево и, на-

конец, восковое дерево. Там тянутся обширные поля далий, белых, как снег вершины Чимборасо¹, или красных, как кровь.

Огромные лианы, переплетаясь друг с другом, обвиваются как змеи вокруг древесных стволов и виноградных лоз. И в этом изумительном смешении всех видов растительного царства, в этом странном хаосе летают, бегают, ползают по всем направлениям всевозможные животные и птицы. Все они поют, свистят, рычат, шипят на все лады, отовсюду раздаются звуки, то насмешливые и угрожающие, то приятные и меланхолические. Олени и лани пугливо бегут, насторожив уши; горный баран перепрыгивает со скалы на скалу и останавливается как вкопанный у края пропасти; тяжеловесные и глупые бизоны с печальными глазами медленно бродят по прерии; многочисленные табуны диких лошадей носятся по равнине, взрывая копытами землю; аллигаторы, зарывшись в тину, дремлют на солнце; игуана лениво переползает с дерева на дерево; пума — этот лев без гривы, — пантера и ягуар коварно подстерегают свою добычу; бурый медведь, лакомка и большой охотник до меда; гризли, самый опасный из обитателей этих мест; хамелеон, меняющий цвет кожи, отливающей всеми цветами радуги; василиск, бесшумно и зловеще ползающий под листьями; исполинский удав боа; коралловая змея, такая маленькая и в то же время такая опасная; большая тигровая змея — все это живет, движется и славит Творца. В высокой траве и в густой чаще деревьев скрываются и щебечут птицы и насекомые — тулканы с огромными клювами, голуби, изящные розовые фламинго и лебеди. А с одной лианы на другую, с одного кустарника на другой то и дело перепрыгивают с неподражаемой грацией хорошенькие серые белки. Высоко в небе, описывая большие круги и широко раскинув крылья, парят орлы и кондоры, высматривая добычу, на которую бросаются с быстротой молнии.

Но вот среди безлюдной прерии точно по волшебству появляется медно-красный всадник, он мчится во весь дух, и из-под копыт его лошади, как брызги, летят мелкие камни, сверкая на солнце, как золото. Это — индеец, красная кожа которого похожа на медь. Он могуч, жесты его преисполнены величественной грации, а у взгляда властное выражение. Он принадлежит к племени пауни или же навахов, а может быть, к племени команчей, апачей или сиу. Вращая над головой лассо, он гонит перед собой то стадо испуганных буйволов, то табун диких лошадей, то пантеру или ягуара, которые убегают от него, глухо рыча от испуга и ярости. Это дитя прерии, такое величественное, благородное и презиращающее опасность, с невероятной быстротой разъезжающее по тысячам ему одному известных тропинок, действительно может считаться царем этой своеобразной страны — один только индеец и может ездить по ней днем и ночью, не боясь бесчисленных опасностей, и бороться с европейской цивилизацией, которая надвигается на

¹ Ч и м б о р а с о — потухший вулкан в Андах на территории Эквадора, покрытый вечными снегами.

Сашем

него шаг за шагом, вытесняя из последних убежищ и обступая со всех сторон. А потому — горе трапперу или охотнику, дерзко осмелившемуся попасться ему на пути: кости его побелеют в прериях, и волосы его украсят или щит индейского вождя, или гриву его лошади!

Таков и поныне великолепный, захватывающий и ужасный вид Дикого Запада.

В тот день, с которого мы возобновляем наше повествование, в ту минуту, когда солнце достигло своего зенита, мрачное молчание, царившее в прерии, вдруг было нарушено легким шелестом в густых кус-

тах, росших у берегов Рио-Хилы, в одной из самых глухих частей прерий. Ветки осторожно раздвинулись, и посреди листьев и лиан показалось человеческое лицо. Оно было покрыто потом и выражало ужас и отчаяние.

Оглядевшись по сторонам с намерением убедиться, что никто его не выслеживает, человек медленно и осторожно выбрался из травы и кустарников, которые скрывали его, и, сделав несколько шагов по направлению к реке, с тяжелым вздохом опустился на землю. Почти в то же время из кустов выскочила огромная собака-молос¹ и тут же улеглась у его ног. Человек, так неожиданно появившийся у берегов Рио-Хилы, — это Красный Кедр. Положение его, по-видимому, было весьма плачевным: он был в прерии один, без оружия, потому что длинный нож, висевший на поясе из оленьей кожи, был почти бесполезен.

На Диком Западе, в этом безграничном океане зелени, человека безоружного можно считать мертвым.

Борьба с бесчисленными врагами, которые подстерегают его всюду и ждут только удобного случая, чтобы напасть на него, становится для него невозможной.

Красный Кедр был лишен бесценных сокровищ каждого охотника: ружья и лошади. Кроме того, он был одинок. До тех пор, пока человек видит перед собой другого — даже если этот другой его враг, — он не чувствует себя одиноким. В душе его теплится надежда, в происхождении которой он хоть и не может дать себе отчета, но которая тем не менее поддерживает его и придает ему мужества. Но как скоро этого другого нет и человек — эта незаметная песчинка в пустыне — остается один перед лицом Творца, он начинает трепетать, в нем растет сознание собственного ничтожества, он понимает, насколько слаб в сравнении с грандиозными творениями природы и как безумны его усилия приподнять хотя бы край песчаного савана, постепенно окутывающего его со всех сторон. Красный Кедр был бывалый бродяга. Сотни раз во время своих путешествий по прериям он находился в положении почти безвыходном и каждый раз ухитрялся выйти из него благодаря смелости, терпению, а главное — твердости воли. Но никогда еще он не лишался всего самого необходимого. Однако ему надо было на что-нибудь решаться. Он встал, пробормотал проклятие, свистнул своей собаке — единственному существу, оставшемуся верным ему в беде, и тихо побрел, не стараясь даже сориентироваться. Да и в самом деле, зачем стал бы он выбирать направление пути? Не все ли ему равно, куда идти?! Все пути были одинаково годны на то, чтобы через известный промежуток времени привести его к одной цели... к смерти!

Так он шел в течение нескольких часов — опустив голову, встречая по дороге горных баранов. Они прыгали вокруг него и точно насмеялись над ним. Бизоны едва достаивали поднять головы в то время,

¹ Помесь волка и ньюфаундленда.

когда он проходил мимо них, и смотрели на него своими большими печальными глазами, будто понимая, что беспощадный враг их был теперь им не опасен, так как он шел без оружия. Различные животные прыгали и резвились вокруг него, а собака, ничего не понимавшая в этом совершенно новом для нее положении вещей, посматривала на своего хозяина и, казалось, спрашивала у него взглядом: «Что все это должно означать?!»

День прошел, и он не только не внес никакой перемены к лучшему в положении охотника, но, напротив, значительно ухудшил его. Когда настал вечер, охотник не лег, а почти упал на песок, изнемогая от усталости и голода.

Солнце скрылось. Ночной сумрак стал быстро окутывать прерию. Уже слышно было рычание диких зверей, которые выходят из своих логовищ только ночью, чтобы утолить жажду и найти добычу. Безоружный скваттер не мог развести огня и этим отогнать их. Он оглянулся по сторонам. Инстинкт самосохранения — эта священная искра, никогда не угасающая в сердце даже самого несчастного человека — заставил его искать убежища. Он влез на дерево и, привязав себя к нему покрепче, чтобы предохраниться от падения, что могло легко случиться, закрыл глаза и попытался заснуть, чтобы хоть на короткое время обмануть терзавший его голод и забыть о своем ужасном положении.

Но сон не любит посещать несчастных, он именно тогда и не является, когда его желают всего более. Никто не может представить себе всего ужаса бессонной ночи в прерии, не испытав этого на себе. Ночной мрак наполняется зловещими призраками, дикие звери рычат, змеи обвиваются вокруг древесных стволов и нередко охватывают своими холодными липкими кольцами несчастного человека, полумертвого от страха. В этом ужасном положении каждая минута становится вечностью, и болезненно настроенное воображение как назло создает картины одну страшнее другой, — в особенности тогда, когда желудок пуст.

На рассвете скваттер облегченно вздохнул. А между тем что значил для него наступающий день, как не продолжение его бедствий и страшных мук. Но его радовало уже то, что стало светло — он мог по крайней мере дать себе отчет в том, что происходило вокруг него. Солнце согрело и до некоторой степени приободрило его.

Он слез с дерева, на котором провел ночь, и снова двинулся в путь. Куда и зачем шел он? Он сам бы не мог ответить на эти вопросы, а между тем он шел так, будто имел перед собою какую-то цель, несмотря на то, что он знал: помощи ему ждать не от кого и, напротив, первым человеческим лицом, которое он увидит в этой безграничной пустыне, будет лицо недруга. Но человек такой закалки, как этот скваттер, не мог поступить иначе. Такой человек не в состоянии предаваться отчаянию, он борется до последней минуты.

Мы не располагаем возможностью описать все те мысли, которые вихрем кружились в голове скваттера, в то время когда он молчаливо,

мрачно и бесцельно бродил по обширным равнинам. К полудню жара стала настолько нестерпимой, что побежденный бесчисленными физическими и нравственными страданиями скваттер наконец упал совершенно обессиленный у подножия одного дерева. Он долго лежал распростертым на земле. Наконец, томимый голодом, он снова встал и, шатаясь и едва держась на ногах, занялся поисками корней и трав, способных если не утолить, то хотя бы обмануть голод, терзавший его внутренности. Долгое время поиски его были бесплодны, но они все же увенчались успехом. Он нашел юкку — род мучнистого корня — и с наслаждением стал есть это растение. Сделав порядочный запас этого корня, дав его и своей собаке, он наполнил воды из реки и уже намеревался продолжать свой путь, немного подкрепившись этим скудным обедом, как вдруг глаза его сверкнули, лицо его точно просветлело, и он пробормотал дрожащим от волнения голосом:

— Что, если это именно она?!

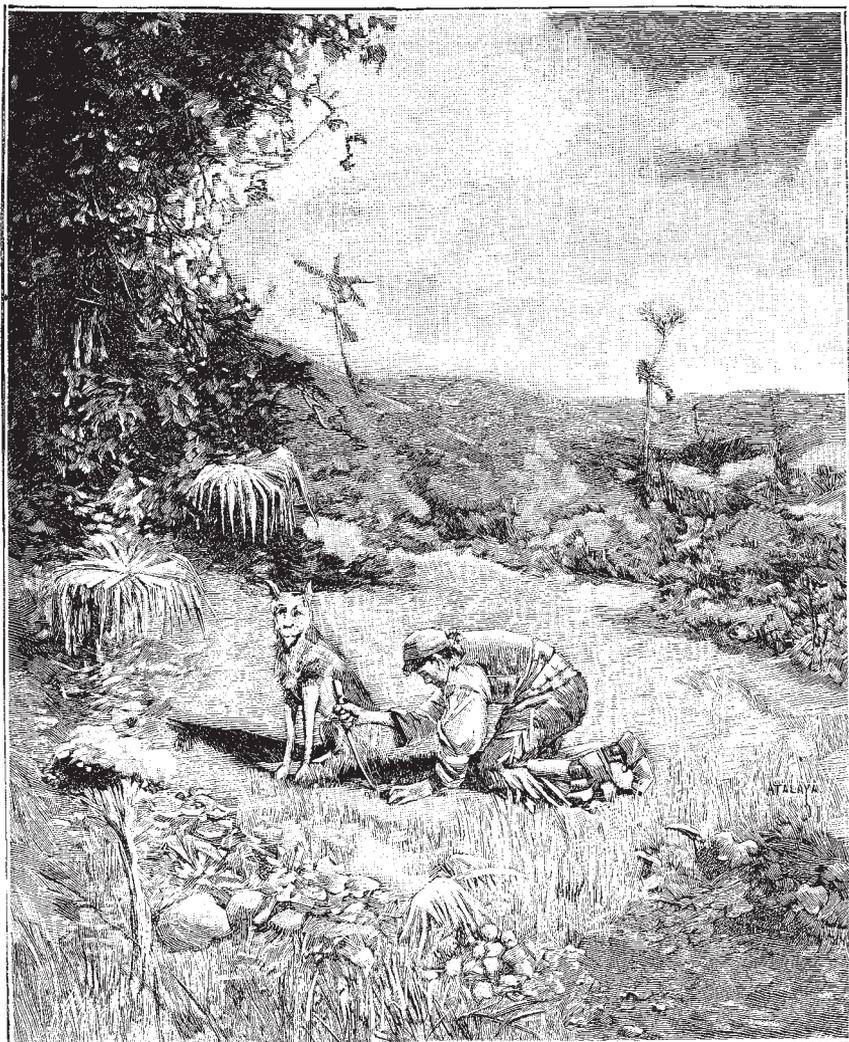
Вот что вызвало такое восклицание со стороны Красного Кедра: в тот момент, когда он снова двинулся в путь, машинально бросив взгляд вокруг, ему показалось, что в одном месте трава была гуще и выше, чем во всех других местах. Это незначительное само по себе явление могло броситься в глаза только человеку, давно привыкшему к прериям, и оно не ускользнуло от внимания Красного Кедра.

Индейцы и охотники часто сталкиваются с необходимостью обратиться в бегство, чтобы избежать неприятельской засады, а потому им приходится большую часть своей добычи и своих товаров оставлять на месте. А так как они не имеют ни малейшего желания навсегда лишиться этой добычи и этих товаров, то они устраивают нечто вроде кладовой, носящей на языке трапперов название *cache*. Вот каким образом устраивается такая кладовая.

Прежде всего вокруг того места, где желают сделать кладовую, стелют одеяла и бизоньи шкуры; затем лопатой поднимают дерн, очертив при этом на земле круг или четырехугольник — смотря по тому, какой формы желают сделать кладовую — и роют яму, выбрасывая всю вынутую землю на одеяла.

Когда яма уже достаточно глубока, стенки и дно ее также устилают бизоньими шкурами, и уже тогда складывают на дно ее товары, тщательно прикрыв их кожами. После этого яму снова засыпают землей, заравнивают и кладут дерн на прежнее место, затем поливают, чтобы он не засох, а оставшуюся землю бросают в реку, чтобы уничтожить все следы своей деятельности. Все это проделывается с такой ловкостью, что только самый опытный человек может различить место, где находится кладовая, да и то нередко пустота найденной ямы ясно свидетельствует, что вещи уже были унесены кем-нибудь раньше.

Вещи, сложенные в кладовой, могут храниться без порчи лет пять или шесть. Сколько таких вещей пропадает вследствие смерти их владельца, убитого из-за куста или погибшего во время неожиданного на-

Он вынул из-за пояса нож и принялся снимать с холмика дерн.

падения. Мертвые уносят с собой в могилу тайну о том, в каком месте они зарыли свои сокровища!

Мы говорили, что скваттеру показалось, будто он набрел на такую кладовую. В его положении такая находка была неоценимой — она могла дать ему возможность запастись предметами первой необходимости и заставить его, так сказать, воскреснуть из мертвых и возобновить скитальческую жизнь охотника.

Он несколько минут стоял неподвижно, пристально глядя на то место, где, как он предполагал, был зарыт клад. Волновавшие его при этом чувства не поддаются описанию. Наконец, совладав со своим волнением, он с бьющимся от страха и надежды сердцем тщательно расстелил вокруг холмика одеяло и свою одежду, чтобы положить на них дерн и землю, вынул из-за пояса нож и принялся снимать с холмика дерн, решив про себя, по своей прирожденной честности, свойственной каждому обитателю прерий, несмотря на свою разбойничью профессию, не брать лишнего, не лишать законного владельца найденных им вещей — предметов первой необходимости. Постепенно, с осторожностью, он снял весь дерн с холмика, а затем приостановился, чтобы перевести дух. Через четверть часа, вытерев пот, струившийся с его лба, он снова принялся за работу. Вырывать землю ножом и, взяв ее в пригоршню, выкладывать на одеяло, было работой далеко не легкой для человека усталого и истощенного продолжительными лишениями. Он несколько раз бросал работу, и дело поэтому шло чрезвычайно медленно. Кроме того, на поверхности земли не появлялось ни малейшего признака, по которому можно было судить, что скваттер действительно не ошибся. Он даже несколько раз едва не бросил совсем своих напрасных поисков. Но в них ведь заключалось единственное средство к его спасению — если бы поиски его увенчались успехом, то это дало бы ему возможность снова начать вольную жизнь охотника, а потому он цеплялся за эту последнюю надежду, которая выпала на его долю благодаря простой случайности, с тем отчаянием, с каким утопающий хватается за соломинку. Между тем несчастный уже довольно долго рыл землю своим ножом; перед ним уже зияла глубокая яма, но ничто еще не подтверждало, что он не ошибся в своем предположении, а потому, несмотря на свой энергичный характер, он почувствовал, что мужество снова начинает покидать его. Слезы бессильной ярости показались на его лихорадочно воспаленных глазах, и он бросил свой нож в яму, изрыгая проклятия. Нож упал на дно и, издав металлический звук, отскочил в сторону. Скаттер, не желая более пользоваться своим ножом, снова стал рыть землю, но на этот раз просто ногтями, как дикий зверь. Скоро из-под земли показалась бизонья шкура. Но вместо того, чтобы сейчас же приподнять эту кожу, без сомнения скрывавшую под собой желанное сокровище, скваттер с неизъяснимым волнением стал ее рассматривать.

Красный Кедр не ошибся. Он действительно нашел кладовую. Его многолетний опыт не обманул его! Но что именно содержала в себе эта кладовая? Может быть, она уже была ограблена и теперь в ней было пусто? Теперь, когда ему достаточно было сделать легкое движение, чтобы разрешить свои сомнения, скваттер заколебался: им овладел страх! В течение тех трех часов, в продолжение которых он работал, Красный Кедр лелеял столько надежд, что теперь стал инстинктивно бояться разочарования; он опасался с высоты своих мечтаний быть мгновенно низвергнутым в страшную, сжимавшую его словно железными когтями действительность. Колебания его были продолжительны. Наконец, решившись, он

дрожащими от волнения руками, быстрым как мысль движением сдернул с земли бизонью шкуру. Скваттера мгновенно точно что-то ослепило, и он издал радостный крик, похожий на рычание тигра.

Он нашел кладовую охотника! Здесь были всевозможных видов железные капканы, ружья, двуствольные и одноствольные пистолеты, пороховницы, мешочки, наполненные пулями, ножи и множество других вещей, необходимых охотнику. Красный Кедр ожил; он внезапно преобразился и сделался снова тем смелым и неукротимым человеком, каким был до катастрофы, жертвой которой сделался. Да, он стал снова человеком, не знающим ни страха, ни угрозы, готовым вести борьбу со всем миром и смеющимся над опасностями, могущими встретиться ему на пути. Он выбрал из этого запаса лучшую винтовку, две пары пистолетов и острый нож с широким длинным лезвием. Он взял также полный набор для верховой езды, два рога пороха, мешок с пулями и охотничью сумку из шкуры оленя, богато расшитую в индейском стиле. В ней были огниво и всякие прочие мелочи, необходимые в дороге. Красный Кедр нашел также табак и трубку, которыми он не преминул немедленно воспользоваться. Самым большим лишением для него за это время было отсутствие курева.

Вынув из ямы все то, что ему было нужно, он все остальное аккуратно положил на место и ловко скрыл следы, по которым другие могли бы найти кладовую, принесшую ему такую огромную пользу. Исполнив таким образом обязанность всякого честного человека по отношению к владельцу тех вещей, которыми он воспользовался без спросу, Красный Кедр перекинул за спину винтовку, свистнул своей собаке и удалился быстрыми шагами, бормоча:

— А-а! Вы думаете, что уже поймали медведя в его берлоге?! Посмотрим, сумеет ли он отомстить за себя!

Какими же судьбами скваттер, которого мы видели отправляющимся в поход во главе многочисленного и сильного отряда, оказался вдруг одиноким и погибающим в прерии?

ГЛАВА II

Привал

Заканчивая вторую часть нашего повествования, мы говорили, что следом за отрядом гамбусинос, предводителем которого был Красный Кедр, в прерию выехал другой отряд. Им командовал Валентин Гиллуа, и состоял он из Курумилы, генерала Ибаньеса, дона Мигеля Сарате и его сына. Эти пятеро людей ехали для того, чтобы совершить дело мести.

Очутившись на индейской территории, француз бросил пытливым взгляд вокруг, остановил лошадь и обернулся к дону Мигелю:

— Прежде чем ехать дальше, — сказал он ему, — нам, мне кажется, не мешало бы посоветоваться друг с другом, чтобы наметить план действий и уже не отступать от него.

— Друг мой, — ответил асиендадо¹, — вы знаете, что на вас вся наша надежда, а потому поступайте так, как вы сочтете необходимым.

— Хорошо, — сказал Валентин. — Теперь такое время, когда нестерпимая жара вынуждает все живое в прериях скрываться под тенью деревьев, а потому давайте сделаем привал, — место это очень удобно для такой цели!

— Отлично, — коротко ответил асиендадо. Всадники слезли с лошадей, сняли с них уздечки, чтобы дать бедным животным возможность пощипать тощую и выжженную солнцем траву, которая еле-еле пробивалась на этой неблагоприятной почве.

Действительно, место для бивака было выбрано очень удачно: это была обширная поляна, по которой протекал один из тех многочисленных ручейков, которые изрезают прерии вдоль и поперек и зачастую стекаются в большие реки. Над головами путников был свод густых деревьев, защищавший их от жгучих солнечных лучей. Хотя было около полудня, близость ручья навевала на поляну прохладу, которая так и манила прилечь и воспользоваться полуденным отдыхом, так удачно названным сиестой.

Но путешественники, занятые серьезным делом, даже и не думали о сне.

Приняв все меры предосторожности на случай внезапного нападения, Валентин присел у подножия одного дерева, сделав своим друзьям знак сесть рядом.

Трое белых немедленно приняли его приглашение, тогда как Курумилля, по обыкновению не говоря ни слова, взял в руки ружье и стал на страже в нескольких шагах от остальных.

После нескольких минут размышления Валентин начал говорить:

— Сеньоры кабальеро! Настало время поговорить друг с другом откровенно. Мы теперь — на неприятельской территории, перед нами на пространстве более двух тысяч миль раскинулись прерии. Нам предстоит бороться не только с белыми или с краснокожими, которых мы встретим на пути, но и с голодом, жаждой и со всевозможными дикими зверями. Не старайтесь придать моим словам иного значения, чем то, которое придаю им я. Вы давно знаете меня, дон Мигель, и вам известно, какую дружбу я питаю к вам.

— Я это знаю и благодарю вас за нее! — с глубоким чувством ответил дон Мигель.

— Из этого следует, — продолжал Валентин, — что никакое препятствие, каким бы оно ни было, не заставит меня отказаться от возложенной мною на себя задачи.

¹ А с и е н д а д о — владелец асиенды, как в Мексике называют поместья и фермы.

— Я в этом убежден, мой друг!

— Хорошо, но что касается меня, так я — старый бродяга. Жизнь в прериях, с ее лишениями и опасностями, мне вполне знакома; то, что я намереваюсь сделать, — пустяк для меня и для моего друга-индейца...

— К чему вы это клоните? — перебил его с тревогой дон Мигель.

— Вот к чему, — ответил охотник. — Вы, кабальеро, как и все люди, привыкли к роскоши и к свободе, может быть, будете не в состоянии вынести тяжелых условий существования, на которое себя обрекли. В приступе страшного горя вы очертя голову бросились преследовать похитителей вашей дочери, не взвесив последствий вашего поступка.

— Это правда, — пробормотал дон Мигель.

— А потому, — продолжал Валентин, — я считаю своим долгом предупредить вас: не бойтесь отступить, будьте так же чистосердечны со мной, как я с вами. Меня и Курумилы будет вполне достаточно, чтобы выполнить задачу, которую мы приняли на себя. Позади, не более чем в десяти милях от нас, находится мексиканская граница. Возвращайтесь туда и предоставьте нам заботу найти ваше дитя, если вы не чувствуете в себе сил преодолеть бесчисленные опасности, угрожающие нам.

Во время этой короткой речи дон Мигель стоял, опустив голову и сдвинув брови. В глубине души он не мог не сознавать, что в словах говорившего было много правды. Когда Валентин умолк, асигендадо выпрямился и протянул охотнику руку, которую тот горячо пожал.

— Друг мой, — ответил дон Мигель, — то, что вы мне сказали, вы обязаны были мне сказать. Слова ваши не оскорбили меня, тем более что они были внушены вам сочувствием ко мне и тем расположением, которым вы меня одариваете. Доводы, которые вы мне привели, справедливы, и я уже сам их себе приводил, но, что бы ни случилось, решение мое останется неизменным: я не отступлю ни перед чем до тех пор, пока не найду своей дочери!

— Я знал, что ваш ответ будет именно таков, дон Мигель, — сказал охотник. — Отец не может согласиться покинуть свое дитя, оставить его в руках разбойников, не сделав попытки освободить его. Но, повторяю, я должен был предупредить вас. А теперь перестанем говорить об этом и займемся составлением плана кампании.

— О-о! — весело воскликнул генерал. — Посмотрим, посмотрим!..

— Простите, генерал, — сказал Валентин, — но война, которую мы ведем, резко отличается от войн цивилизованных наций — в прериях побеждает только хитрость.

— Ну что же, будем хитрить! Я ничего ни имею против этого, тем более что с такими слабыми силами, какие имеются в нашем распоряжении, я не вижу иного способа воевать.

— Это правда, — подтвердил охотник, — нас всего пятеро, но поверьте, что пятеро смельчаков гораздо опаснее, чем это можно предположить, и я надеюсь в скором времени доказать это нашим врагам.

— Хорошо сказано, дру! — воскликнул дон Мигель с восторгом. — *Suero de Dios!*¹ Негодяи не замедлят это увидеть!

— У нас есть союзники, — продолжал Валентин, — которые в нужную минуту окажут нам достойную поддержку, — это племя команчей, с гордостью называющее себя Царем Прерий. Эти воины — опасные противники. Единорог со своим племенем не изменит нам. Кроме того, у нас есть союзники и в неприятельском стане — это вождь корасов.

— Так что же вы нам говорили?! — воскликнул весело генерал. — *Sarai!*² В таком случае успех нам обеспечен!

Валентин покачал головой.

— Нет, — сказал он. — У Красного Кедра также есть союзники: степные разбойники и апачи присоединятся к нему, я в этом уверен.

— Может быть, — сказал дон Мигель.

— В этом и сомнения быть не может. Охотник за скальпами слишком привык к жизни в прерии, чтобы, со своей стороны, не обеспечить себе шансов на успех.

— Но если так, то война станет всеобщей! — воскликнул землевладелец.

— Конечно, — ответил Валентин. — Именно этого я и добиваюсь. Двух дней пути будет достаточно, чтобы дойти отсюда до селения племени навахов. Я оказал кое-какую услугу Желтому Волку, главному вождю этого племени, и нам необходимо прийти к нему прежде, чем Красный Кедр сделает попытку увидеться с ним. Нам во что бы то ни стало надо заручиться его содействием в качестве союзника. Навахи — племя воинственное, смелое, но вместе с тем и осторожное!

—А вы не опасаетесь тех последствий, которые будет иметь наше промедление?

—Раз и навсегда, кабальеро, запомните, что в той стране, где мы находимся, прямая дорога — самая длинная, — ответил Валентин. — Союз с Желтым Волком нам необходим, с его поддержкой нам будет легко...

Внезапный приход Курумилы прервал речь охотника.

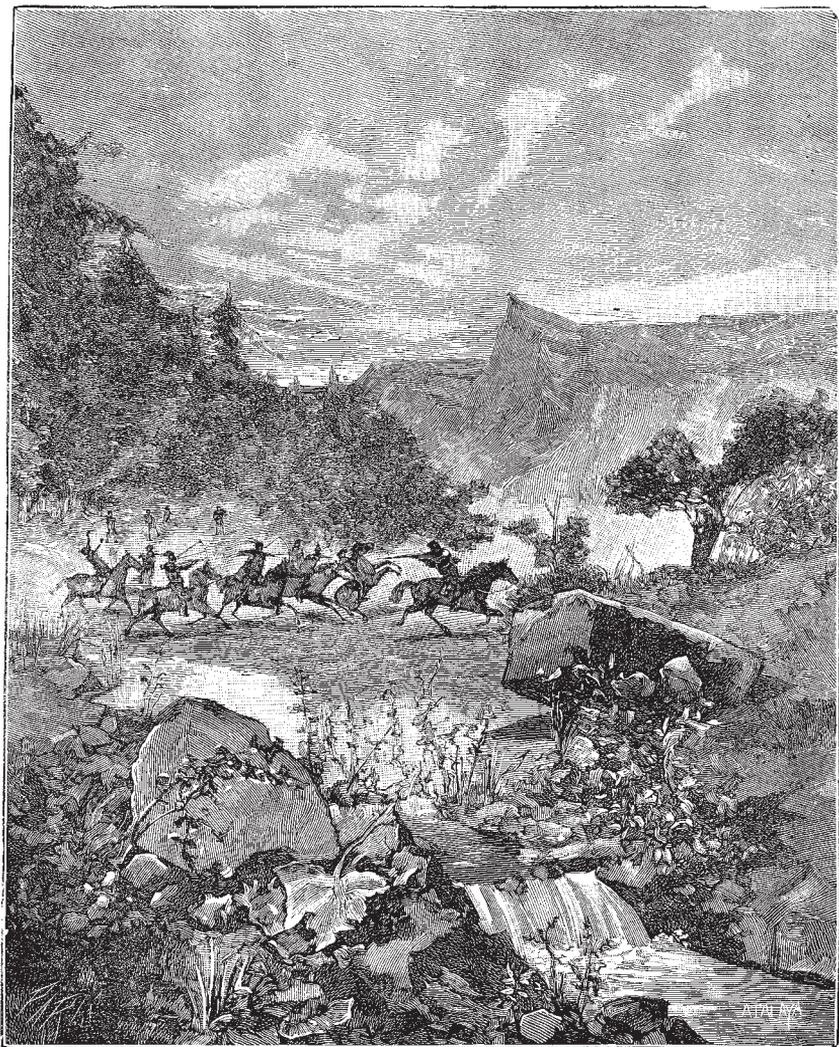
— Что случилось? — спросил он.

— Слушайте! — коротко ответил вождь.

Все четверо насторожились.

¹ Клянись телом Господним! (*исп.*)

² Черт побери! (*исп.*)

Человек, которого преследовали индейцы, держался в седле прямо и только время от времени поворачивался, чтобы выстрелить в своих врагов.

— Боже милосердный! — воскликнул Валентин, вскакивая. — Что же там происходит?! — И, сопровождаемый своими товарищами, он бросился в лесную чашу.

Мексиканцы, не обладавшие утонченным слухом, сначала ничего не слышали. Но вот раздался топот конских копыт, подобный раскатам грома, потом — дикие крики, ружейные выстрелы.

Спрятавшись за деревьями, пятеро путешественников стали поджидать разрешения этой загадки. Они вскоре увидели всадника, несшегося во весь опор на взмыленной лошади. Этого всадника преследовали человек тридцать индейцев.

— На коней! — тихо скомандовал Валентин. — Мы не можем допустить, чтобы на наших глазах было совершено убийство!

— Гм! — пробормотал генерал. — Мы играем в опасные игры — их ведь много!..

— Разве вы не видите, что тот, кого преследуют, — белый? — возразил Валентин.

— Это правда, — сказал дон Мигель. — Что бы ни случилось, мы не можем хладнокровно присутствовать при том, как его убивают эти *Indios Bravos*.

Тем временем всадник и его преследователи мчались все ближе и ближе к тому месту, где за деревьями скрывались охотники. Человек, которого преследовали индейцы, держался в седле прямо и только время от времени поворачивался, чтобы выстрелить в своих врагов.

После каждого выстрела один индеец падал с лошади, и тогда остальные испускали страшный рев и, в свою очередь, отвечали целым градом пуль и стрел.

Но незнакомец в ответ на это только пренебрежительно качал головой и, посмеиваясь, продолжал мчаться во весь дух.

— *Caspirá!*¹ — воскликнул генерал в восхищении. — Вот храбрец!

— Жаль будет, если его убьют! — сказал на это дон Пабло.

— Надо спасти его! — не удержался дон Мигель.

Валентин молча улыбнулся.

— Я попытаюсь сделать это, — сказал он. — На коней!

Все вскочили в седла.

— Теперь, — скомандовал Валентин, — оставайтесь в кустах. Эти индейцы, должно быть, принадлежат к племени апачей. Когда индейцы приблизятся к нам — вы дадите по ним залп, не высовываясь из-за кустов!

Охотники взяли ружья и приготовились. Сердца их тревожно билось от напряженного ожидания. Наконец незнакомец с быстротой молнии пронесся мимо кустов, не подозревая, что за ними скрываются люди, намеревающиеся спасти его, рискуя собственной жизнью.

— Внимание! — тихо проговорил Валентин. Все охотники направили дула ружей в сторону приближавшихся индейцев.

— Цельтесь тщательнее, — сказал Валентин. — Надо, чтобы каждый выстрел стоил жизни одному из них.

Прошла минута, показавшаяся путникам целой вечностью.

— Стреляйте! — вдруг крикнул охотник. Раздалось пять оглушительных выстрелов, и пятеро апачей свалились с коней.

¹ Черт возьми! (*исп.*)

ГЛАВА III

Старый знакомый

При этой неожиданной атаке апачи (это были они) разразились испуганным воем. Но прежде чем они успели повернуть лошадей, второй залп унес пять новых жертв из их рядов. Тогда индейцами овладел безумный страх. Круто повернув лошадей, они бросились врассыпную, и десять минут спустя никого из них уже не было видно.

Охотники и не подумали о том, чтобы выйти из зарослей и преследовать их.

Курумилья спешил, ползком выбрался из чащи на поле сражения и добросовестно оскальпировал апачей, павших под выстрелами его товарищей. Одновременно он успел поймать лошадь без всадника, пробежавшую мимо него. Совершив все это, он возвратился к своим товарищам.

— К какому племени принадлежат эти псы? — спросил его Валентин.

— К племени Бизонов, — ответил Курумилья.

— Ого! Тогда мы легко отделались, — сказал охотник. — Станапат, кажется, вождь племени Бизонов?

Курумилья утвердительно кивнул и, стреножив пойманную лошадь, преспокойно уселся у ручья.

Между тем незнакомец был удивлен не менее апачей неожиданной помощью, явившейся ему именно в тот момент, когда он уже считал себя безвозвратно погибшим. Когда раздались выстрелы, он остановил свою лошадь и после минутного колебания медленно поехал обратно.

Валентин наблюдал за всеми его движениями.

Подъехав к кустарникам, незнакомец слез с лошади, решительным жестом раздвинул те кусты, которые преграждали ему путь, и твердым шагом вышел на поляну, где засели мексиканцы.

Это был не кто иной, как уже знакомый читателю дон Мельхиор, которого Красный Кедр так боялся.

Когда дон Мельхиор очутился со своими спасителями лицом к лицу, он снял шляпу и вежливо поклонился.

Те так же вежливо ответили на его поклон.

— Вива Диос!¹ — воскликнул он. — Я не знаю, кто вы такие, сеньоры кабальеро, но я благодарен вам от всей души за то, что вы меня выручили, — я вам обязан жизнью!

— На Диком Западе, — ответил Валентин с благородством, — невидимые цепи соединяют людей одного и того же цвета кожи. Они составляют, так сказать, одну семью.

— Да, — сказал незнакомец задумчиво, — это должно бы быть так. К несчастью, — добавил он, покачав головой, — прекрасные принци-

¹ Слава богу! (исп.)

пы, которым вы следуете, сеньоры кабальеро, очень редко применяют-ся на практике. Но не мне говорить об этом в настоящую минуту, когда благодаря вашему великодушному вмешательству я остался в живых.

Присутствующие молча поклонились.

Незнакомец продолжал:

— Будьте так добры назвать мне себя, кабальеро, чтобы я мог начертать в своем сердце имена, которые всегда будут мне дороги!

Валентин бросил на говорившего пронизательный взгляд. Этим взглядом он, казалось, хотел прочесть в сердце незнакомца самые сокровенные его мысли.

Тот печально улыбнулся.

— Простите невольную горечь, которой пропитаны мои слова, — сказал он. — Я много выстрадал, и помимо моего желания едкие слова часто срываются с моих губ.

— Человек живет на земле, чтобы страдать, — строго ответил Валентин. — Каждый из нас должен нести свой крест. Дон Мигель Сарате, его сын и генерал Ибаньес могут служить подтверждением этой истины.

При имени дона Мигеля Сарате яркая краска залила щеки незнакомца, и глаза его сверкнули, несмотря на все его усилия остаться хладнокровным.

— Мне часто приходилось слышать о доне Мигеле, — сказал он, поклонившись, — я слышал также об опасностях, которым он подвергался и от которых его избавил храбрый, честный охотник.

— Этот охотник перед вами, — сказал дон Мигель. — Увы! Нам предстоит впереди еще гораздо большие опасности!

Незнакомец с минуту очень внимательно смотрел на него, потом, сделав шаг вперед и скрестив руки на груди, сказал проникновенным голосом:

— Послушайте, сам Бог внушил вам мысль прийти мне на помощь, потому что с этой минуты я принадлежу вам телом и душой. Я знаю, зачем вы, дон Мигель Сарате, вы, дон Пабло, вы, генерал Ибаньес, и вы, Кутонепи, очутились здесь — потому что, если я не ошибаюсь, вы тот самый знаменитый охотник, слава о котором разнеслась по всем западным прериям...

— Да, это действительно я, — скромно ответил Валентин.

— Я знаю, повторяю вам, — продолжал незнакомец, — какая важная причина заставила вас нарушить все ваши привычки и отправиться в ужасные прерии Дикого Запада!

— Вы знаете?! — воскликнули охотники с удивлением.

— Я все знаю! — твердо ответил незнакомец. — Мне известно, как вас изменой отдали в руки ваших врагов; я знаю, наконец, что дочь вашу похитил Красный Кедр.

При этих словах дрожь пробежала по телу охотников.

— Кто же вы в таком случае, чтобы знать все эти подробности? — спросил Валентин.

Печальная улыбка мелькнула на губах незнакомца.

— Кто я? — с густою сказал он. — Не все ли вам равно, коль скоро я хочу служить вам?

— Но так как мы ответили на ваши вопросы, то теперь ваша очередь ответить нам.

— Вы правы, — заметил незнакомец. — Я удовлетворю ваше любопытство. Я человек, имеющий тысячу имен: в Мексике меня зовут дон Луи Арройаль, компаньон банкирского дома «Симсон, Педро Муньес, Карваллос и К°»; в северных провинциях Мексики, где я давно уже стал популярен благодаря своим безумным тратам, я ношу имя Эль-Гамбусино; на восточном побережье Соединенных Штатов и в Мексиканском заливе, где я иногда появляюсь на одномачтовом судне, чтобы воевать с работоторговцами, меня зовут the Unknown (Неизвестный); у северных американцев — the Blood's Son (Сын Крови); но настоящее мое имя, то, которое дают мне люди, знающие обо мне ровно столько, сколько я хочу, чтобы они знали. Это имя — La Vengador — Мститель. Довольны ли вы теперь мной, сеньоры кабальеро?

Никто ему не ответил. Каждый из охотников слышал самые различные сплетни об этом необыкновенном человеке; в высшей степени странные слухи о нем носились в Мексике, а также и в Соединенных Штатах, доносясь до самых прерий; рассказывая о некоторых его поступках, преисполненных геройства и похвальной доброты, в то же время говорили о совершенных им деяниях неслыханной жестокости, доходящих до зверства. Он внушал таинственный ужас как белым, так и краснокожим, и каждый из них старался избегать встречи с ним, хотя никакие факты не подтверждали этих противоречивых слухов. Валентину и его спутникам часто приходилось слышать о Сыне Крови, но они впервые столкнулись с ним лицом к лицу и теперь невольно удивлялись его благородной манере держать себя, а также его величавой осанке.

Валентин первый овладел собой.

— Я много раз слышал о вас, — сказал он, — и желал познакомиться с вами. Случай для этого представился, и я счастлив, потому что по крайней мере буду иметь возможность судить о вас справедливо, чего мне не удавалось до сих пор из-за противоречивых слухов, которые ходят про вас. Вы можете быть полезным нам в нашем предприятии, говорите вы. Благодарю вас, мы принимаем ваше предложение так же искренне, как вы его нам сделали. В такой экспедиции, каковой является наша, нельзя пренебрегать поддержкой доброго человека, тем более что враг, которого мы хотим захватить в его логове, опасен...

— Больше, чем вы думаете, — перебил мрачно незнакомец.

— Я двадцать лет борюсь с Красным Кедром и до сих пор не одолел его. О, это страшный противник, уверяю вас! Я знаю его. Я его беспощадный враг. До сих пор я совершенно безуспешно прилагал все усилия, чтобы жестоко отомстить ему!

Когда Сын Крови произносил эти слова, лицо его покрылось мертвенной бледностью, а черты его исказились. Он, казалось, пришел в необычайное волнение. Валентин несколько минут с чувством сострадания смотрел на него. Как все люди, много перенесшие в жизни, он умел сочувствовать тому, кто, как и он сам, мужественно переносил свое горе.

— Мы поможем вам, — сказал он, сердечно протягивая ему руку. — Вместо пяти человек нас теперь шестеро, и мы одолеем его.

Глаза Мстителя блеснули странным огнем, он крепко пожал протянутую ему руку и ответил глухим голосом, с непередаваемым выражением:

— Нас будет пятьдесят человек — у меня в прерии много друзей!

Валентин бросил на своих друзей радостный взгляд — на такую серьезную поддержку он не мог, конечно, рассчитывать.

— Но пятидесяти человек будет недостаточно, чтобы бороться с демоном, имеющим союзниками степных разбойников и самых опасных *Indios Bravos*, — сказал незнакомец.

— Не беда, — возразил Валентин, — мы также воспользуемся поддержкой индейских племен, и клянусь вам, что я не покину прерий до тех пор, пока собственными глазами не увижу этого негодяя мертвым.

— Да поможет вам Бог! — пробормотал Мститель. — Если бы лошадь моя не была так утомлена, я бы предложил вам следовать за мной — нам нельзя терять ни минуты, если мы желаем настигнуть этого дикого зверя. К несчастью, мы вынуждены подождать некоторое время!

К собеседникам подошел Курумилья.

— Вот лошадь для моего белого брата, — сказал он, указывая на мустанга, которого незадолго перед тем поймал.

Мститель радостно вскрикнул.

— На коней, на коней! — скомандовал он через минуту.

— Куда вы нас поведете? — спросил Валентин.

— К моим товарищам, — ответил тот, — с ними мы обсудим те шаги, которые нам следует предпринять, чтобы уничтожить нашего общего врага.

— Отлично, — добавил Валентин. — Далеко ли до того места, где находятся ваши друзья?

— Недалеко: они находятся всего милях в двадцати отсюда; к закату солнца мы уже будем там.

— В таком случае в путь! — сказал Валентин.

Союзники сели на лошадей и во весь опор помчались по направлению к горам. Несколько минут спустя на равнине воцарились обычные спокойствие и тишина. Единственными следами недавнего пребывания людей в этом месте было несколько трупов, над которыми начали уже кружиться ястребы, испуская зловещие хриплые крики.

ГЛАВА IV

Красный Кедр доведен до крайности

Все шестеро всадников ехали друг за другом по извилистым тропинкам, протоптанным дикими зверями во все стороны. Сын Крови служил маленькому отряду проводником, за ним следом ехал Курумилля. Индейский вождь ехал, как всегда, молча, лишь по временам бросая по сторонам быстрые пронизательные взгляды, от которых ничто не укроется и которые столь характерны для краснокожих — этих необыкновенных созданий.

Вдруг Курумилля соскочил с лошади и, удивленно воскликнув, пригнулся к земле. Поведение индейца было таким странным, что Валентин поспешно к нему подъехал, чтобы узнать, в чем дело.

— Что с вами, вождь? — спросил он, приблизившись к нему.

— Пусть брат мой посмотрит сам, — ответил Курумилля.

Валентин также сошел с лошади и нагнулся, чтобы увидеть то, на что указывал ему индеец. Тот показал ему на почти уже изгладившийся след лошадиной подковы.

Охотник долго и с большим вниманием рассматривал этот след, потом он прошел несколько шагов в том направлении, куда он вел, и вскоре заметил такие же, но гораздо более отчетливые отпечатки подков.

Товарищи его остановились и молча ждали, что он скажет.

— Ну что же? — спросил наконец дон Мигель.

— Сомнений быть не может, — ответил Валентин, говоря точно сам с собой, — здесь проезжал Красный Кедр.

— Гм! — пробормотал генерал. — Вы так полагаете?

— Я в этом уверен. Вождь указал мне сейчас на совершенно отчетливый след лошадиных подков.

— О-о! — заметил дон Мигель. — След подковы еще далеко не верный признак — все подковы похожи одна на другую.

— Да, как одно дерево походит на другое, — с горячностью возразил на это Валентин. — Но вот в чем дело: я не знаю, благодаря какому случаю, но вождь заметил, что лошадь скваттера была подкована на все четыре ноги, тогда как лошади его спутников — только на две передние, кроме того, лошадь скваттера засекает на ходу, и благодаря этому след ее неотчетлив.

— Действительно, — пробормотал Сын Крови, — это замечание справедливо, на такую подробность мог обратить внимание только индеец. Но ведь Красного Кедра сопровождает большой отряд, который, очевидно, не проходил здесь — в противном случае мы видели бы и его следы.

— Это правда, — сказал генерал. — Что же вы из этого заключаете?

— Очень простую вещь: по всей вероятности, Красный Кедр по каким-нибудь причинам, неизвестным нам, оставил свой отряд на бивуаке в нескольких милях отсюда, а сам на время удалился.

— Понимаю теперь, в чем дело! — сказал Сын Крови. — На небольшом расстоянии отсюда находится разбойничий стан, и Красный Кедр, вероятно, ехал к бандитам просить их содействия на случай надобности.

— Так и есть, — сказал Валентин. — Следы совершенно свежие. Тот, кого мы ищем, должно быть, близко отсюда.

— Надо его преследовать, — с живостью сказал дон Пабло, который до этого времени хранил мрачное молчание.

— Что вы на это скажете, сеньоры кабальеро? — спросил Валентин всех присутствующих.

— Давайте преследовать его, — ответили они в один голос.

После этого все без дальнейших колебаний последовали за Валентином и Курумильей по тропинке, на которой были замечены отпечатки конских копыт.

То, что предполагал охотник, действительно случилось. Когда Красный Кедр оказался в прерии, первой заботой его было расположить свой отряд в удобном месте; после этого он снова сел на лошадь и уехал, предупредив своих товарищей, что через два, самое большее через три дня он возвратится и что поэтому он временно оставляет их под началом брата Амбросио. Красный Кедр не подозревал, что Валентин находится так близко от него, а потому не принял всех мер предосторожности, чтобы скрыть свои следы. Тем не менее, несмотря на то что Курумилья напал на его след, ему все же удалось бы скрыться, но, на свою беду, Красный Кедр, уезжая из лагеря, не заметил, что одна из его собак побежала за ним, а отпечатки лап этого животного могли помочь преследователям продолжить свои поиски с той минуты, когда они потеряют след конских копыт.

Тем временем охотники продолжали свои исследования. Валентин и Курумилья, сойдя с лошадей, внимательно осматривали во время пути песок и землю у себя под ногами.

— Идите осторожно, — сказал Валентин своим товарищам, следовавшим за ним по пятам. — Когда идешь по чьему-либо следу, нельзя ехать быстро. Нужно стараться по возможности ступать подальше от этих следов, чтобы сохранить их в полной неприкосновенности. Смотрите, дон Пабло, — добавил он, — сейчас вы едва не затоптали след. Посмотрим! — продолжал он, разглядывая след вблизи. — Вот опять отпечаток подковы, который нам давно уже не попадался. Лошадь Красного Кедра очень своеобразно ставит ноги, я с первого взгляда могу различить ее след. Гм, гм! — продолжал он. — Теперь я знаю, где его найти.

— Вы в этом уверены? — спросил его дон Мигель.

— Быть уверенным в этом нелегко, — ответил тот. — Вы сами это видите.

— В путь! В путь! — воскликнули в один голос дон Пабло и генерал.

— Сеньоры кабальеро, — заметил охотник, — примите к сведению, что в этих местах никогда не следует повышать голос. В прерии каждая

ветка имеет глаза, а каждый листок — уши. А теперь сядем снова на наших коней и переправимся через реку.

Шестеро всадников сомкнулись тесной колонной и вошли в Рио-Хилу, имевшую в этом месте очень сильное течение. Переправа прошла благополучно, и вскоре всадники выбрались на противоположный берег.

— Теперь, — сказал Валентин, — удвоим наше внимание. Дело принимает серьезный оборот.

Дон Пабло и генерал остались на берегу реки стеречь лошадей, а остальные пошли вперед, как бы образуя линию застрельщиков длиной в пятьдесят ярдов. Валентин приказал приближаться к реке полукругом и, держа ружья наготове, дойти до почти непроходимой чащи кустарников, росших у подножия холма, спускавшегося к реке.

Охотники шли крадучись, как волки, внимательно всматриваясь в каждый кустик, попадавшийся им на дороге, в каждый камешек, в каждую травинку.

Вдруг Курумилья издал крик сороки, до того натуральный, что каждый бы принял его за крик этой птицы. Это был условный знак, который означал, что сделано важное открытие.

Все бросились к тому месту, откуда раздался сигнал. Возле высоких кустов трава была примята, и нижние ветви этих кустов были кем-то обьедены.

— Здесь была привязана лошадь Красного Кедра, — сказал Валентин. — Будьте внимательны — мы обложим медведя в его берлоге. Вам известно, с каким человеком мы имеем дело: будьте же осторожны, а не то вы костей не соберете.

Не прибавив более ни слова, охотник не колеблясь пошел вперед и, осторожно раздвигая кустарники, углубился в чащу, сопровождаемый своими товарищами.

В этот момент послышалось злобное рычание собаки.

— Сюда! — воскликнул грубый голос. — Блэк! Что там такое? Разве краснокожим недостаточно того урока, который они получили сегодня ночью, и они снова хотят совершить нападение? — Слова эти сопровождались сухим щелчком взводимого курка.

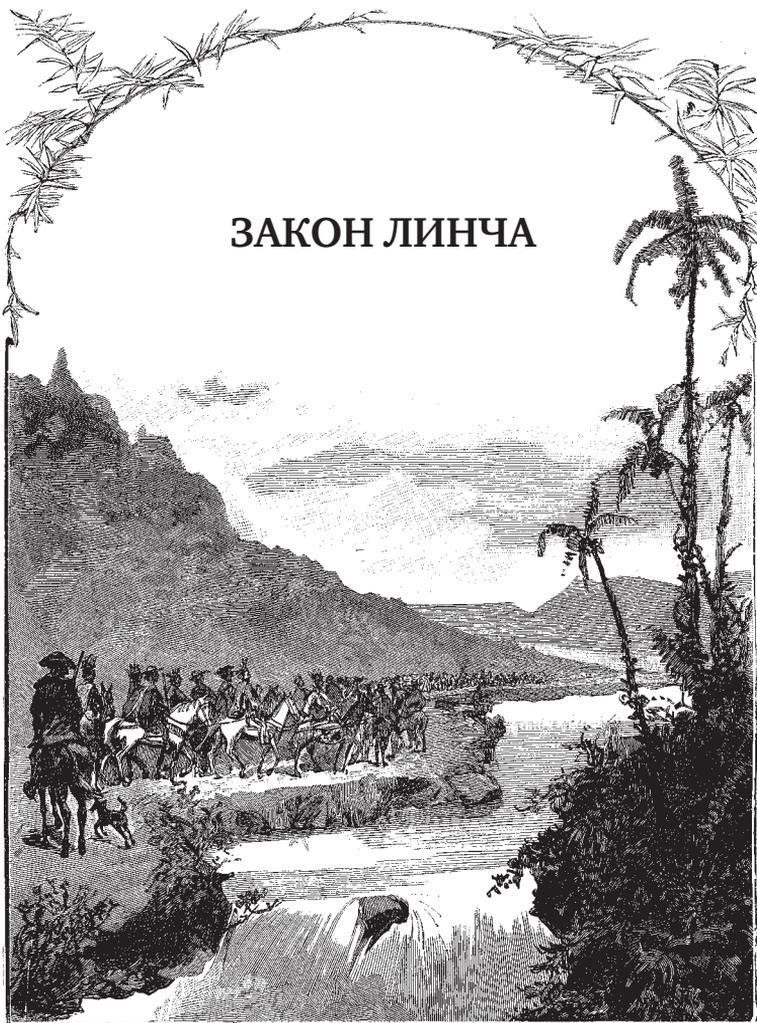
Валентин жестом приказал своим товарищам остановиться, а сам смело вышел вперед.

— Это не индейцы, — сказал он громким, твердым голосом. — Это я, Кутонепи, ваш старый знакомый, который желает говорить с вами.

— Мне нечего сказать вам, — ответил Красный Кедр, все так же не показываясь. — Не знаю, зачем вам нужно было отыскивать меня здесь. Мне помнится, мы никогда не были настолько близкими приятелями, чтобы вы почувствовали теперь настоящую потребность оказаться в моем обществе.

— Это правда, — ответил охотник. — Напротив, вы даже можете утверждать, что мы всегда были в дурных отношениях, но что же из этого?.. Отзовите вашу собаку!

ЗАКОН ЛИНЧА

Враждебны, как нож и мясо.
Арабская поговорка

Homo homini lupus est¹.
Плавт

ГЛАВА I

Эллен и дон Пабло

Около трех часов дня одинокий всадник, одетый в мексиканский костюм, мчался галопом по берегу затерявшейся среди лесов реки, одного из притоков Рио-Хилы, капризные извивы которой заставляли его делать бесчисленные повороты то в одну, то в другую сторону.

Этот человек, все время не отнимавший руки от оружия и зорко смотревший вперед, чтобы быть наготове при всякой случайности, и движениями, и голосом погонял свою лошадь, как бы торопясь достигнуть конечной цели своей поездки.

Дул сильный ветер, но тем не менее стоял тяжелый зной. Кузнечики, укрывшиеся в траве и листьях, нестройно стрекотали; птицы медленно описывали в вышине большие круги, временами испуская резкие крики; медно-красного цвета облака то и дело заслоняли собой солнце, лучи которого были слабы и бледны. Одним словом, все предвещало сильную грозу.

Но путешественник, по-видимому, не замечал ничего. Склонившись к шее своего скакуна и устремив взор вперед, мчался он все быстрее и быстрее и даже не обратил внимания на первые тяжелые капли дождя и отдаленные глухие раскаты грома.

Между тем этот человек мог бы, если бы пожелал, легко укрыться в густой чаще столетних деревьев девственного леса, мимо которого он ехал уже больше часа, и переждать там в полной безопасности даже самый сильный ураган. Но, очевидно, что-нибудь важное увлекало его вперед, ибо он все погонял лошадь и даже не позаботился оправить свой серапе, чтобы прикрыть им плечи от дождя. При каждом порыве ветра, со свистом проносившегося над его головой, он только поднимал руку, чтобы крепче надвинуть шляпу, повторяя прерывающимся голосом:

— Adelante! Adelante!²

¹ Человек человеку волк (*лат.*).

² Вперед! Вперед! (*исп.*)

Река между тем все более сужалась, и наконец показалась сплошная непроходимая стена переплетающихся между собой кустарников и лиан, протянувшихся с одного берега на другой и скрывших реку.

Достигнув этого места, всадник остановился.

Он спешил, внимательно огляделся и, взяв лошадь под уздцы, отвел ее в кусты, совершенно скрывшие их обоих. Здесь он расседлал своего скакуна, чтобы тому удобнее было есть сочную траву, и привязал его длинным лассо к толстому пню, торчавшему из земли.

— Оставайся здесь, Негро, — сказал он, слегка похлопав своего коня, — и не надо ржать, неприятель близко.

Умное животное, казалось, понимало слова своего хозяина. Вытянув шею, оно терлось головой о его грудь.

— Хорошо, хорошо, Негро, я скоро вернусь.

Затем незнакомец вынул из седельной кобуры два пистолета, которые заткнул себе за пояс, вскинул на плечо карабин и большими шагами направился к реке. Не задумываясь, он углубился в кусты, окаймлявшие реку, и осторожно начал раздвигать ветви, то и дело преграждавшие ему путь.

Достигнув воды, он на мгновение остановился, как бы прислушиваясь, нагнулся вперед, затем выпрямился и, прошептав: «Никого!.. Вперед!» — смело ступил на живой мост из переплетающихся лиан, протянувшийся с одного берега на другой. Мост заколыхался под ногами незнакомца, но тем не менее через несколько секунд тот был уже на другом берегу.

Едва путник ступил на землю, как из чащи леса показалась девушка.

— Наконец-то! — воскликнула она, быстро подбегая к нему. — А я уже боялась, что вы не придете, дон Пабло.

— Эллен! — отвечал молодой человек, с любовью глядя на девушку. — Только смерть могла бы задержать меня.

Это был дон Пабло Сарате, а молодая девушка — Эллен, дочь Красного Кедра.

— Пойдемте, — проговорила девушка.

Мексиканец последовал за нею.

Так шли они несколько минут, не произнося ни слова.

Выйдя из кустарников, окаймлявших реку, они увидели недалеко впереди жалкую одинокую хижину, прилепившуюся к скале.

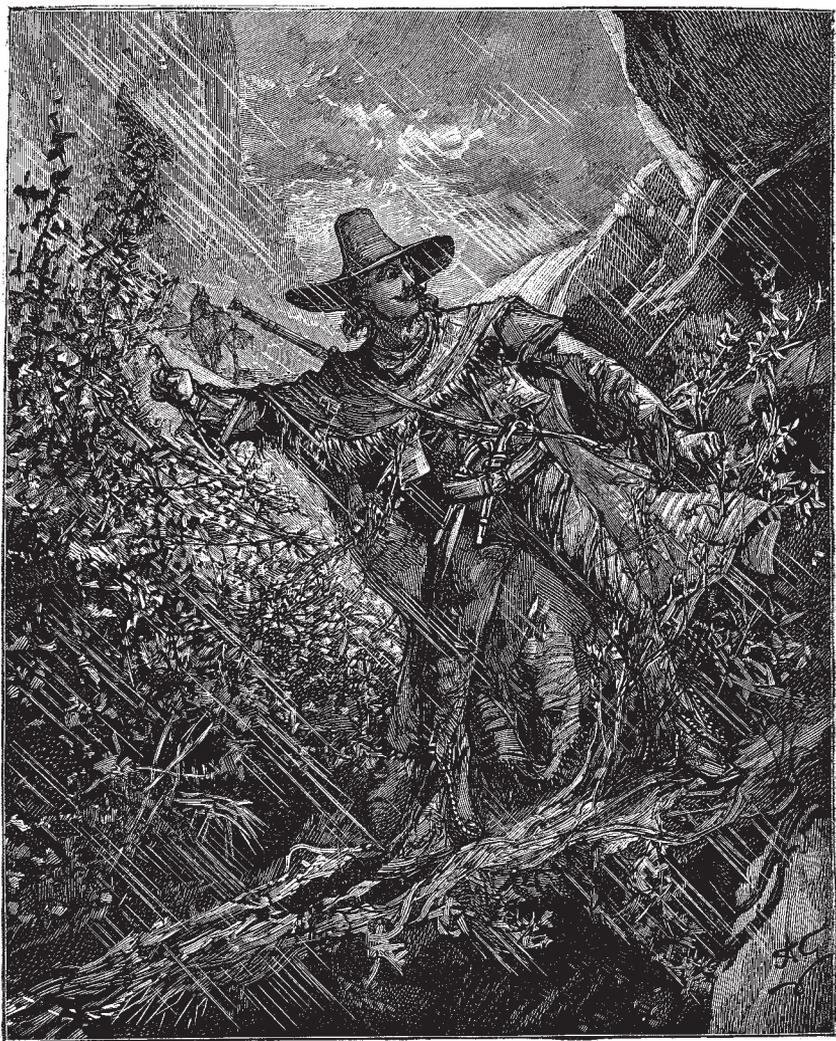
— Вот мое жилище, — произнесла молодая девушка с грустной улыбкой.

Дон Пабло вздохнул, но не сказал ничего.

Вскоре вошли в хижину.

— Садитесь, дон Пабло, — проговорила молодая девушка, указывая на бутак, на которую гость тотчас же опустился, — я одна, отец и оба брата ушли сегодня еще до рассвета.

— Вы не бойтесь, — заметил дон Пабло, — оставаться одна здесь, в глуши, среди бесчисленных опасностей, без надежды на помощь?

Не задумываясь, он углубился в кусты, окаймлявшие реку.

— Что же делать? Да и разве я уже не привыкла к такой жизни?

— Ваш отец часто так удаляется?

— Это длится всего несколько дней. Я не знаю, что его тревожит, но и он, и братья кажутся печальными и озабоченными. Они уходят, по-видимому, очень далеко, и когда возвращаются, изнемогая от усталости, то разговаривают со мной очень сурово и мало.

— Бедное дитя! — произнес дон Пабло. — Я могу назвать вам причину их дальних и продолжительных отлучек.

— *Наконец-то!* — воскликнула она, быстро подбегая к нему. — *А я уже боялась, что вы не придете, дон Пабло.*

— Неужели вы думаете, что я еще не отгадала ее? — возразила она. — Нет, нет, горизонт слишком потемнел вокруг, чтобы я не чувствовала бури, собирающейся на нас обрушиться. Но, — продолжала она с усилием, — поговорим о нашем деле, мгновения драгоценны. Что сделали вы?

— Ничего, — с унынием отвечал молодой человек. — Все мои поиски были тщетны.

— Странно, — прошептала девушка. — Не могла же эта шкатулка пропасть.

— В этом я убежден так же, как и вы. Но в чьи же руки она попала? Вот что я хотел бы знать.

Молодая девушка задумалась.

— Когда вы заметили ее исчезновение? — спросил минуту спустя дон Пабло.

— Всего несколько мгновений спустя после смерти Гарри. Напуганная шумом битвы и грохотом землетрясения, я почти лишилась рассудка, но все же припоминаю одно обстоятельство, которое может привести нас на верный путь.

— Говорите, Эллен, говорите! Что бы ни пришлось сделать, я готов.

Девушка несколько мгновений смотрела на него с некоторой нерешительностью. Затем она наклонилась к нему, взяла его за руку и произнесла голосом нежным, как пение птицы:

— Дон Пабло, нам необходимо прямо и откровенно объясниться!

— Я не понимаю вас, Эллен, — пробормотал молодой человек, опуская глаза.

— Нет, — возразила она, грустно улыбнувшись, — вы меня понимаете, дон Пабло. Но так и быть, если вы делаете вид, что не знаете, о чем я говорю, то я выражусь так, чтобы между нами не было никаких недоумений.

— Говорите, Эллен. Хотя я и не подозреваю, о чем идет речь, но предчувствую какое-то несчастье.

— Да, — подтвердила она, — вы правы: несчастье заключается именно в том, о чем я собираюсь вам сказать, если только вы не обещаете оказать мне услугу, о которой я вас умоляю.

Дон Пабло поднялся.

— Зачем притворяться дальше? Если я не могу добиться того, чтобы вы отказались от своего плана, то объяснение, которого вы от меня просите, совершенно бесполезно. Неужели вы думаете, — продолжал он, нервно шагая из угла в угол, — что я не рассматривал тысячу раз со всех сторон то странное положение, в котором мы находимся? Судьба свела нас посредством одной из тех случайностей, которых не может предусмотреть никакая мудрость человеческая. Я вас люблю, Эллен, люблю всеми силами души, вас, дочь врага моей семьи, руки которого обгарены кровью моей сестры, убитой им без малейшего содрогания, самым низким образом! Я знаю это, я дрожу при мысли о моей любви, которая в глазах предубежденного света может показаться чудовищной! Что бы вы мне ни сказали, все это я уже не раз говорил себе сам. Но роковая сила несет меня по этой наклонной плоскости. Воля, разум, решимость — все разбивается перед надеждой увидеть вас на одну минуту, обменяться с вами несколькими словами! Я люблю вас, Эллен, люблю так сильно, что готов ради вас пренебречь родными, друзьями, отказаться от всего!

Меня попытаются заставить отказаться от этой любви, но я не в силах буду этого сделать.

Молодой человек произнес эти слова задыхающимся голосом, как человек, решение которого бесповоротно.

Эллен опустила голову, и две слезы медленно скатились по ее побледневшим щекам.

— Вы плачете! — воскликнул он. — Боже мой! Неужели я ошибся и вы меня не любите?

— Люблю ли я вас, дон Пабло? — отвечала она с глубоким чувством. — Да, я вас люблю более, чем самое себя. Но — увьи! — эта любовь будет нашей гибелью. Непреодолимая преграда разделяет нас.

— Может быть! — воскликнул он с горестью. — Нет, Эллен, вы ошибаетесь, вы не дочь, вы не можете быть дочерью Красного Кедра. О-о! Эта шкатулка, эта проклятая шкатулка! Я отдал бы половину отпущенной мне жизни, чтобы найти ее. В этой шкатулке, я убежден, находятся те доказательства, которые я ищу.

— Зачем убаюкивать себя напрасной надеждой, дон Пабло? Я сама слишком легко поверила словам, без всякой связи произнесенным скваттером и его женой. Воспоминания моего детства обманули меня, это более чем верно. В этом я убеждена теперь, и это всем подтвердится. Я действительно дочь этого человека.

Дон Пабло гневно топнул ногой.

— Пустяки! — воскликнул он. — Это невозможно, коршун не вьет гнезда вместе с голубкой, и демоны не могут создавать ангелов! Нет! Этот злодей не отец вам!.. Слушайте, Эллен. Я не имею никаких доказательств — наоборот, по-видимому, всё должно убеждать меня, что я ошибаюсь, все доказательства всецело против меня, но, каким бы безумством это ни казалось, я уверен, что прав и что сердце не обманывает меня, подсказывая, что этот человек для вас чужой.

Эллен вздохнула.

Дон Пабло продолжал:

— Эллен, мне уже пора покинуть вас. Оставаться с вами дольше значило бы подвергать вас опасности. Дайте же мне те указания, которых я жду.

— Для чего? — прошептала она с унынием. — Ведь шкатулка пропала.

— Я не согласен с вами — наоборот, я думаю, что она попала в руки человека, который намерен извлечь из этого пользу для себя. Как именно — я не знаю, но я узнаю, будьте уверены в этом.

— Если вы требуете, то слушайте, дон Пабло, — хотя то, что я скажу вам, сущие пустяки.

— Самого слабого света будет для меня достаточно, чтобы выбраться на верный путь и помочь найти то, что я ищу.

— На то воля Божья! — со вздохом произнесла она. — Вот что я могу сообщить вам... и то я не могу быть уверена, что не ошиблась, ибо в то

мгновение я была так потрясена, что не знаю наверняка, видела ли я это или мне только показалось.

— Что же это наконец?.. — с нетерпением произнес молодой человек.

— Когда Гарри упал, пораженный пулей, и корчился в последних конвульсиях, около него было только два человека: один, тоже раненый, ранчиро Андрес Гарот, и другой, который поспешно наклонился над телом и, по-видимому, что-то искал в его одежде...

— Кто же был этот второй?

— Брат Амбросио! Мне даже помнится, что он удалился от несчастного охотника с плохо скрываемой радостью и пряча за пазуху какую-то вещь, которой я не могла разглядеть.

— Нет никакого сомнения в том, что именно он завладел шкатулкой.

— Вероятно, но я не могу утверждать этого: я была в то время, повторяю вам, друг мой, в таком состоянии, что почти не сознавала, что делается вокруг меня.

— Но, — произнес дон Пабло, следуя за своей мыслью, — что стало с братом Амбросио затем?

— Не знаю. После землетрясения мой отец и его товарищи бросились в разные стороны, ища спасения в бегстве. Отец более чем кто-либо должен был желать скрыть свои следы. Монах покинул нас почти немедленно, а после этого я его уже не видела.

— Красный Кедр не говорил об этом при вас?

— Никогда.

— Странно! Все равно клянусь вам, Эллен, что я отыщу его, хотя бы мне пришлось спуститься в самый ад! Это он, этот негодяй, завладел шкатулкой.

— Дон Пабло, — сказала девушка, поднимаясь, — солнце скоро сядет, и мой отец и братья не замедлят вернуться. Нам пора расставаться.

— Вы правы, Эллен, я ухожу.

— Прощайте, дон Пабло, гроза собирается. Кто знает, доберетесь ли вы целым и невредимым до стоянки ваших друзей!

— Надеюсь, Эллен, но если вы говорите мне «прощайте», то я вам говорю «до свиданья». Верьте мне, дорогое дитя, надейтесь на Бога. Он один читает в сердцах, и если он допустил, чтобы мы любили друг друга, то, значит, эта любовь принесет нам счастье.

В это мгновение молния пронзила облака и раздался оглушительный удар грома.

— Буря! — воскликнула молодая девушка. — Ступайте, ступайте, ради неба!

— До свиданья, моя дорогая, до свиданья! — крикнул молодой человек, бросаясь вон из хижины. — Надейтесь на Бога!

— Боже мой! — воскликнула Эллен, опускаясь на колени. — Сделай так, чтобы мои предчувствия не обманули меня, иначе я умру от отчаяния!

ГЛАВА II

В хижине

После отъезда дона Пабло молодая девушка долгое время была погружена в раздумья, не обращая никакого внимания на яростный рев бури и завывания ветра, каждый порыв которого сотрясал всю хижину до основания, угрожая снести ее.

Эллен думала о своем разговоре с мексиканцем. Будущее представлялось ей мрачным, темным и исполненным горя.

Несмотря на все, что сказал ей молодой человек, надежда не проникала в ее сердце, и она чувствовала, что ее помимо воли влечет к краю пропасти, в которую она неминуемо должна будет упасть. Все говорило ей, что близка какая-то катастрофа, что высшее правосудие поразит ужасным и неотвратимым ударом человека, преступления которого переполнили чашу терпения Божьего.

Около полуночи послышался постепенно приближающийся топот конских копыт, и вскоре несколько всадников остановились перед хижиной.

Эллен зажгла факел и отворила дверь.

Вошли три человека.

Это были Красный Кедр и два его сына, Натан и Сеттер.

Прошел уже целый месяц, как в действиях и разговорах скваттера произошла большая перемена.

Этот грубый человек, тонкие губы которого всегда были сложены в ироническую улыбку, из уст которого вылетали только насмешливые и грубые слова, который думал только об убийствах и грабежах и никогда не знал угрызений совести, — этот человек с некоторого времени стал печален и угрюм. Его, казалось, пожирало скрытое беспокойство. Иногда, думая, что никто на него не смотрит, он бросал на девушку долгие внимательные взгляды и глубоко вздыхал, грустно опустив голову.

Эллен заметила эту перемену, которую она не знала чему приписать и которая только увеличивала ее беспокойство, ибо для того, чтобы такой энергичный и закаленный человек, каким был Красный Кедр, так сильно переживал, необходимы были серьезные причины.

Но какие же это могли быть причины? Вот чего тщетно доискивалась Эллен — и никак не могла узнать.

Скваттер, насколько позволяло ему его дикое воспитание, был всегда сравнительно добр к дочери, обращаясь с ней как можно ласковей и стараясь смягчить суровый тон своего голоса каждый раз, когда заговаривал с ней.

Но с тех пор как в нем произошла описанная перемена, ласка его превратилась в настоящую нежность.

Он окружил молодую девушку заботами, стараясь доставить ей все возможные при данных обстоятельствах радости и тысячи тех безделиц, которые так нравятся женщинам и которые почти невозможно

достать в глуши, вследствие чего безделицы эти имеют в их глазах двойную цену.

Он был счастлив, когда видел на губах бедного ребенка легкую улыбку, и с беспокойством наблюдал за девушкой, когда ее бледность и покрасневшие глаза говорили ему о бессоннице и слезах, пролитых в его отсутствие.

Этот человек, в котором, казалось, умерло всякое нежное чувство, вдруг узнал, что его сердце наполнилось новым чувством, о существовании которого он и не подозревал, а именно святым чувством отцовской любви.

В этом чувстве такого кровожадного человека, каким был Красный Кедр, к нежной и робкой девушке было одновременно что-то и возвышенное, и страшное.

Сами ласки, которые он расточал, напоминали о ласках хищного зверя. Это была странная смесь материнской нежности и ревности тигра.

Красный Кедр жил теперь только своей дочерью и ради нее. Вместе с нежным чувством в нем вдруг заговорил стыд. Продолжая вести жизнь бандита, он притворялся перед Эллен, делая вид, что совершенно отказался от этой жизни и занимается охотой.

Но девушку было не так-то легко провести.

Он, впрочем, не замечал этого. Всецело поглощенный любовью, он оставался совершенно равнодушным ко всему остальному.

Скваттер и его сыновья были печальны и, по-видимому, чем-то озабочены, когда вошли в хижину.

Не произнеся ни одного слова, все сели.

Эллен поспешила выставить на стол еду, которую она приготовила в их отсутствие.

— Ужин готов, — сказала она.

Трое мужчин молча приблизились к столу.

— А ты не будешь есть с нами, дитя мое? — спросил Красный Кедр.

— Я не голодна, — ответила девушка.

Скваттер и оба молодых человека принялись за еду.

— Гм! — произнес Натан. — На Эллен трудно угодить, она предпочитает мексиканскую кухню нашей.

Эллен покраснела, но промолчала.

Красный Кедр гневно ударил кулаком по столу.

— Замолчи! — закричал он. — Что тебе за дело, ест ли твоя сестра или нет? Я думаю, что она вольна делать все что ей угодно.

— Я и не отрицаю этого, — проворчал Натан, — но только она, кажется, нарочно не ест с нами.

— Ты, сын волчицы! Повторяю тебе, что твоя сестра здесь хозяйка и никто не имеет права делать ей замечания.

Натан злобно опустил голову и продолжал есть молча.

— Подойди сюда, дитя мое, — обратился Красный Кедр к дочери, стараясь придать своему грубому голосу нежность. — Подойди сюда, я дам тебе маленькую безделушку, которую принес.

Молодая девушка приблизилась.

Красный Кедр вытащил из-за пазухи золотые часы на длинной цепочке.

— Вот, — сказал он, надевая часы на шею дочери, — я знаю, что тебе уже давно хочется иметь часы, поэтому я и купил их у путешественников, которых мы встретили в прерии.

Произнеся эти слова, скваттер против воли покраснел, ибо он лгал: часы были сняты с трупа женщины, убитой им при нападении на один караван.

Эллен заметила краску, проступившую на лице отца.

Она сняла с себя часы и молча возвратила их Красному Кедру.

— Что ты делаешь, дитя мое? — сказал он, удивленный этим неожиданным для него отказом. — Отчего не хочешь ты взять эту вещь, которую, повторяю тебе, я раздобыл специально для тебя?

Девушка в упор посмотрела на отца и твердо ответила:

— Потому что на этих часах кровь, потому что они результат воровства, а может быть, и убийства!

Скваттер побледнел. Он машинально взглянул на часы: действительно, пятнышко крови виднелось на крышке.

Натан грубо и задорно расхохотался.

— Bravo! — воскликнул он. — Великолепно! Малютка сразу отгадала, честное слово!

Красный Кедр, опустивший голову, услышав упрек от дочери, при этих словах вскочил как ужаленный.

— А-а! Я предупреждал тебя, чтобы ты молчал! — заревел он яростно и, выхватив из-под себя бутак, запустил ею в голову сына.

Тот ловко увернулся от удара и выхватил нож.

Драка была неминуема.

Сеттер, прислонившись к стене, со скрещенными на груди руками и с трубкой в зубах, с иронической улыбкой собирался быть зрителем на предстоящей битве.

Эллен решительно бросилась между скваттером и его сыном.

— Остановитесь! — закричала она. — Ради неба, остановитесь! Как, Натан, осмеливаешься ты угрожать отцу, а вы отец, как вы не боитесь поразить своего первенца?

— Пусть черт свернет шею моему отцу! — отвечал Натан. — Он считает меня, кажется, ребенком! Или он думает, что я согласен выносить его постоянные придирки? Ну нет, мы бандиты, и наша правда заключается в нашей силе, другого мы не знаем. Пусть отец извинится, и тогда увидим, могу ли я его простить.

— Просить у тебя прощения, щенок? — воскликнул скваттер и, прыгнув как тигр, в одно мгновение очутился около сына и, схватив его за горло, подмял под себя.

— *Остановитесь!* — *закричала она.* — *Как, Натан, осмеливаешься ты угрожать отцу.*

— Ага! — проревел он, придавливая коленом грудь побежденно-го. — Старый лев еще силен. Твоя жизнь в моих руках. Ну, что теперь скажешь? Будешь ты еще шутить со мной?

Натан побагровел и извивался как змея, тщетно стараясь вырваться из рук отца.

Наконец он осознал свое бессилие и признал себя побежденным.

— Хорошо, — сказал он, — вы сильнее меня и можете меня убить.

— Нет, — воскликнула Эллен, — этого не будет! Встаньте, отец, и отпустите Натана. А ты, брат, отдай мне свой нож! Допустимы ли подобные драки между отцом и сыном!

Она нагнулась и подняла оружие, выскользнувшее из рук юноши во время борьбы.

Красный Кедр встал и выпрямился.

— Пусть это послужит тебе уроком, — сказал он сыну, — и научит тебя впредь быть осторожнее.

Молодой человек, ошеломленный и сконфуженный падением, ни слова не говоря, сел на скамью.

Скваттер обратился к дочери и вторично предложил ей часы.

— Так берешь? — спросил он ее.

— Нет, — решительно отвечала она.

— Хорошо!

Без видимых признаков гнева он бросил часы на пол и, наступив на них каблуком, раздавил вдребезги.

Ужин кончился без всяких происшествий.

Мужчины жадно ели, не произнося ни слова, а Эллен также молча прислуживала.

Когда все закурили трубки, молодая девушка хотела удалиться в маленькую комнатку, служившую ей спальней.

— Подожди, дитя мое, — остановил ее Красный Кедр, — мне надо поговорить с тобой.

Эллен вернулась и в ожидании села в углу хижины.

Трое мужчин еще долго молча курили.

Снаружи продолжала бушевать буря.

Наконец молодые люди вытряхнули из трубок пепел и встали.

— Итак, — сказал Натан, — это решено?

— Решено, — ответил Красный Кедр.

— В котором часу они явятся за нами? — спросил Сеттер.

— За час до восхода солнца.

— Хорошо.

Братья улеглись на полу, закутались в медвежьи шкуры и вскоре заснули.

Красный Кедр еще некоторое время оставался погруженным в размышления.

Эллен сидела не шевелясь.

Наконец он поднял голову.

— Подойди ко мне, дитя мое, — сказал он.

Эллен подошла и остановилась перед отцом.

— Сядь рядом со мной.

— К чему? Говорите, отец мой, я слушаю вас, — возразила девушка.

Скваттер, видимо, затруднялся, не зная, с чего начать разговор. Наконец после нескольких секунд колебания он произнес:

— Ты страдаешь, Эллен.

Молодая девушка грустно улыбнулась.

— Неужели вы только сегодня заметили это, отец мой? — возразила она.

— Нет, дочь моя. Твоя печаль уже давно обратила на себя мое внимание. Ты не создана для жизни в прерии.

— Это правда, — коротко ответила Эллен.

— Мы скоро покинем прерию, — продолжал Красный Кедр.

Эллен от неожиданности вздрогнула.

— Когда? — спросила она.

— Сегодня же. Через несколько часов мы отправимся в путь.

Девушка посмотрела на отца.

— Итак, — сказала она, — мы приблизимся к цивилизованной стране?

— Да, — произнес он с волнением.

Эллен снова грустно улыбнулась.

— Зачем вы обманываете меня, отец? — сказала она.

— Что ты хочешь этим сказать? — воскликнул он. — Я не понимаю тебя.

— Напротив, вы отлично меня понимаете, и, право, лучше было бы откровенно сообщить мне о ваших планах, чем стараться обмануть меня с непонятной для меня целью. Увы, — продолжала она, вздохнув, — разве я не дочь ваша и не должна стойко переносить последствия той жизни, которую вы себе избрали?

Скваттер нахмурил брови.

— Мне кажется, что в твоих словах таится порицание, — сказал он. — Жизнь только начинается для тебя, как же можешь ты судить о действиях человека взрослого!

— Я не сужу, отец мой. Как вы говорите, жизнь едва открывается передо мною, но, как ни мало прожила я, она была для меня одним нескончаемым рядом страданий.

— Это правда, бедное дитя мое, — тихо произнес скваттер. — Прости меня, я так хотел бы видеть тебя счастливой! Увы! Бог не благословил моих усилий, хотя все, что я делаю, я делаю только для тебя.

— Не говорите этого, отец мой, — с живостью воскликнула Эллен, — не делайте меня своей сообщницей, ответственной за ваши преступления, которые я ненавижу, а то я буду желать себе смерти!

— Эллен, Эллен! Ты не поняла того, что я сказал. У меня никогда не было намерения... — произнес он в замешательстве.

— Покончим с этим, — возразила она, — мы отправляемся, не так ли? Наше убежище открыто, и мы должны бежать — не это ли вы хотели сообщить мне?

— Да, — произнес он, — именно это. Хотя я не могу понять, откуда ты узнала.

— Это не так важно, отец. В какую же сторону мы отправимся?

— Первоначально мы углубимся в земли команчей.

— Для того чтобы наши преследователи потеряли след?

— Да, для этого... и еще кое для чего, — прибавил он тихо.

Но, несмотря на это, Элен услышала.

— Для чего же еще? — спросила она.

— Это тебя не касается, дитя мое. Это уж мое дело.

— Вы ошибаетесь, отец. Раз я становлюсь вашей сообщницей, я должна знать все, — произнесла она с твердостью. — Кто знает, может быть, я дам вам хороший совет.

— Я обойдусь и без него.

— Одно только слово.

— Говори.

— У вас много врагов, отец мой?

— К сожалению, да, — сказал он беспечно.

— Кто же те, которые заставили вас бежать сегодня?

— Самый неумолимый из всех.

— А!

— Да, дон Мигель Сарате.

— Это тот, чью дочь вы так подло умертвили?

Красный Кедр гневно стукнул кулаком.

— Если вы знаете более подходящее слово, то назовите, — спокойно произнесла она.

Бандит опустил голову.

— Итак, — продолжала Элен, — вы бежите, бежите снова, и это будет продолжаться вечно?

— Что делать? — пробормотал он.

Элен наклонилась к нему, положила свою белоснежную руку в его ладонь и пристально посмотрела ему в глаза.

— Кто те люди, которые через несколько часов придут за вами? — спросила она.

— Брат Амбросио и Андрес Гарот, наши старые друзья.

— Это правда, — прошептала девушка с жестом отвращения, — общая опасность соединяет вас. Знаете что? И ваши друзья, и вы сами — всего лишь подлые трусы.

При этом жестоком оскорблении, брошенном дочерью ему в лицо, скваттер побледнел и вскочил с места.

— Замолчи! — яростно закричал он.

— Тигр, окруженный в своем логовище, кидается на охотников, — продолжала молодая девушка, не смущаясь, — почему бы вам не взять с него пример?

Мрачная улыбка искривила губы скваттера.

— У меня есть план получше, — сказал он непередаваемым тоном.

Молодая девушка несколько мгновений смотрела на него.

— Берегитесь, — сказала она наконец серьезным тоном, берегитесь. Карающая десница Божья уже простерлась над вами, и наказание будет ужасно!

Произнеся эти слова, она медленно удалилась в свою комнатку.

Бандит был несколько минут словно придавлен этим предостережением. Но скоро он поднял голову, презрительно повел плечами и

улегся на полу рядом с сыновьями, насмешливо прошептал глухим голосом:

— Бог!.. Существует ли он?

Вскоре в хижине слышался только храп троих спящих мужчин.

Эллен горячо молилась.

Буря продолжала свирепствовать с удвоенной силой.

ГЛАВА III

Разговор

Покинув хижину, дон Пабло Сарате переправился через реку и нашел свою лошадь в чаще, на том самом месте, где он ее привязал. Бедное животное, напуганное молнией и глухими раскатами грома, при виде своего хозяина радостно заржало.

Не теряя ни минуты, молодой человек вскочил в седло и с места пустился в галоп.

Путь, который ему предстояло совершить, чтобы присоединиться к друзьям, был неблизок. Ночь, спустившаяся на землю во время его разговора с девушкой, окутала окрестности густым мраком.

Дождь лил потоками, и ветер прямо-таки неистовствовал. Молодой человек каждую минуту рисковал сбиться с дороги и двигался вперед почти наугад.

Как и все люди, привыкшие к жизни, полной приключений и случайностей, дон Пабло Сарате был точно создан для борьбы. Его воля только укреплялась вследствие возникающих перед ним препятствий, которые никогда не могли заставить его пасть духом или отказаться от своих намерений.

Поставив себе какую-нибудь цель, он стремился достигнуть ее во что бы то ни стало.

Его любовь к Эллен, зародившаяся внезапно, как по большей части и зарождается истинная любовь, — причем непредвиденное всегда играет здесь главную роль, — эта любовь захватила его незаметно, когда он был менее всего к тому подготовлен, и все, что должно было бы противодействовать ей, только ее подогревало.

Хотя он питал к Красному Кедру глубокую ненависть и при первом удобном случае готов был убить его, как хищного зверя, любовь к Эллен стала чем-то вроде поклонения, обожания, которому он поддавался не рассуждая.

Эта молодая девушка, сохранившая такую чистоту и непорочность, живя в семье бандитов, неудержимо влекла его к себе.

В разговоре с ней он сказал, что она не может быть дочерью Красного Кедрa, и был искренне убежден в этом.

Но почему же?

Он не мог бы объяснить этого, но упорно и без устали искал подтверждения правильности своего мнения.

Прошло уже десять дней, как он случайно открыл убежище Красного Кедра — то убежище, которого не мог найти даже такой искусный следопыт, как Валентин. Дон Пабло тотчас же воспользовался этим счастливым открытием, чтобы вновь увидеть девушку, которую он уже считал потерянной для себя навсегда.

Эта неожиданная удача показалась ему хорошим предзнаменованием, и каждое утро, ни слова не говоря своим друзьям, он садился на лошадь и мчался за десять миль, чтобы несколько минут поговорить с любимой.

Рассудок его безмолвствовал перед этой любовью. Дон Пабло предоставлял своим друзьям заниматься поисками, тщательно охраняя свою тайну, чтобы быть счастливым хоть несколько дней, ибо он хорошо знал, что скоро настанет день, когда убежище Красного Кедра будет открыто.

А пока он наслаждался настоящим.

Таковы все влюбленные: будущее для них ничто, настоящее — все.

Дон Пабло пустил лошадь в галоп, не чувствуя ни поливавшего его дождя, ни свистевшего ветра, распознавая дорогу при свете молнии.

Поглощенный своей любовью, он думал только о разговоре с Эллен и с удовольствием вспоминал все слова, которыми они обменивались в течение быстро пролетевшего часа.

Вдруг его лошадь, на которую он не обращал внимания, тихо заржала.

Дон Пабло инстинктивно поднял голову.

В десяти шагах впереди поперек дороги неподвижно стоял всадник.

— Ага! — произнес дон Пабло, выпрямляясь в седле и вынимая пистолеты. — Вы довольно поздно появляетесь, *compadre*. Не угодно ли вам дать мне дорогу?

— Я появляюсь на дороге не позже вас, дон Пабло, — послышалось в ответ, — так как мы с вами встретились.

— Дон Валентин! — воскликнул молодой человек, пряча пистолеты в седельные сумки. — Какого черта вы тут делаете?

— Вы же видите: я ожидаю.

— Вы ожидаете?

— Да.

— Кого же вы можете ожидать здесь в такой поздний час.

— Вас, дон Пабло.

— Меня? — с удивлением произнес мексиканец. — Это довольно странно.

— Не так странно, как вам кажется. Я хочу поговорить с вами, но так, чтобы нас никто не слышал. А так как на месте нашей стоянки это невозможно сделать, то я и выехал вам навстречу — все очень просто, кажется.

— В самом деле просто, но только вы выбрали не совсем обычное время и место для этого, друг мой.

— Почему?

— Боже мой, над нами бушует буря и льет дождь, а нам даже негде укрыться.

— Это правда, но я торопился и не мог выбирать времени.

— Вы тревожите меня, друг мой. Не случилось ли чего-нибудь?

— Пока, насколько я знаю, ничего еще не случилось, но вскоре мы все узнаем, будьте спокойны.

Молодой человек молча подавил вздох.

Разговаривая таким образом, Искатель Следов и мексиканец приблизились друг к другу.

Валентин продолжал:

— Следуйте за мной. Я приведу вас в такое место, где мы можем поговорить спокойно, не боясь быть потревоженными.

— Значит, то, что вы собираетесь сказать мне, очень важно?

— Вы это поймете сами.

— И далеко еще нам ехать?

— Всего несколько шагов. Тут есть пещера, которую я заметил при свете молний.

— Едем!

Всадники пришпорили своих лошадей и молча помчались рядом.

Так ехали они почти четверть часа, направляясь к густому лесу, окаймлявшему реку.

— Мы у цели, — сказал наконец Валентин, останавливая лошадь и соскакивая на землю. — Слезайте и вы, но только позвольте мне пройти вперед, так как грот, про который я говорил, может быть занят кем-нибудь другим. Надо быть осторожными.

— Что хотите вы сказать этим и о каком обитателе пещеры вы говорите?

— Я сам еще не знаю, — беспечно отвечал француз, — но, во всяком случае, следует всегда быть наготове.

С этим словами Валентин вынул из-под плаща два факела и зажег их. Взяв каждый по факелу, путники стреножили лошадей, чтобы они не ушли далеко, и, раздвигая кусты, направились к пещере.

Пройдя несколько шагов, они вдруг очутились перед входом в один из тех великолепных гротов вулканического происхождения, которые так часто встречаются в той местности.

— Внимание! — прошептал Валентин на ухо своему спутнику.

Внезапное появление двух людей переполюшило целую стаю ночных птиц и летучих мышей, которые с громкими криками зашумелись в разные стороны, подалее от света.

Не обращая на них внимания, Валентин продолжал идти вперед.

Вдруг из отдаленного угла грота послышалось протяжное сердитое рычание.

Оба спутника остановились.

Оказалось, что они столкнулись нос к носу с великолепным черным медведем, которому эта пещера, без сомнения, служила постоянным жилищем и который, став на задние лапы и разинув пасть, показывал непрошеным посетителям, нарушившим его покой, длинный, точно окровавленный язык и крупные ослепительно-белые клыки.

Он медленно раскачивался на одном месте, а его круглые сверкающие глаза смотрели на путников крайне недружелюбно.

К счастью, их не так легко было испугать,

— Гм! — произнес Валентин, посмотрев на зверя. — Я был уверен в этом. Приятель, по-видимому, намерен поужинать нами.

— Благодаря моему ружью все будет наоборот и мы поужинаем им, — сказал дон Пабло, смеясь.

— Нет, нет, только не стреляйте в него, — с живостью воскликнул охотник, удерживая уже прицелившегося молодого человека, — ружейный выстрел произведет здесь невероятный грохот, а мы не знаем, кто те люди, которые, быть может, бродят поблизости. Надо соблюдать осторожность.

— Это правда, — согласился дон Пабло. — Как же нам быть?

— Это уж мое дело, — сказал Валентин. — Возьмите мой факел и будьте готовы помочь мне.

Затем, прислонив карабин к стене пещеры, он вышел, оставив мексиканца наедине с медведем, который, ослепленный светом, стоял на месте, боясь приблизиться.

Через несколько минут Валентин возвратился. Он принес лассо, которое было привязано к седлу его лошади.

— Теперь воткните факелы в землю, чтобы они не мешали вам.

Дон Пабло повиновался.

Охотник внимательно осмотрел и приготовил лассо, а затем начал вращать его в воздухе. Послышался свист рассекаемого воздуха.

При этом неожиданном звуке медведь сделал два-три тяжелых шага вперед.

Это и погубило его.

Искатель Следов вдруг метнул лассо, и его петля, пролетев по воздуху, опустилась на плечи зверя. Оба охотника схватились за другой конец крепкого ремня и, отбежав в сторону, начали тянуть изо всех сил.

Несчастное животное, высунув язык, несколько раз пошатнулось и упало, напрасно стараясь освободиться от петли, все крепче и крепче сдавливавшей ему горло. Охотники продолжали тянуть до тех пор, пока медведь не задохнулся окончательно и не перестал шевелиться.

— Теперь, — сказал Валентин, убедившись в том, что медведь мертв, — приведите сюда лошадей, дон Пабло, а я пока отрежу у нашего приятеля лапы, и пусть они зажарятся в золе, пока мы будем разговаривать.

Когда молодой человек возвратился в пещеру, ведя обеих лошадей, он застал Валентина сдирающим при свете большого костра шкуру с медведя, передние лапы которого уже потихоньку запеклись в золе.

Дон Пабло дал лошадям корму и сел перед огнем около Валентина.

— Ну что, — сказал тот смеясь, — разве вы не находите, что мы можем здесь отлично поговорить?

— Да, конечно, — небрежно отвечал молодой человек, скручивая тонкую сигаретку из маиса с ловкостью, свойственной всем латиноамериканцам. — Мы здесь отлично устроились, я жду только, чтобы вы объяснились, друг мой.

— Именно это я сейчас и сделаю, — отвечал охотник, окончив сдирать шкуру и спокойно пряча за голенище сапога нож, клинок которого он тщательно обтер о землю. — Сколько времени прошло с тех пор, как вы открыли убежище Красного Кедра?

При этом неожиданном вопросе, заданном в упор, без всяких предисловий, молодой человек вздрогнул, лихорадочный румянец залил его лицо, он растерялся и не сразу нашел что ответить.

— Но... — пробормотал он.

— Уже около месяца, не правда ли? — невозмутимо продолжал Валентин, словно не замечая смущения своего друга.

— Да, приблизительно так, — отвечал тот, не сознавая, что говорит.

— И вот уже целый месяц, — продолжал Валентин, — как вы каждую ночь покидаете своего отца для того, чтобы отправиться поговорить о любви с дочерью человека, убившего вашу сестру?

— Друг мой... — дрогнувшим голосом произнес молодой человек.

— Вы, может быть, скажете, что это ложь? — сурово возразил охотник, устремив на своего собеседника пронизательный взор, заставивший того опустить глаза. — Объяснитесь в таком случае, дон Пабло, я жду ваших оправданий. Мне любопытно было бы посмотреть, как вы это сделаете, доказывая мне, что вы поступаете правильно, действуя подобным образом.

Пока охотник говорил это, молодой человек успел прийти в себя. Его хладнокровие и присутствие духа если и не вполне, то хотя бы отчасти вернулись к нему.

— Вы слишком строги, — сказал он. — Прежде чем обвинять меня, может быть, полезно было бы удосужиться узнать, что за причины заставляют меня поступать таким образом.

— Полноте, — с живостью возразил Валентин, — будем говорить прямо... Не трудитесь говорить мне о вашей любви, я знаю все это не хуже вас самого. Я видел, как она зарождалась и разгоралась, но только позвольте мне сказать вам: я думал, что после убийства доньи Клары любовь эта, до тех пор все превозмогавшая, угасла в вас. Нельзя любить тех, кого презираешь: дочь Красного Кедра должна представляться вам всегда только в кровавом облике.

— Дон Валентин! — жалобно воскликнул молодой человек. — Неужели вы хотите сделать этого ангела ответственным за преступления злодея?

— Я не стану оспаривать знаменитую теорию, которая основывается на том положении, что ошибки и преступления бывают

только личные. Ошибки — еще может быть, но, живя в прерии, все семейство должно быть одинаково ответственно за преступления своего главы. Иначе для честных людей не будет никакого спасения.

— О, неужели вы можете говорить это!

— Хорошо, переменим тему, так как эта вам не очень нравится, как я вижу. Вы человек наиболее благородный и справедливый из всех, кого я знаю, дон Пабло. У вас никогда не возникало мысли сделать Эллен своей любовницей, не правда ли?

— Конечно нет! — с живостью воскликнул молодой человек.

— Значит, вы хотите жениться на ней? — с ударением произнес Валентин, пристально глядя в лицо мексиканца.

Дон Пабло в отчаянии опустил голову.

— Я проклят! — воскликнул он.

— Нет, — возразил Валентин, схватив его за руки, — вы только безрассудны! Вами овладела страсть, как может овладеть она всяким молодым человеком. Вы слушаете только ее и презираете голос рассудка. Пока что вы делаете только ошибки, но они очень скоро могут против вашей воли превратиться в преступления.

— Не говорите этого, друг мой!

— Пока вы делаете только ошибки, — невозмутимо повторил Валентин, — но будьте осторожны!

— О, вы сами сошли с ума, друг мой, говоря мне такие вещи. Поверьте, как бы ни была велика моя любовь к Эллен, я никогда не забуду тех обязанностей, которые возлагает на меня странное положение, в которое мы попали по воле слепого рока.

— Но вот уже целый месяц, как вы знаете убежище самого непримиримого врага вашей семьи, и вы сохраняете это в тайне для того, чтобы следовать прихотям страсти, которая может иметь для вас только позорные последствия! Вы видите, что мы тщетно употребляем все доступные нам средства для того, чтобы найти след нашего непримиримого врага, и вы хладнокровно изменяете нам ради возможности обменяться несколькими любовными словами с этой девушкой. Вы заставляете нас думать, что вы целиком отделились, подобно нам, поискам, столь же тщетным, как и наши. Как же назвать это поведение, если не изменой?

— Валентин, вам точно доставляет удовольствие оскорблять меня. Дружеские чувства, которые вы ко мне питаете, не дают вам права на это. Берегитесь, всякое терпение имеет свои границы...

Охотник прервал его насмешливым хохотом.

— Вот видите, юноша, — заметил он, — вы уже грозите мне!

Молодой человек в бессильном отчаянии опустил на землю.

— О! — воскликнул он. — Как я страдаю!

Валентин несколько мгновений смотрел на него с нежной жалостью, затем наклонился к нему и тронул за плечо.

— Послушайте меня, дон Пабло, — сказал он мягко.

ГЛАВА IV

Взгляд назад

Теперь мы вернемся к той части нашего рассказа, которой закончили «Пиратов прерий». В течение шести месяцев, прошедших после трагической смерти доньи Клары, произошли некоторые события, которые читателю необходимо знать для того, чтобы уяснить последующие.

Читатели, без сомнения, помнят, что Белая Газель в бесчувственном состоянии была поднята Сыном Крови около тела старого бандита Сандовая.

Сын Крови перекинул молодую девушку через седло впереди себя и во весь опор помчался к теокали, служившему для него и жилищем, и крепостью.

Мы последуем за этими двумя лицами, играющими важную роль в нашем рассказе.

Как было сказано выше, Сын Крови с места помчался во весь опор, но ему все казалось, что они двигаются слишком медленно, и он не переставая погонял своего скакуна ударами шпор, от которых из боков несчастного животного уже давно струилась кровь. Так неслись они с невероятной быстротой во мраке ночи, и тени скал и деревьев словно летели им навстречу по обеим сторонам дороги.

От быстрого движения и тряски Белая Газель скоро пришла в себя. Ее длинные волосы трепались в пыли, а обращенные к небу глаза были орошены слезами отчаяния, боли и бессилия.

Рискуя разбить себе голову о камни, покрывавшие дорогу, она предпринимала бесплодные усилия, чтобы вырваться из рук своего похитителя.

Но тот, устремив на нее взор, выразивший какую-то свирепую радость, не замечал, по-видимому, ужаса, внушаемого им молодой девушке, а если и замечал, то это, казалось, доставляло ему только удовольствие.

Его сжатые губы оставались неподвижны, и только изредка вылетал из них резкий свист, заставлявший лошадь мчаться быстрее.

Молодая девушка громко вскрикнула, но только эхо ответило ей, и лошадь понеслась еще быстрее.

Наконец Белая Газель собрала все свои силы и так стремительно рванулась вперед, что ноги ее почти коснулись земли. Но Сын Крови точно ожидал этого, и раньше, чем она успела соскочить, он, не останавливая лошади, схватил девушку за волосы и снова перекинул через седло.

Рыдание вырвалось из груди Газели, и она снова лишилась чувств.

— О, ты не уйдешь от меня, — вскричал Сын Крови, — и никто в мире не вырвет тебя из моих рук!

Между тем мрак начал рассеиваться, и вскоре во всем своем блеске появилось солнце.

Рыдание вырвалось из груди Газели, и она снова лишилась чувств.

Мириады птиц радостным пением приветствовали появление дневного светила.

Природа весело пробуждалась, и прозрачно-голубое небо обещало один из тех прекрасных дней, которые нередки в этой благословенной стране.

Справа от дороги шли плодоносные поля, которые сливались вдаль с горизонтом и радовали взор.

Тело девушки безжизненно свешивалось с лошади.

Лицо ее покрылось синеватой бледностью, губы побелели и приоткрылись, зубы были крепко стиснуты, и только грудь слабо трепетала под широкой рукой Сына Крови, тяжело лежавшей на ней.

Наконец они прискакали к пещере, в которой расположились человек сорок индейцев, вооруженных и готовых к походу.

Это были сотоварищи Сына Крови.

Он сделал знак, и ему тотчас подвели другую лошадь. Не успел он еще пересесть на нее, как та, на которой он приехал, упала и из ее ноздрей, рта и ушей хлынула темная горячая кровь.

Снова положив перед собой на седло молодую девушку, Сын Крови отправился дальше.

— На сожженную асиенду! — крикнул он.

Индейцы, которые, без сомнения, только и ожидали прибытия своего вождя, последовали за ним.

Вскоре весь отряд быстро мчался по дороге, окутанный облаком густой пыли, поднимавшейся из-под ног лошадей.

Проскакав с невероятной быстротой около пяти часов, индейцы увидели вдаль высокие колокольни и башни города, возвышавшиеся над облаком дыма и пара.

Индейцы взяли немного влево и помчались по полям, злорадно вытаптывая обильный урожай.

Через полчаса они достигли подошвы высокого холма, одиноко стоявшего посреди равнины.

— Подождите меня здесь, — сказал Сын Крови, останавливая свою лошадь, — что бы ни случилось, не трогайтесь с места до моего возвращения.

Индейцы поклонились в знак повиновения, а Сын Крови, вонзив шпоры в бока лошади, помчался дальше.

Но он отъехал недалеко и, как только скрылся с глаз своих товарищей, тотчас же остановил лошадь и сошел на землю.

Сняв с лошади уздечку, чтобы ей удобнее было полакомиться свежей и сочной травой, он поднял неподвижное тело девушки и медленно начал взбираться со своей ношей на холм.

Уже наступали сумерки, и птицы провожали последним концертом заходящее солнце, лучи которого почти горизонтально ложились на землю. Небо быстро темнело.

Между тем поднялся ветер, который с каждой минутой все усиливался, и мрачные тучи тяжело понеслись над землей, опускаясь все ниже и ниже.

Все предвещало, что в эту ночь разразится одна из тех бурь, которые случаются только в этой стране и заставляют бледнеть от страха самых смелых людей.

Сын Крови все поднимался, неся на руках юную девушку, голова которой бессильно склонилась к нему на плечо.

Крупные теплые и пока еще редкие капли дождя с глухим шумом начали падать на землю, которая тотчас же впитывала их в себя.

Атмосфера наполнялась острым, душливым запахом, исходящим от почвы.

Сын Крови продолжал подниматься все тем же твердым, медленным шагом, опустив голову и сурово нахмутив брови.

Наконец он достиг вершины холма.

В эту минуту ослепительная молния зигзагами прорезала небо, осветив синеватым светом окрестности, и раздался оглушительный удар грома.

— Да, — мрачно прошептал Сын Крови, точно отвечая вслух на свои мысли, — природа собирается принять участие в той сцене, которая сейчас разыграется. Но небесная буря все-таки не так страшна, как та, которая клокочет в моем сердце! Хорошо, прекрасно! Мне не хватало только этой ужасной мелодии. Я — мститель и исполню то, что обещал себе в минуту отчаяния.

Произнеся эти слова, он продолжал свой путь, направляясь к груде почерневших от дыма камней, видневшихся тут и там над высокой травой.

Вершина холма, на которой находился теперь Сын Крови, открывала неописуемо дикий и пустынный вид.

Сквозь высокую густую траву виднелись почерневшие от дыма развалины, остатки стен, полуразвалившиеся своды. Вокруг росли фруктовые деревья, кедры, георгины, и был виден колодец с длинным шестом, на конце которого еще висело кожаное ведро, служившее некогда для вычерпывания воды.

Посреди развалин возвышался высокий крест из темного дерева, отмечавший могилу. У подножия этого креста симметрично было положено около двадцати голых оскаленных черепов, которым солнце и ветер придали глянec и желтизну слоновой кости. Вокруг могилы в траве беззвучно скользили змеи и ящерицы, эти постоянные гости кладбищ, круглыми удивленными глазами смотревшие на незнакомца, осмелившегося нарушить их одиночество и покой.

Недалеко от могилы стоял полуразвалившийся сарай, сделанный из тростника, который тем не менее мог еще служить достаточно надежным убежищем для путников, захваченных грозой врасплох.

К этому сараю и направился Мститель.

Через несколько минут он достиг его и укрылся там от дождя, который теперь лил как из ведра.

Буря свирепствовала с невероятной силой. Молния сверкала почти непрерывно, гром оглушительно грохотал, и сильный ветер наклонял деревья к земле.

Это была одна из тех ужасных ночей, в которые совершаются ужасные преступления, которые солнце не хочет освещать своим веселым светом.

Сын Крови положил девушку на кучу сухих листьев в одном из углов сарая и несколько секунд внимательно смотрел на нее. Затем он скрестил руки на груди, сдвинув брови, опустил голову и начал шагать из угла в угол, бормоча вполголоса какие-то бессвязные слова.

Каждый раз, как он проходил мимо молодой девушки, он останавливался, смотрел на нее с непередаваемым выражением во взгляде, а затем, покачив головой, продолжал ходить.

— Однако, — сказал он наконец глухим голосом, — пора кончать! Вот эта юная особа, такая крепкая, сильная, теперь она бледна, неподвижна, почти безжизненна! Отчего мне не попался в руки вместо нее Красный Кедр! Буду терпелив, придет и его очередь, и тогда...

Сардоническая улыбка искривила его губы, он наклонился над своей пленницей.

Осторожно приподняв ее голову, он собирался дать ей понюхать флакон, вынутый им из кармана, но вдруг выпустил тело Газели из рук и с громким криком отпрянул в сторону.

— Нет, нет, — повторял он, — этого не может быть, я ошибся, мне только показалось!

После нескольких секунд колебания он опять подошел к девушке и снова наклонился над ней.

Но теперь его нельзя было узнать: насколько он раньше был груб и жесток с ней, настолько теперь был внимателен, осторожен и почти нежен.

Во время борьбы и последовавшей затем бешеной скачки несколько пуговиц на ее корсаже расстегнулись и таким образом обнажилась ее шея. Сын Крови, наклонившись над молодой девушкой, увидел у нее на шее на тонкой золотой цепочке ладанку из черного бархата, на которой были вышиты серебром переплетающиеся буквы.

Вид этих таинственных букв сильно взволновал Сына Крови.

Дрожащей от нетерпения рукой он схватил ладанку, разорвал цепочку и с волнением стал ожидать молнии, чтобы при свете ее еще раз увидеть вышитые буквы и убедиться, что он не ошибся.

Ждать ему пришлось недолго: через несколько секунд ослепительная молния осветила весь холм.

Сын Крови взглянул на ладанку.

Он не ошибся: буквы были именно те, что почудились ему при первой вспышке.

Он опустил на землю и, закрыв лицо руками, о чем-то глубоко задумался.

Прошло с полчаса, а этот человек с закаленной душой все еще был неподвижен как изваяние.

Когда он наконец поднял голову, две слезы медленно скатились по его бронзовому лицу.

— О, это сомнение ужасно! Я должен его рассеять во что бы то ни стало! — воскликнул он. — Я должен узнать наконец, на что могу надеяться.

И, гордо выпрямившись во весь свой рост, он твердым и уверенным шагом подошел к молодой девушке, все еще лежавшей без движения.

Каких только мер он не предпринимал, чтобы привести в чувство девушку! Но бедное дитя за два последних дня перенесло столько испытаний, что казалось, жизнь уходит из нее. Несмотря на все старания Сына Крови, Белая Газель оставалась неподвижной, словно мертвая. Все средства были бесполезными.

Сын Крови приходил в отчаяние от бесплодности стараний привести свою жертву в чувство.

— О-о! — восклицал он ежеминутно. — Не может быть, чтобы она умерла, Бог не допустит этого!

Вдруг он ударил себя по лбу.

— Я сошел с ума! — воскликнул он.

С этими словами он пошарил у себя за пазухой и вытащил из нагрудного кармана хрустальный флакон, наполненный жидкостью, красной как кровь, откупорил его и, разжав лезвием кинжала зубы молодой девушки, влил ей в рот несколько капель этой жидкости.

Средство подействовало мгновенно.

Черты ее лица разгладились, на щеках появился слабый румянец, Белая Газель с усилием открыла глаза и чуть слышно прошептала:

— Боже мой, где я?

— Она спасена! — с радостным вздохом произнес Сын Крови, вытирая пот, крупными каплями покрывавший его лоб.

Снаружи между тем буря бушевала с прежней яростью.

Ветер с силой сотрясал непрочные стены сарая, дождь лил потоками, а в небесной выси слышались оглушительные раскаты грома.

— Какая ужасная ночь! — прошептал Сын Крови.

ГЛАВА V

Соженная асиенда

Странную картину представляли это прелестное, нежное создание и суровый обитатель теокали на вершине опустошенного холма при грохоте грома и ослепительном блеске молнии.

Белая Газель, увидев его, побледнела и снова упала без сознания.

Сын Крови взгляделся в окружающую его ночную мглу и, убедившись, что все кругом спокойно, опять склонился над девушкой.

Бледная, словно белая лилия, поверженная грозой, с закрытыми глазами, она даже не дышала.

Сын Крови поднял ее дрожащими руками, перенес на другое место и положил на расстеленном плаще у подножия развалившейся стены. Голова несчастной бессильно лежала на его плече.

Он долго не спускал с нее глаз.

Душевная боль и жалость отразились на суровом лице Сына Крови.

Белая Газель

Он, жизнь которого до сих пор была всего лишь нескончаемой беспросветной драмой, который не знал, что такое сердце, нежное чувство и любовь, он, Мститель, истребитель бандитов, — он был взволнован и ощущал, что внутри его поднимается какое-то новое, незнакомое ему чувство.

Две слезы скатились по его загорелым щекам.

— О боже мой! Неужели она умерла! — воскликнул он с тревогой. — Я подло и жестоко поступил с этим слабым созданием, и Бог карает меня за это!

Имя Бога, упоминаемое им до сих пор только в шутку, он произнес теперь с благоговением.

Это было чем-то вроде молитвы, крик, вышедший из самого сердца.

Этот неукротимый человек был наконец побежден: он уверовал в Творца.

— Как помочь ей? — спрашивал он себя.

Дождь, ливший потоками на молодую девушку, наконец заставил ее очнуться.

Она приоткрыла глаза и произнесла слабым голосом:

— Где я? Что произошло со мной? О, я думала, что уже умерла.

— Она говорит... жива... спасена! — воскликнул Сын Крови.

— Кто здесь? — спросила она, с трудом приподнявшись.

При виде смуглого лица охотника ею овладел ужас, и она снова упала навзничь с закрытыми глазами.

Она начинала припоминать все то, что приключилось с ней.

— Успокойтесь, не бойтесь, дитя мое, — произнес Сын Крови, стараясь смягчить суровый тон своего голоса. — Я ваш друг.

— Мой друг? Вы?! — воскликнула она. — Что значит это слово в ваших устах?

— О, простите меня, я был без ума, я не знал, что делать!

— Простите вас! Почему? Разве я не рождена для страданий?

— Как же она должна была страдать! — прошептал Сын Крови.

— Да, — продолжала девушка точно в бреду, — да, я много страдала. Жизнь моя, хотя я еще очень молода, была до сих пор сплошным нескончаемым страданием. А между тем я припоминаю, что когда-то, очень, очень давно, я была счастлива. Но теперь воспоминание об этом счастье причиняет мне величайшую боль.

Вздых вырвался из ее стесненной груди, она закрыла лицо руками и горько заплакала.

Сын Крови слушал ее, стараясь не пропустить ни единого слова из сказанного Белой Газелью и не спуская с нее глаз.

Этот голос, эти черты — все, что он видел и слышал, зародило в нем подозрение, которое мало-помалу превращалось в уверенность.

— О, говорите, расскажите еще что-нибудь, — произнес он с нежностью. — Не припомните ли вы чего-нибудь о вашем раннем детстве?

Молодая девушка взглянула на него, и горькая улыбка появилась на ее губах.

— Зачем в несчастье вспоминать былые радости? — проговорила она, грустно покачав головой. — К чему мне рассказывать об этом, в особенности вам, сделавшемуся моим палачом? Или это новый род пытки, который вы для меня придумали?

— О, — произнес он с содроганием, — неужели у вас возникла такая мысль? Увы! Я был очень виноват перед вами, я сознаю это. Простите меня, умоляю вас! Я отдал бы жизнь, чтобы отвести от вас всякое горе и печаль.

Белая Газель с удивлением и страхом смотрела на этого почти распростертого перед ней человека, суровое лицо которого было орошено слезами. Она не могла понять смысла этих слов, особенно после его жестокого обращения с ней.

— Увы! — прошептала она. — Моя история так похожа на историю всех несчастных. Было время, когда у меня была сестра, делившая со мною игры, и мать, которая любила и ласкала меня. Все это исчезло навсегда.

Сын Крови поднял два шеста, к которым была привязана бизонья шкура, чтобы защитить девушку от бури, начинавшей, впрочем, уже стихать.

Белая Газель посмотрела на него.

— Я не знаю почему, — проговорила она задумчиво, — но я чувствую необходимость довериться вам, который, однако, причинил мне столько зла! Откуда это чувство, которое я испытываю при виде вас? Я должна бы ненавидеть вас...

Она не кончила и с рыданием закрыла лицо руками.

— Так угодно Богу, бедное дитя мое, — проговорил Сын Крови, подняв глаза к небу и с чувством перекрестившись.

— Может быть, — ответила она тихо. — Итак, слушайте. Я хочу — что бы ни случилось — облегчить свое сердце. Однажды я играла на коленях у матери, отец и сестра находились тут же. Вдруг у ворот нашей асиенды раздались дикие крики — на нас напали индейцы. Отец был человек храбрый, он схватил оружие и кинулся к выходу. Что произошло затем, я едва ли в состоянии буду верно передать вам. Мне было не более пяти лет, и та ужасная сцена, при которой я присутствовала, окутана в моем воспоминании каким-то кровавым облаком. Я помню только, что наша мать, со слезами обнимавшая нас, вдруг упала к нам на руки, обливаясь кровью. Напрасно мы старались оживить ее ласками: она была мертва!

Воцарилось молчание. Сын Крови жадно слушал рассказ девушки. Его лоб побледнел, брови нахмурились, он судорожно сжимал рукой дуло ружья, изредка вытирая капли холодного пота, струившиеся по его лицу.

— Продолжайте, дитя мое, — прошептал он.

— Больше я ничего не помню. Люди, похожие на демонов, ворвались на асиенду, схватили нас с сестрой, вскочили на лошадей и умчались в карьер. Увы! С тех пор я не видела кроτικού лица матери и доброй улыбки отца. Я была совершенно одна среди бандитов, похитивших меня.

— А ваша сестра, дитя мое, что случилось с нею?

— Не знаю. Между нашими похитителями разгорелся жестокий спор, перешедший в кровопролитную драку. В конце концов они разделились. Мою сестру увезли в одну сторону, меня — в другую. Я никогда больше ее не видела.

Сын Крови делал над собой, по-видимому, неимоверные усилия. Наконец он не выдержал и, устремив на девушку нежный взор, воскликнул:

— Мерседес! Мерседес! Неужели это ты? Ты, которую я нашел после многих лет бесплодных поисков?

Белая Газель порывисто подняла голову.

— Мерседес?! — воскликнула она. — Этим именем называла меня мать!

— Это я! Я, Стефано! Твоя дядя, брат твоего отца! — проговорил Сын Крови, почти обезумев от радости.

— Стефано! Дядя! Да, да! Я припоминаю, я знаю...

Молодая девушка, не договорив, без чувств упала на руки Сына Крови.

— О я несчастный, я убил ее! — воскликнул он. — Мерседес, дорогое дитя мое, очнись!

Молодая девушка раскрыла глаза и обняла Сына Крови за шею, плача от радости.

— О, дядя, дядя! Итак, у меня снова есть семья! Благодарю тебя, о Боже!

Лицо охотника стало серьезным.

— Ты права, дитя мое, — сказал он. — Благодарю Бога, ибо это сделал он, он, которому угодно было, чтобы я нашел тебя, и именно здесь, на могилах тех, кого мы оба так давно оплакиваем.

— Что вы говорите, дядя? — с изумлением спросила она.

— Следуй за мной, дитя мое, — произнес охотник, — и ты сама все узнаешь.

Девушка с усилием встала, оперлась на его руку и последовала за ним. По голосу дон Стефано Мерседес поняла, что дядя собирается сообщить ей нечто важное.

Они с трудом пробирались через развалины, заросшие высокой травой и ползучими цепкими растениями.

Дойдя до креста, Сын Крови остановился.

— Стань на колени, Мерседес, — сказал он ей печальным голосом. — Здесь пятнадцать лет тому назад в такую же бурную ночь были погребены мною твои отец и мать.

Молодая девушка молча опустила на колени. Дон Стефано сделал то же самое.

Оба долго молились со слезами и рыданиями. Наконец они поднялись.

По знаку Сына Крови Белая Газель села у подножия креста. Охотник сел рядом с нею и, проведя рукой по лбу, как бы для того, чтобы собрать свои мысли, начал глухим голосом, который дрожал, несмотря на все усилия дон Стефано оставаться спокойным.

— Слушай хорошенько, дитя мое, — сказал он, — ибо то, что ты услышишь, послужит нам, может быть, для того, чтобы открыть тайну убийц твоего отца и твоей матери, если только злодеи эти еще существуют.

— Говорите, дядя, — произнесла юная девушка твердым голосом. — Вы правы, Богу угодно было, чтобы свидание наше произошло здесь. Будьте уверены, что больше он не позволит злодеям оставаться безнаказанными.

— Пусть будет так, — сказал дон Стефано. — Уже пятнадцать лет я терпеливо жду часа мщения. Я надеюсь, что Бог поддержит меня до того момента, когда час этот пробьет. Мы с твоим отцом жили на том самом месте, где мы теперь находимся. Этот холм был занят обширной асиендой, построенной нами, и окружающие его поля принадлежали нам. Бог благословлял наш труд, и асиенда процветала. Все окрестные жители любили и уважали нас, так как наше жилище было открыто для всех достигнутых несчастьем. Но если все наши соотечественники уважали нас и радовались нашему успеху, то владельцы соседней асиенды, напротив, питали к нам непримиримую ненависть. За что? Этого я никак не мог понять. Была ли это низкая зависть?.. Во всяком случае, эти люди ненавидели нас. Эти люди — их было трое —

не были нашими соотечественниками, так как не принадлежали к испанской расе. Это были североамериканцы, или, по крайней мере, — я никогда не вступал с ними в близкие отношения, — один из них был действительно американец по имени Уилки. Хотя разъединявшая нас ненависть была и сильна, но это была ненависть глухая, и ничто не заставляло предполагать, что она когда-нибудь проявится открыто. Однажды важные дела заставили меня на несколько дней оставить асиенду. Нам с твоим отцом было как-то тяжело расставаться на этот раз, точно какое-то предчувствие удерживало меня, но тем не менее я отправился в путь. Когда я возвратился, асиенда сгорела дотла, и только развалины стен еще дымились. Мой брат со всем его семейством и все слуги были убиты.

Сын Крови остановился.

— Продолжайте ваш печальный рассказ, дядя, — порывисто произнесла молодая девушка, — я должна знать все, чтобы взять на себя половину предпринятого вами дела мщения.

— Правда, — ответил дон Стефано, — но мне почти нечего больше прибавить, и я буду краток. Почти всю ночь я бродил по дымящимся развалинам, ища трупы тех, кого любил. Отыскав их после немалых трудов, я с благоговением похоронил их и над могилой дал клятву отомстить убийцам. Эту клятву я свято держал пятнадцать лет. К несчастью, хотя мне и удалось поразить многих участников этого злодеяния, но по воле судьбы главные виновники до сих пор ускользали из моих рук, и, несмотря на все старания, мне не удалось поймать их. Твой отец, которого я нашел еще живым, умер у меня на руках, но не в состоянии был назвать злодеев. Хотя у меня и есть серьезные основания обвинять Уилки и его товарищей, но я не могу подкрепить свои подозрения никакими доказательствами, и имена главных виновников мне неизвестны. Только теперь, когда погиб Сандоваль, мне кажется, я узнал одного из злодеев.

— Вы не ошиблись, дядя, этот человек был в самом деле одним из наших похитителей, — твердым голосом сказала Мерседес.

— А другие? — с живостью спросил дон Стефано.

— Другие... я знаю их, дядя.

При этом открытии дон Стефано испустил крик, похожий на рычание дикого зверя.

— Наконец-то! — воскликнул он с таким взрывом радости, что девушка даже испугалась.

— Теперь, дядя, — продолжала она, — позвольте мне задать вам один вопрос, а затем я отвечу на те, которые вы мне, может быть, предложите.

— Говори, дитя мое.

— С какой целью захватили вы меня и привезли сюда?

— Потому что я считал тебя дочерью этого Сандовалья и хотел принести тебя в жертву на могиле его жертв, — ответил Сын Крови дрожащим голосом.

— Значит, вы не слышали того, что говорил мне этот человек?

— Нет. Увидев, что ты склонилась над ним, я подумал, что ты хочешь облегчить его последние минуты. Твой обморок только укрепил мое предположение — вот почему я бросился к тебе, как только увидел, что ты упала.

— Но письмо, которое вы взяли у меня? Это письмо должно было открыться вам все!

— Неужели ты думаешь, дитя мое, что я потрудился прочесть его? Нет, я узнал тебя по ладанке, которая висела у тебя на шее.

— Да, да, — произнесла молодая девушка с убеждением, — во всем этом виден перст Божий, это он всем управлял.

— Теперь твоя очередь, Мерседес. Назови мне злодеев.

— Дайте мне сперва письмо, дядя.

— Вот оно, — отвечал он, передавая ей письмо.

Девушка поспешно схватила его и разорвала на мельчайшие кусочки.

Сын Крови смотрел на нее, ничего не понимая. Когда последний клочок бумаги исчез, подхваченный ветром, девушка повернулась к дяде.

— Вы хотите знать имена убийц моего отца, не правда ли, дядя?

— Да.

— Для вас очень важно, чтобы мщение, которое вы так давно сделали своей целью, продолжалось — именно теперь, когда вы почти достигли желаемого?

— Да.

— Наконец, вы желаете исполнить до конца свое клятвенное обещание?

— Да. Но к чему все эти вопросы? — спросил он с нетерпением.

— Я вам скажу это, дядя, — отвечала она, со странной решимостью подняв голову. — Я сама также дала клятву и не могу ее нарушить.

— Какая это клятва?

— Это клятва отомстить за отца и мать. Чтобы исполнить ее, я должна быть свободна в своих действиях. Вот почему я не открою вам имена злодеев, пока не настанет время. Сегодня я не могу этого сделать.

В черных глазах юной девушки сверкала такая решимость, что Сын Крови отказался от попытки узнать от нее то, что ему было нужно. Он понял, что никакие просьбы с его стороны не помогут.

— Хорошо, — сказал он, — пусть будет так, но ты клянешься мне...

— Я клянусь, что вы узнаете все, когда настанет время, — произнесла она, протянув руку к кресту.

— Этому мне достаточно. Но не могу ли я, по крайней мере, узнать, что ты рассчитываешь делать?

— Да — до известной степени.

— Я слушаю.

— Есть у вас лошадь?

— Да, она у подножия холма.

— Приведите ее мне, дядя, и позвольте мне уехать... Но главное, чтобы никто не догадывался о связывающих нас узах.

— Я буду нем.

— Что бы вы ни увидели, что бы вы ни услышали, что бы вам ни сообщили обо мне, не верьте и не удивляйтесь ничему. Помните, что я действую в интересах общего для нас дела мести. Только это одно будет верно.

Дон Стефано покачал головой.

— Ты очень молода, дитя мое, для такой трудной задачи, — сказал он.

— Бог поможет мне, дядя, — возразила она, сверкая глазами, — цель эта справедливая и святая, ибо я желаю возмездия убийцам моего отца.

— Хорошо, — сказал он, — пусть будет по-твоему! Ты сказала, что эта цель справедливая и святая, и я не считаю себя вправе мешать тебе ее исполнить.

— Благодарю вас, дядя, — с чувством произнесла молодая девушка. — А теперь, пока я буду молиться на могиле моего отца, приведите мне вашу лошадь, чтобы я могла отправиться в путь немедленно.

Сын Крови удалился, ничего не сказав.

Девушка опустилась на колени у подножия креста.

Полчаса спустя, нежно простившись с доном Стефано, она вскочила на лошадь и помчалась галопом по направлению к прериям.

Сын Крови провожал ее взглядом, пока она не скрылась во мраке, затем, в свою очередь, опустился на могилу и прошептал глухим голосом:

— Удастся ли ей?.. Кто знает! — прибавил он минуту спустя.

Он молился до рассвета.

При первых лучах солнца Сын Крови присоединился к своим товарищам и вместе с ними направился вслед за племянницей.

ГЛАВА VI

Апачи

При звуке выстрела, которым Сандоваль как бы подвел итог своей слишком длинной истории, апачи, как мы уже сказали, державшиеся до того времени на расстоянии выстрела, поспешно приблизились.

Красный Кедр бросился в погоню за Сыном Крови, но бесполезно — он не мог догнать его и был вынужден возвратиться к своим товарищам.

Последние уже занялись приготовлениями к погребению старого бандита, тело которого они не хотели оставлять на съедение диким зверям и хищным птицам.

Педро Сандоваль пользовался большой любовью у апачей, с которыми он жил долгое время и которые имели много случаев оценить его храбрость, а в особенности его способности грабителя.

Станапат собрал свой отряд и очутился во главе значительного числа храбрых воинов.

Разделив их на две части, он подошел к Красному Кедру.

— Не желает ли мой брат выслушать слова друга? — сказал он.

— Пусть мой отец говорит. Хотя мое сердце и опечалено, но мои уши открыты, — отвечал скваттер.

— Хорошо, — произнес вождь, — пусть мой брат возьмет часть моих молодых людей и отправится по следам бледнолицых, а я отдам последний долг белому воину.

— Могу ли я покинуть друга, прежде чем тело его будет предано земле?

— Мой брат знает сам, что он должен делать, но только бледнолицые быстро удаляются.

— Вы правы, вождь, я отправляюсь, но оставляю вам ваших воинов. Мне достаточно и моих товарищей.

— Где я найду моего брата?

— В теокали Сына Крови.

— Хорошо. Мой брат скоро будет там?

— Через два дня.

— Второе солнце найдет меня там со всеми моими воинами.

Красный Кедр приблизился к телу Сандовалья, склонился над ним и взял мертвеца за руку.

— Прощай, брат, — сказал он. — Прости, что не буду присутствовать при твоём погребении, но меня призывает важное дело: я отправляюсь мстить за тебя. Прощай, мой старый товарищ, покойся с миром. Твоим врагам осталось жить недолго. Прощай!

Сказав это надгробное слово, скваттер сделал знак своим товарищам, в последний раз поклонился Станапату и умчался, сопровождаемый остальными бандитами.

Когда союзники скрылись из виду, апачи продолжили церемонию погребения, прерванную разговором их вождя с бандитом.

Станапат взял на себя обязанность обмыть тело и разрисовать лицо покойника яркими красками, тогда как другие индейцы с жалобными криками окружили его, причем некоторые, более других огорченные и опечаленные, в знак скорби наносили себе раны и даже отсекали острым ножом суставы пальцев на левой руке.

Когда все было готово, вождь встал у изголовья покойного и обратился с речью к присутствующим.

— О чем вы плачете? — сказал он. — О чем скорбите? Вы видите, я не плачу — я, самый старый и самый преданный друг умершего. Он ушел в другую страну, Владыка Жизни призвал его к себе. Но если мы не можем вернуть его, то наша обязанность отомстить за него! Бледнолицые убили его, и мы уничтожим как можно больше бледнолицых,

чтобы они сопровождали его, составили свиту его и чтобы он явился к Владыке Жизни, как подобает славному воину! Смерть бледнолицым!

— Смерть бледнолицым! — воскликнули индейцы, потрясая оружием.

Вождь повернул голову, и презрительная усмешка скривила его губы при этом взрыве воодушевления.

Но эта усмешка мелькнула как молния. Снова вернув себе свойственное индейцам равнодушие, Станапат торжественно, по обычаю краснокожих, одел тело в лучшие одежды обернул его самыми дорогими одеялами.

Затем труп был опущен в специально для него вырытую яму, стены и дно которой были украшены ветвями. Туда же положили конскую сбрую, плетъ и некоторые другие предметы и сверху засыпали землей, прикрыв, кроме того, могилу большими камнями, чтобы койоты не могли вырыть труп.

Сделав это, апачи по знаку своего вождя вскочили на лошадей и помчались по дороге, ведущей к теокали Сына Крови, не думая более о товарище, с которым они навсегда расстались, как будто его никогда и не существовало.

Путешествие их продолжалось три дня. К вечеру четвертого, совершив утомительный переход через песчаную степь, они остановились посреди густого леса, совершенно их скрывавшего.

Как только был разбит лагерь, Станапат отправил во все стороны разведчиков, чтобы узнать, нет ли поблизости других вооруженных отрядов союзных племен, и в то же время постараться найти следы Красного Кедра.

Расставив караулы — *Indios Bravos* Дикого Запада бывают во время похода очень осторожны, — Станапат осмотрел посты и приготовился выслушать донесения разведчиков, которые уже вернулись.

Первые три индейца, которых он расспросил, не сообщили ничего интересного, так как они ничего не обнаружили.

— Хорошо, — сказал вождь, — ночь темна, а у моих молодых людей глаза кротов, завтра на восходе солнца они будут видеть лучше. Пусть они спят эту ночь. С рассветом они снова отправятся и, может быть, что-нибудь отыщут.

Он сделал знак рукой, и разведчики, почтительно поклонившись вождю, молча удалились.

Один только остался неподвижен, как будто слова вождя не относились к нему точно так же, как и к другим. Станапат повернулся к нему и несколько мгновений пристально смотрел на него.

— Мой сын Быстрый Натиск, без сомнения, не расслышал меня, — сказал он. — Пусть он присоединится к своим товарищам.

— Быстрый Натиск слышал слова своего отца, — спокойно ответил индеец.

— Почему же в таком случае он остается здесь?

— Потому что он не сказал того, что видел, а то, что он видел, вождю важно знать.

— О-о-а! — произнес Станапат. — А что же видел мой сын такого, чего не обнаружили его товарищи?

— Воины вели поиски в другом месте, вот почему они не заметили следов.

— А мой сын заметил?

Быстрый Натиск утвердительно кивнул головой.

— Я жду, чтобы мой сын объяснился.

— Бледнолицые находятся в двух полетах стрелы от лагеря моего отца, — лаконично отвечал индеец.

— О-о-а! — произнес вождь с сомнением. — Не ошибка ли это?

— Желает мой отец увидеть сам?

— Да, я хочу видеть, — отвечал Станапат, вставая,

— Пусть мой отец последует за мной, и он скоро увидит.

— Хорошо, идем.

Оба индейца отправились. Пройдя некоторое расстояние лесом, они вышли на берег реки, и здесь Быстрый Натиск указал своему спутнику на холм, черный силуэт которого молчаливо и мрачно возвышался неподалеку от берега.

— Они там, — произнес он, протянув руку по направлению к скале.

— Мой сын видел их?

— Я их видел.

— Это холм Бешеного Бизона, если я не ошибаюсь? — произнес вождь.

— Да, — подтвердил индеец.

— О, их трудно будет захватить, — пробормотал Станапат, внимательно рассматривая скалу.

Это место действительно называлось холмом Бешеного Бизона, и вот почему оно носило это имя.

Лет за пятьдесят до того времени, к которому относится наше повествование, у команчей был знаменитый вождь, который сделал свое племя самым воинственным и самым страшным из всех племен Дикого Запада. Этот вождь, которого звали Бешеным Бизоном, был не только великим воином, но и великим политиком. При помощи ядов, секрет которых был известен только ему, а в особенности при помощи мышьяка, выменянного им на меха у белых купцов, ему удалось предательски умертвить всех своих противников и внушить своим подданным безграничный, почти суеверный страх.

Когда он почувствовал приближение смерти и понял, что наступил его последний час, он указал место, выбранное им для погребения.

Это была пирамидальная колонна из гранита и песка высотой приблизительно сто сорок пять футов.

Эта колонна господствует над местностью, расположенной вблизи омывающей ее основание реки, которая, сделав бесчисленное число изгибов по равнине, снова проходит совсем близко отсюда. Бешеный

Бизон приказал, чтобы его похоронили на вершине холма, на котором он часто сживал.

Его последняя воля была исполнена с точностью, которой индейцы отличаются в подобных вещах.

Тело его было помещено на вершине холма, верхом на любимом скакуне покойного. Сверху насыпали высокий курган, вершину которого украсили тотемом вождя, увенчанным многочисленными скальпами, добытыми им в сражениях с врагом.

Холм Бешеного Бизона служит у команчей объектом поклонения, и каждый краснокожий, выступая в первый раз на войну, считает своим долгом явиться сюда, чтобы укрепить свое мужество взглядом на эту заколдованную гору, таящую в себе скелет индейского воина на коне.

Вождь внимательно смотрел на холм. Это была поистине крепкая позиция.

Белые дополнительно укрепили ее, насколько это было в их силах, срубив толстые деревья и устроив из них палисады с заостренными зубцами, а вокруг выкопав ров шириною шесть метров. Укрепленный таким образом холм превратился в настоящую неприступную крепость, способную выдержать длительную осаду.

Станапат повернул в лес в сопровождении своего спутника и возвратился в лагерь.

— Доволен вождь своим сыном? — спросил индеец перед уходом.

— У моего сына глаза тапира, от которых ничто не ускользнет.

Быстрый Натиск довольно улыбнулся и поклонился.

— Знает ли мой сын, — продолжал вождь вкрадчиво, — бледнолицых, которые укрепились на холме Бешеного Бизона?

— Быстрый Натиск знает их, — отвечал индеец.

— О-о-а! — произнес вождь. — Мой сын не ошибается? Он хорошо узнал следы?

— Быстрый Натиск никогда не ошибается, — твердым голосом отвечал индеец. — Он знаменитый воин.

— Мой сын прав, пусть он говорит.

— Бледнолицый вождь, завладевший холмом Бешеного Бизона, — великий белый охотник, которого усыновили команчи и которого зовут Кутонепи.

Станапат не мог скрыть своего удивления при этих словах.

— О-о-а! — воскликнул он. — Возможно ли это! Мой сын уверен, что именно Кутонепи укрепился на вершине холма?

— Уверен, — не колеблясь отвечал индеец.

Вождь сделал Быстрому Натиску знак удалиться и, опустив голову на руки, глубоко задумался.

Апачи не ошибался — на холме действительно находились Валентин Гиллуа с друзьями.

После смерти доньи Клары француз и его товарищи, движимые жадной мести, бросились в погоню за Красным Кедром, не дожидаясь полного прекращения землетрясения.

Валентин, благодаря приобретенному за долгие годы странствий по прериям опыту, накануне вечером выследил отряд апачей и, не рассчитывая сразиться с ними на открытой равнине ввиду малочисленности своего отряда, засел на холме, решив обороняться от всех, кто посмеет напасть на них в этом неприступном убежище.

Во время одного из многих своих путешествий по прериям француз заметил этот холм, положение которого было настолько удачно, что на нем легко было защищаться даже против значительного числа врагов. Он решил воспользоваться этим местом, если когда-нибудь обстоятельства заставят его искать надежного убежища.

Не теряя даром времени, охотники приготовились к обороне. Когда все сооружения были окончены, Валентин взобрался на могилу Бешеного Бизона и внимательно осматрел равнину.

Было около полудня. С высоты, на которой он находился, француз видел все, что происходило в окрестностях.

Равнина и река были пустынной и безлюдной. На горизонте не было видно ничего, кроме нескольких групп антилоп и бизонов, из которых одни щипали траву, а другие мирно отдыхали.

Охотник почувствовал большую радость, решив, что апачи потеряли его след и что у него теперь есть необходимое время, чтобы подготовиться к обороне.

Прежде всего он позаботился о снабжении крепости провиантом, чтобы не быть побежденным голодом в случае скорого нападения, которого он ожидал.

Поэтому он устроил с товарищами большую охоту на бизонов. Мясо убитых животных немедленно разрезали на длинные тонкие полосы, которые развешивали для вяления на солнце, чтобы приготовить то, что в прериях носит название пеммикан.

Кухня была устроена в естественном гроте, который находился внутри укрепления. Благодаря многочисленным трещинам в потолке грота можно было разводиться большой огонь, не боясь быть обнаруженными врагом, так как дым рассеивался сквозь эти трещины и выходил наружу почти невидимыми струйками.

В течение ночи охотники занимались изготовлением бурдюков для воды, с большой ловкостью кроя и сшивая бизоньи шкуры. Затем, смазав швы жиром, чтобы они не пропускали влаги, охотники наполняли бурдюки водой, которой у них, таким образом, получился большой запас.

На рассвете Валентин снова поднялся на свою «обсерваторию» и долго осматривал равнину, желая убедиться, что прерия все так же спокойна и пустынна.

— Зачем вы заставили нас, словно каких-нибудь белок, взобраться на эту скалу? — неожиданно спросил его генерал Ибаньес.

Валентин указал рукой вдаль.

— Посмотрите, — сказал он. — Что вы там видите?

— Гм! Ничего особенного. Там, кажется, клубится пыль, — беспечно отвечал генерал.

— Да, — произнес Валентин, — прекрасно. А знаете ли вы, отчего подымается эта пыль?

— По правде сказать, не знаю.

— Ну так я вам скажу: это апачи!

— Карамба! Вы не ошибаетесь?

— Вы скоро сами увидите.

— Скоро! — воскликнул генерал. — Неужели вы думаете, что они направляются сюда?

— К заходу солнца они будут здесь.

— Гм! Вы хорошо сделали, что приняли меры предосторожности. Итак, кабальеро, у нас будет жаркая схватка с этими краснокожими демонами.

— Вероятно, — с улыбкой произнес Валентин и спустился с холма.

Как читатель уже знает, Валентин не ошибся. Апачи действительно прибыли в тот же вечер и расположились недалеко от холма. Их разведчики не замедлили обнаружить присутствие белых.

Было полное основание предполагать, что произойдет серьезное столкновение между белыми и краснокожими, этими двумя столь различными между собой расами, которые разделяет взаимная смертельная ненависть и которые встречаются в прериях только для того, чтобы постараться уничтожить одна другую.

Валентин заметил разведчика-апачи, когда тот осматривал холм. Наклонившись к уху генерала, охотник сказал со свойственной ему насмешливостью:

— Ну что же, дорогой друг, вы все еще думаете, что я ошибся?

— Я никогда этого не говорил, — с живостью возразил генерал, — Боже меня избави! Признаюсь вам откровенно, я искренне желал бы, чтобы вы ошиблись. Как вы видите, мое самолюбие не играет здесь никакой роли. Но как вам угодно, а я предпочитаю биться против десяти соплеменников, чем иметь дело с одним из этих проклятых индейцев.

— К несчастью, — произнес Валентин с улыбкой, — в настоящее время мы не можем выбирать, так как выбора нет, мой друг.

— Это правда, но будьте спокойны, как бы мне это ни было тягостно, я честно исполню свой долг солдата.

— Ах, кто же сомневается в этом, мой дорогой генерал?

— Никто, я знаю это. Но все равно, вы увидите.

— Хорошо. А теперь — спокойной ночи, постарайтесь хорошенько отдохнуть, так как завтра на рассвете на нас будет совершенно нападение, уверяю вас.

— Честное слово, — отвечал генерал, зевая во весь рот, — я не желаю ничего иного, как сразу покончить с этими бандитами.

Час спустя все охотники спали, исключая Курумиллю, стоявшего на часах. В лагере индейцев происходило то же самое.

ГЛАВА VII

Холм Бешеного Бизона

Приблизительно за час до восхода солнца Станапат разбудил своих воинов и приказал им приготовиться к выступлению. Апачи разобрали оружие, выстроились в цепь и по сигналу вождя углубились в чащу, отделявшую их от вершины, на которой засели белые охотники.

Хотя расстояние, разделявшее их, не превосходило двух миль, апачи шли более часа. Зато переход этот был совершен с такой осторожностью, что охотники, несмотря на всю свою бдительность и чуткость, и не подозревали, что враги находятся так близко.

У подножия скалы апачи остановились. Станапат приказал немедленно разбить здесь лагерь. Индейцы, если им это нужно, умеют очень хорошо укрепляться. В данном случае, предполагая повести правильную осаду, они отнеслись к делу с особенной старательностью и предусмотрительностью.

Холм Бешеного Бизона был окружен вторым рвом, шириной три и глубиной четыре фута. Вынутая из этого рва земля образовала вал, который вместе с возведенными на нем завалами служил для индейцев прекрасным прикрытием, из-за которого они могли стрелять, будучи сами скрытыми.

Посреди лагеря устроили две хижины — одну для вождей, другую для проведения совета. Перед входом в последнюю водрузили тотем племени, перед первой повесили священную трубку мира.

Необходимо объяснить, что означают эти два знака, о которых упоминали многие писатели, не описывая их, хотя для желающих основательно познакомиться с индейскими нравами очень важно знать об этом. Тотем — это своего рода знамя, отличительный знак каждого племени¹. Он также называется иногда кукевиум.

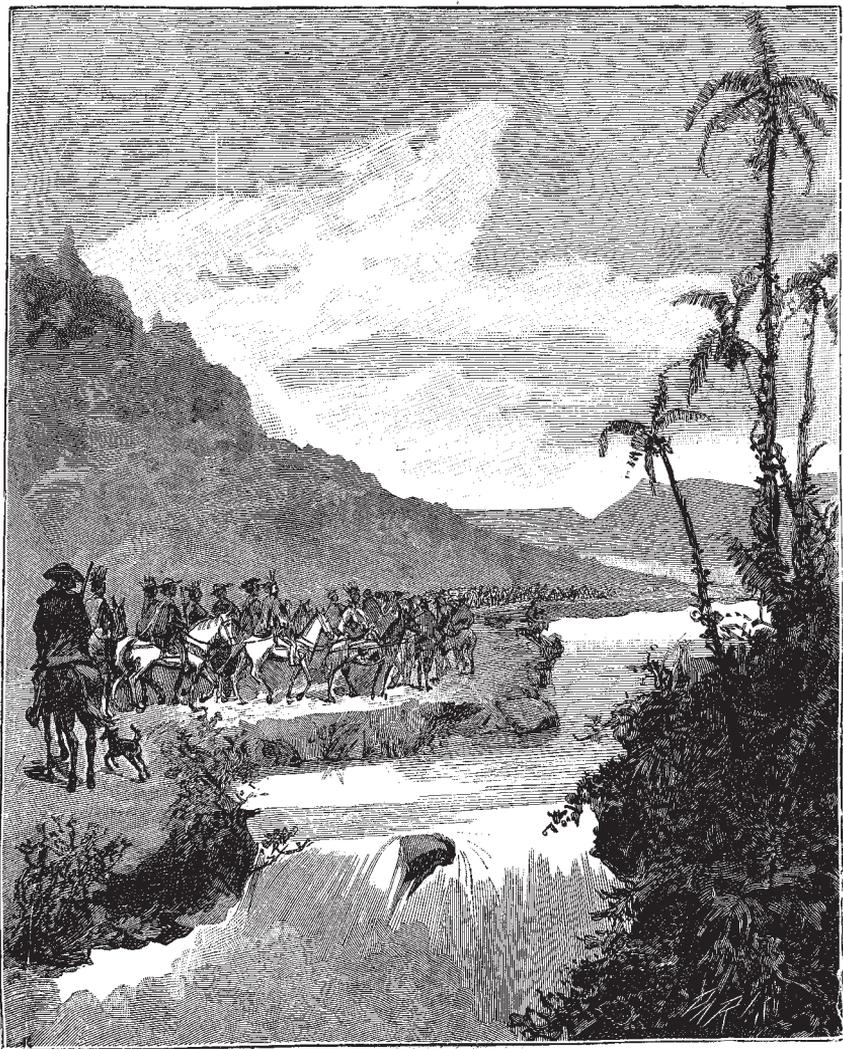
На этом знамени у каждого племени имеется изображение какого-нибудь животного: койота, ягуара, бизона и т. п.

Упомянутый выше тотем носил изображение белого бизона.

Древко тотема украшается разноцветными перьями, прикрепленными к нему перпендикулярно. Носит тотем только вождь племени.

Трубка мира — это трубка длиной пять, шесть и даже десять футов. Иногда встречаются трубки круглой формы, но чаще — плоской. Они украшаются цветными изображениями животных, волосами, иглами дикобраза и яркими птичьими перьями. Трубка — вещь священная, по представлениям индейцев данная людям солнцем. Вот почему она никогда не должна прикасаться к земле.

¹ Эмар дает неверное толкование понятия тотем. Тотем — это объект (чаще всего — какое-либо животное или растение), с которым, как считают индейцы, их племя состоит в кровном родстве. В данном же случае речь может идти лишь об изображении тотема.

Апачи разобрали оружие, выстроились в цепь и по сигналу вождя углубились в чащу.

В лагере трубку мира обыкновенно кладут на две палки с раздвоенными наподобие вил концами, воткнутые в землю.

Личность индейца, обязанного нести трубку мира, считается неприкосновенной. Чаще всего это делает какой-нибудь прославленный воин того же племени, получивший в сражении такую рану или увечье, которые не позволяют ему принимать участие в битвах.

Солнце уже взошло, когда апачи закончили свои приготовления.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Из предисловия 1858 года</i>	7
---	---

ВЕЛИКИЙ ВОЖДЬ ОКАСОВ

<i>Глава I. Кровавая просека</i>	9
<i>Глава II. Молочные братья</i>	15
<i>Глава III. История жизни Валентина</i>	19
<i>Глава IV. Расстрел на площади</i>	24
<i>Глава V. Морское путешествие из Гавра в Чили</i>	27
<i>Глава VI. Тайственная красавица</i>	30
<i>Глава VII. Муж и жена</i>	35
<i>Глава VIII. Мрачные Сердца</i>	39
<i>Глава IX. Король Мрака</i>	45
<i>Глава X. Битва</i>	49
<i>Глава XI. История палача</i>	54
<i>Глава XII. Шпион</i>	61
<i>Глава XIII. Признание в любви</i>	65
<i>Глава XIV. В логове льва</i>	70
<i>Глава XV. Правосудие свершилось</i>	76
<i>Глава XVI. Встреча с арауканами</i>	81
<i>Глава XVII. Пуэльче</i>	86
<i>Глава XVIII. Черный Шакал</i>	91
<i>Глава XIX. Тигр-Солнце и Красавица</i>	97
<i>Глава XX. Ложь колдуна</i>	102
<i>Глава XXI. Похороны старого вождя</i>	111
<i>Глава XXII. Объяснения Тадео с Розарио</i>	114
<i>Глава XXIII. В чингане</i>	118
<i>Глава XXIV. Ода в честь яичницы</i>	124
<i>Глава XXV. Коварные планы</i>	128
<i>Глава XXVI. Смерть матери от руки сына</i>	133

<i>Глава XXVII.</i> Приговор шпиону	137
<i>Глава XXVIII.</i> Мирный договор	142
<i>Глава XXIX.</i> Похищение	147
<i>Глава XXX.</i> Отвергнутая декларация	152
<i>Глава XXXI.</i> Испанец и индеец	157
<i>Глава XXXII.</i> На горе	162
<i>Глава XXXIII.</i> Настороже	166
<i>Глава XXXIV.</i> Лицом к лицу: донья Розарио и Красавица	170
<i>Глава XXXV.</i> Битва	175
<i>Глава XXXVI.</i> Поражение диктатора	179
<i>Глава XXXVII.</i> Парламентер	184
<i>Глава XXXVIII.</i> Два мошенника — тюремщик и палач	188
<i>Глава XXXIX.</i> Визит к раненому	192
<i>Глава XL.</i> Арауканская дипломатия	199
<i>Глава XLI.</i> Ночная поездка	209
<i>Глава XLII.</i> Две ненависти	213
<i>Глава XLIII.</i> Возвращение в Вальдивию	217
<i>Глава XLIV.</i> Великий орел белых	221
<i>Глава XLV.</i> Курумилья идет по следу	225
<i>Глава XLVI.</i> Признание дона Тадео	228
<i>Глава XLVII.</i> Рассказ Хуана	231
<i>Глава XLVIII.</i> Дупло не спасло беглецов	236
<i>Глава XLIX.</i> Две змеи	240
<i>Глава L.</i> Любовь индейца	244
<i>Глава LI.</i> Приготовления к освобождению Бустаменте	249
<i>Глава LII.</i> Подкоп	254
<i>Глава LIII.</i> В каньоне Рио-Секо	259
<i>Глава LIV.</i> Перед сражением	263
<i>Глава LV.</i> Бой в ущелье	268
<i>Глава LVI.</i> В поисках доньи Розарио	273
<i>Глава LVII.</i> Сообщение индианки	278
<i>Глава LVIII.</i> В засаде	283
<i>Глава LIX.</i> Осажденные	289
<i>Глава LX.</i> Переговоры	293
<i>Глава LXI.</i> Посланник	299
<i>Глава LXII.</i> В волчьей пасти	304
<i>Глава LXIII.</i> Капитуляция	309
<i>Глава LXIV.</i> Призыв Мрачных Сердец	314
<i>Глава LXV.</i> Решение совета по спасению доньи Розарио	318
<i>Глава LXVI.</i> Хитрость против коварства	324
<i>Глава LXVII.</i> Странный приступ дона Тадео	330
<i>Глава LXVIII.</i> План военной кампании	336
<i>Глава LXIX.</i> Неприятное поручение	341
<i>Глава LXX.</i> Коршун и голубка	348

<i>Глава LXXI.</i> Конец путешествия сенатора	353
<i>Глава LXXII.</i> Совет ульменов	360
<i>Глава LXXIII.</i> Человеческое жертвоприношение	366
<i>Глава LXXIV.</i> Король Мрака действует	376
<i>Глава LXXV.</i> Битва при Кондорканки	381
<i>Глава LXXVI.</i> Победитель и пленник	388
<i>Глава LXXVII.</i> После битвы	394
<i>Глава LXXVIII.</i> Первые часы плена	399
<i>Глава LXXIX.</i> Ультиматум	404
<i>Глава LXXX.</i> Фурия	409
<i>Глава LXXXI.</i> Как удар грома	414
<i>Глава LXXXII.</i> Друзья идут по следам	420
<i>Глава LXXXIII.</i> Появление Ягуара	425
<i>Глава LXXXIV.</i> Черные Змеи	429
<i>Глава LXXXV.</i> Ураган	434
<i>Глава LXXXVI.</i> В пропасти: борьба за жизнь	441
<i>Глава LXXXVII.</i> Кипу герольда	447
<i>Глава LXXXVIII.</i> Неприступная скала	452
<i>Глава LXXXIX.</i> Цезарь	461

ИСКАТЕЛЬ СЛЕДОВ

Часть первая КРАСНЫЙ КЕДР

<i>Глава I.</i> Девственный лес	471
<i>Глава II.</i> Борьба	476
<i>Глава III.</i> Дон Мигель Сарате	481
<i>Глава IV.</i> Пекари	486
<i>Глава V.</i> Рана	492
<i>Глава VI.</i> Хакаль скваттеров	497
<i>Глава VII.</i> Рейнджеры	502
<i>Глава VIII.</i> Долина Бизонов	509
<i>Глава IX.</i> Красный Кедр	514
<i>Глава X.</i> Сашем корасов	519
<i>Глава XI.</i> Беседа	527
<i>Глава XII.</i> В венте	533
<i>Глава XIII.</i> Красный Кедр	539
<i>Глава XIV.</i> Два охотника	546
<i>Глава XV.</i> Брат Амбросио	551
<i>Глава XVI.</i> Две разновидности злодеев	556
<i>Глава XVII.</i> Ущелье Стервятника	563
<i>Глава XVIII.</i> Отец Серафим	569
<i>Глава XIX.</i> Единорог	574

<i>Глава XX. Охота на диких лошадях</i>	581
<i>Глава XXI. Неожиданное нападение</i>	587
<i>Глава XXII. Встреча</i>	592
<i>Глава XXIII. Похищение</i>	599
<i>Глава XXIV. Восстание</i>	606

Часть вторая
КРЕПОСТЬ САНТА-ФЕ

<i>Глава I. Ранчо Койота</i>	611
<i>Глава II. Кучиллада</i>	617
<i>Глава III. Охотники</i>	623
<i>Глава IV. Солнечный Луч</i>	630
<i>Глава V. Усыновление</i>	637
<i>Глава VI. Миссионер</i>	642
<i>Глава VII. Свидание</i>	648
<i>Глава VIII. Тюрьма</i>	652
<i>Глава IX. Посольство</i>	657
<i>Глава X. Депутация</i>	661
<i>Глава XI. Брат и сестра</i>	665
<i>Глава XII. Два приятеля</i>	668
<i>Глава XIII. Крупный разговор</i>	672
<i>Глава XIV. Тайна</i>	677
<i>Глава XV. Засада</i>	682
<i>Глава XVI. Дружеская беседа</i>	685
<i>Глава XVII. Натан</i>	688
<i>Глава XVIII. Раненый</i>	691
<i>Глава XIX. Индейская дипломатия</i>	694
<i>Глава XX. Незвестный</i>	699
<i>Глава XXI. Генерал Вентура</i>	703
<i>Глава XXII. Команчи</i>	705
<i>Глава XXIII. Переговоры</i>	711
<i>Глава XXIV. Освобождение</i>	714
<i>Глава XXV. Встреча</i>	719
<i>Глава XXVI. Красный Кедр</i>	722
<i>Глава XXVII. Брод дель-Торо</i>	727

ПИРАТЫ ПРЕРИЙ

<i>Глава I. Охотничья кладовая</i>	735
<i>Глава II. Привал</i>	743
<i>Глава III. Старый знакомый</i>	749
<i>Глава IV. Красный Кедр доведен до крайности</i>	753

<i>Глава V. Грот . . . . .</i>	758
<i>Глава VI. Предложение . . . . .</i>	764
<i>Глава VII. Эллен и донья . . . . .</i>	768
<i>Глава VIII. Бегство . . . . .</i>	775
<i>Глава IX. Среди развалин храма ацтеков . . . . .</i>	780
<i>Глава X. Белая Газель . . . . .</i>	785
<i>Глава XI. Апачи . . . . .</i>	792
<i>Глава XII. Черный Кот . . . . .</i>	799
<i>Глава XIII. Великое колдовство . . . . .</i>	804
<i>Глава XIV. Помощь . . . . .</i>	809
<i>Глава XV. На острове . . . . .</i>	814
<i>Глава XVI. Солнечный Луч . . . . .</i>	821
<i>Глава XVII. Индейское гостеприимство . . . . .</i>	827
<i>Глава XVIII. Любовь . . . . .</i>	833
<i>Глава XIX. Танец Старых Собак . . . . .</i>	839
<i>Глава XX. Рукопашный бой . . . . .</i>	845
<i>Глава XXI. Мститель . . . . .</i>	851
<i>Глава XXII. Объяснение . . . . .</i>	858
<i>Глава XXIII. Апачи и команчи . . . . .</i>	864
<i>Глава XXIV. Танец скальпа . . . . .</i>	870
<i>Глава XXV. Пытка . . . . .</i>	875
<i>Глава XXVI. Два женских сердца . . . . .</i>	880
<i>Глава XXVII. Шоу . . . . .</i>	888
<i>Глава XXVIII. Отъезд . . . . .</i>	892
<i>Глава XXIX. Исповедь разбойника . . . . .</i>	899
<i>Глава XXX. Любовь . . . . .</i>	906
<i>Глава XXXI. Брат Амбросио . . . . .</i>	911
<i>Глава XXXII. След . . . . .</i>	916
<i>Глава XXXIII. Преследование . . . . .</i>	918
<i>Глава XXXIV. Битва . . . . .</i>	923
<i>Глава XXXV. Землетрясение . . . . .</i>	927

ЗАКОН ЛИНЧА

<i>Глава I. Эллен и дон Пабло . . . . .</i>	935
<i>Глава II. В хижине . . . . .</i>	942
<i>Глава III. Разговор . . . . .</i>	949
<i>Глава IV. Взгляд назад . . . . .</i>	955
<i>Глава V. Сожженная асиенда . . . . .</i>	960
<i>Глава VI. Апачи . . . . .</i>	967
<i>Глава VII. Холм Бешеного Бизона . . . . .</i>	974
<i>Глава VIII. Черный Кот и Единорог . . . . .</i>	981
<i>Глава IX. Свидание . . . . .</i>	989

<i>Глава X.</i> Военная хитрость	997
<i>Глава XI.</i> В лесной глуши	1003
<i>Глава XII.</i> Миссионер	1011
<i>Глава XIII.</i> Возвращение к жизни	1016
<i>Глава XIV.</i> Старый знакомый читателя	1021
<i>Глава XV.</i> Выздоровление	1028
<i>Глава XVI.</i> Сообщник	1033
<i>Глава XVII.</i> Мать и сын	1040
<i>Глава XVIII.</i> Совещание.	1047
<i>Глава XIX.</i> Сын Крови	1053
<i>Глава XX.</i> Красный Кедр	1060
<i>Глава XXI.</i> Курумилья	1068
<i>Глава XXII.</i> Эль-Маль-Пасо.	1072
<i>Глава XXIII.</i> Смерть генерала Ибаньеса	1076
<i>Глава XXIV.</i> Стоянка в горах	1083
<i>Глава XXV.</i> Азартная игра	1089
<i>Глава XXVI.</i> Натан.	1095
<i>Глава XXVII.</i> След в воздухе	1100
<i>Глава XXVIII.</i> Охота на гризли	1104
<i>Глава XXIX.</i> Признательность	1108
<i>Глава XXX.</i> Натан в роли шамана	1110
<i>Глава XXXI.</i> Белая Газель	1114
<i>Глава XXXII.</i> Натан	1119
<i>Глава XXXIII.</i> Состязание в хитрости	1125
<i>Глава XXXIV.</i> Хитрость против хитрости	1132
<i>Глава XXXV.</i> Охота продолжается	1137
<i>Глава XXXVI.</i> Последнее убежище	1143
<i>Глава XXXVII.</i> Шкатулка	1150
<i>Глава XXXVIII.</i> Дым в горах	1155
<i>Глава XXXIX.</i> Травля	1160
<i>Глава XL.</i> Закон Линча	1167